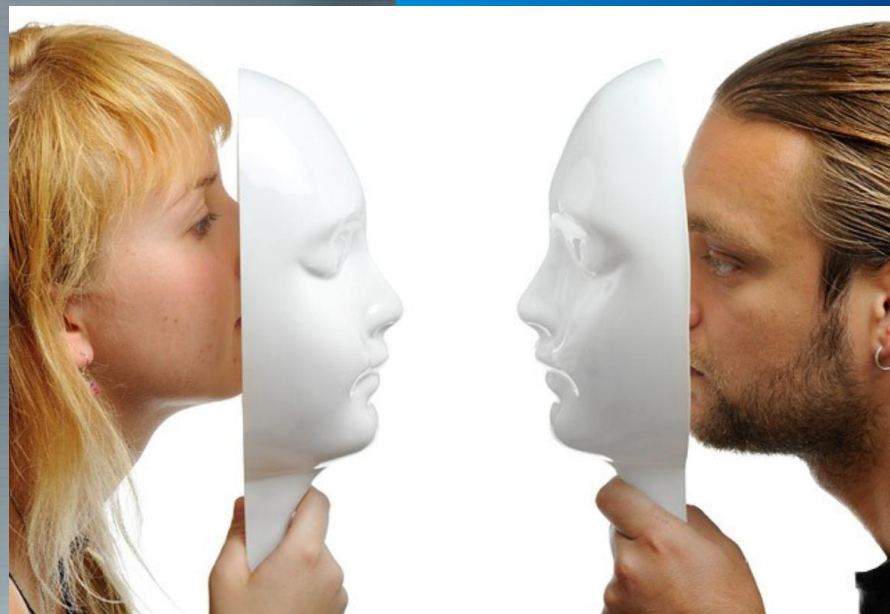

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

**КОЛЛЕКТИВНАЯ
МОНОГРАФИЯ**

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ

Ульяновск
2018

УДК 316.6
ББК 88.5
Д 48

Авторы:

Предисловие (Нагорнова Анна Юрьевна).

Глава 1 – § 1.1 (Клейберг Юрий Александрович), § 1.2 (Яковлева Елена Людвиговна), § 1.3 (Шерайзина Роза Моисеевна, Донина Ирина Александровна, Хачатурова Карине Робертовна, Александрова Наталья Викторовна, Поломошнова Светлана Анатольевна, Александрова Марина Викторовна), § 1.4 (Еремина Лариса Ивановна).

Глава 2 – § 2.1 (Воронкова Ольга Алексеевна), § 2.2 (Грошев Игорь Васильевич, Горбенко Антон Васильевич), § 2.3 (Беляева Татьяна Борисовна, Углова Тамара Валентиновна), § 2.4 (Жеребкина Валентина Федоровна, Рослякова Светлана Васильевна), § 2.5 (Мейер Лариса Хамитовна).

Глава 3 – § 3.1 (Селезнёв Александр Алексеевич), § 3.2 (Каскаева Дарья Сергеевна, Логинова Ирина Олеговна, Вишнякова Нина Николаевна), § 3.3 (Егоров Владимир Николаевич, Таютина Татьяна Владимировна, Недоруба Елена Александровна), § 3.4 (Смирнова Наталья Николаевна, Соловьев Андрей Горгоньевич).

Д 48 Дискуссионные проблемы социальной психологии: коллективная монография / отв. ред. А.Ю. Нагорнова. – Ульяновск: Зебра, 2018. – 153 с.

В коллективной монографии рассматриваются теоретико методологические вопросы социальной психологии. Характеризуются особенности социального поведения личности в современном обществе. Отдельное внимание уделяется изучению социально-психологические проблем в сфере здравоохранения.

Монография предназначена научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, практикующим психологам, студентам гуманитарных специальностей.

УДК 316.6
ББК 88.5

Рецензенты:

Арпентьева Мариям Равильевна – доктор психологических наук, доцент, старший научный сотрудник кафедры психологии развития и образования ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского».

Аршанский Евгений Яковлевич – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры химии, Витебский государственный университет имени П.М. Машерова.

ISBN

© Коллектив авторов, 2018
© Зебра, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Глава 1. Теоретико методологические вопросы социальной психологии	5
1.1. Компаративистский анализ девиантологических конструктов	5
1.2. Философское осмысление влияния виртуальной среды на ребенка: PRO ET CONTRA	15
1.3. Аксиологический потенциал личности как основа её профессионального и социального успеха	25
1.4. Социально-психологические условия развития групповой креативности	36
Глава 2. Особенности социального поведения личности в современном обществе	47
2.1. Массовое сознание в новых информационных условиях: возможности манипуляции и ресурсы противодействия	47
2.2. Социально-психологические механизмы формирования электорального поведения избирателей как социального феномена	60
2.3. Взаимосвязь конфликтного поведения с локусом контроля персонала торговой организации	72
2.4. Особенности межличностных отношений между средним медицинским персоналом и больными туберкулезом	83
2.5. Субъективная оценка риска и страхование	95
Глава 3. Социально-психологические проблемы в сфере здравоохранения	105
3.1. Психологическое здоровье общества и социальная психология здоровья	105
3.2. Исследование психологического здоровья студенческой молодежи	119
3.3. Состояние окружающей среды и здоровье населения: позиция участковых терапевтов	130
3.4. Психологическое сопровождение подготовки специалиста наркологического профиля – от вуза до практического звена здравоохранения	139
Сведения об авторах	150

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение человеческой личности, безусловно, одна из приоритетных задач современного общества. Социальная психология предлагает различные подходы к исследованию личности. Как подчеркивают многие исследователи, на сегодняшний день сохраняется определенный дисбаланс теоретических и эмпирических социально-психологических исследований, что приводит к неразрешенности ряда теоретических проблем. Требуется сближение различных подходов, выход на междисциплинарный уровень исследований, предполагающий консолидацию психологического знания с знаниями экономическими, медицинскими, культурологическими и т.д. Все это вопросы открытого научного дискурса.

Важно помнить, что, как подчеркивает Г.А. Андреева, основным ориентиром в социально-психологическом исследовании личности является не просто ее взаимоотношение с группой, а результат этого взаимодействия. Только в результате включения личности в различные группы происходит ее формирование как субъекта отношений и взаимоотношений. Таким образом, одной из главных проблем социальной психологии является проблема социализации и ресоциализации личности.

Важнейшим эффектом социализации личности, по мнению Р.М. Шамина, является социальная активность, в основе которой лежит комплекс убеждений, отражающих субъективную позицию личности по отношению к обществу. Позиция социальной активности как стратегия жизни современного человека обладает вариативными характеристиками и является способом адаптации личности к меняющимся условиям жизни в социуме.

Проблема социальных представлений еще одна важная проблема социальной психологии. С. Московичи рассматривает социальные представления не как коллективное сознание, а как ментальные формы, которые разделяют члены социальных групп. Представления формируются с помощью различных социальных институтов (например, СМИ, интернет-сети) и посредством реальной коммуникации членов групп и сообществ. Именно эти представления являются наиболее динамичными и зависят от конкретных социальных ситуаций и поведенческих реакций индивида.

Формирование социальной конгруэнтности - немаловажная задача социальной психологии. Социальная конгруэнтность предполагает способность личности ориентироваться в социальных условиях, включаться в совместную деятельность с другими и адекватно реагировать на отношения других. Социальная конгруэнтность тесно связана с конгруэнтностью личностной. Важно отметить, что важнейшим показателем личностной (социальной) зрелости человека и его психологического благополучия является его автономность, подразумевающая наличие внутреннего социального контроля, способность индивида регулировать свое поведение.

Социальная психология также рассматривает вопросы культурной ориентации личности, из которой проистекают различные особенности адаптации человека к окружающей социальной ситуации.

Наименее изученной в России проблемой является проблема субъективного благополучия личности, предполагающая эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни и взаимоотношениям с другими людьми. Малоизученным является выявление причин сохранения субъективного благополучия личности в изменчивых социальных условиях.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

1.1. Компаративистский анализ девиантологических конструктов

В настоящее время накоплен существенный теоретико-методологический и эмпирический потенциал в девиантологической науке, требующий осмысления, сопоставления, оценки и систематизации, исходя из современных реалий социального познания, с учетом сложившейся в науке традиции и новизны. Невозможно мыслить и творить, не сравнивая.

Актуальность применения компаративистского подхода в качестве общенаучной девиантологической основы обусловлена масштабными переменами, происходящими в эпоху постмодерна, глобализации, неравенства, социальной незащищенности и несправедливости. А именно: появлением современного социального слоя «обиженных людей» (the offended people); специфического подростково-молодежного субкультурного кластера с девиантологической и криминальной направленностью; психологического притеснения; распространением тенденции деформации субъектности личности; нарушением социального и психологического гомеостаза личности; противоречивостью российской системы образования и воспитания; девальвацией ценностей и норм; девиантогенной и криминогенной маргинализацией, десоциализацией и дегуманизацией личности в ситуации социальной турбулентности и риска; усилением социального расслоения общества на включенных/исключенных (inclusion/exclusion); экстремистскими проявлениями в молодежной среде; увеличением разного рода зависимостей (алкогольная, наркотическая, интернет, TV, игровая, пищевая, кибер-коммуникативная и др.) в подростково-молодежной среде; деформацией личностной идентификации и обуславливающий жестокость, агрессию и другие негативные явления (самоубийство, экстремизм, наркомания, преступность и т.п.) и т.д., и т.п.

И в этом смысле компаративистский подход в девиантологии универсален. Он открывает возможность эвристического поиска методов и способов глубокого и всестороннего анализа и сравнения концепций, теоретических подходов, научных взглядов и позиций ученых. По сути, компаративистский подход в девиантологии состоит в сравнении нескольких теоретических концепций для выявления в них неких общих, универсальных принципов и установок, а также нахождения различий, свидетельствующих об особенностях и уникальности рассматриваемых научных традиций, сложившихся в девиантологической науке и практике. Ad hoc исследователь-компаративист может использовать герменевтический метод, который оптимизирует процесс «вживания» ученого в разнообразные теории и подходы, позволяет рассмотреть их, так сказать, «изнутри».

Из вышесказанного следует, что компаративистский подход в девиантологической науке, как мне представляется, включает в себя три важнейших психологических механизма: а) *осмысление и объяснение* (comprehension and explanation) на основе герменевтического метода (девиантология знаний), или как «познавательный акт и как логическая форма» (по Е.М.Калашниковой, 2014); б) *понимание и сравнение* (understanding and comparison) на основе этого понимания (понимающая девиантология) и в) *флуктуационное научение* (fluctuation learning, от лат. fluctuation – нестойкость, колебание) (социализация), создаваемое турбулентной и нестабильной внешней социальной средой и

воспроизводимое ею же, появлением спонтанно возникших аттракторов (лидеров, субкультур, социальных сетей и т.п.), оказывающих позитивные и деструктивные воздействия на личность и социальную среду.

Однако такой подход имеет неоднозначную линейную структуру двух уровней: *первый уровень* – это внутридисциплинарная компаративистика, которая исследует концепции, подходы и методики внутри самой дисциплины, *второй уровень* – междисциплинарный, который позволяет сопоставить полученные знания не только от смежных дисциплин, но и от появившихся современных нано-наук (*in vitro*, речь идет об отделившихся от основополагающей науки новых ветвей специального знания, в нашем случае – девиантологии, психологии девиантного поведения), где используются известные методы современного науковедения: синергетического, системного, информационного и др. свойства. И только, как указывает Е.М.Калашникова, пересечение этих двух уровней компаративистики способно преодолеть междисциплинарную схематичность и дисциплинарную обособленность, обеспечить, тем самым, целостность изучаемых феноменов [3, с.12].

Вообще-то, в широком смысле все исследовательские методы социальных наук можно считать сравнительными, и термин *сравнительный метод*, как правило, используется для особого вида сравнений – сравнения макросоциальных феноменов. Сравнения одних научных концепций, подходов, научных школ с другими – естественная часть самой природы науки – общей или специальной.

Под сравнительным методом в девиантологической науке понимается такой метод, который косвенно или явно способствует более глубокому и точному пониманию имеющегося сходства и различия между отдельными социальными конструктами: «акцентуации – девиации», «норма – патология», «норма – девиация», «позитивность – деструктивность», «плохое – хорошее», «добро – зло», «пошлость – пристойность», «нравственность – порочность», и т.п.

Однако компаративистский подход в девиантологии пока еще не прошел этап своей институционализации. Здесь имеются некоторые разногласия. Так, например, Н.Дж.Смелзер полагает, что сравнительное исследование не является особой разновидностью социальных исследований и что анализ явлений в заведомо непохожих друг на друга сообществах (в особенности, в различных обществах или культурах) должен быть лишен специфических для него методологических проблем. Объясняется это именно тем, согласно Н.Смелзеру, что цели сравнительных и несравнительных исследований идентичны – объяснять социальные явления путем выявления предпосылок и причин вариаций. При такой логике любые технические приемы, позволяющие объяснять социальные отклонения, и есть сравнительный метод. А под данное определение подпадают практически все аналитические методы, используемые в социальных науках [9].

Важно и другое: расширение научных горизонтов, динамичность развития междисциплинарных знаний, требуют постоянного сопоставления их с уже функционирующими знаниями, а вновь появляющиеся концепции, подходы, гипотезы и методы, претендующие на инновационность, должны выдержать проверку. Именно поэтому компаративистский метод вновь становится востребованным.

Стало быть, можно утверждать, что компаративистский подход, наряду с другими общеизвестными научными подходами (деятельностный, личностный, системный, герменевтический, аксиологический, генетический, структурно-функциональный и др.) –

эвристичен по своей сути, и может быть применим при диагностике, анализе и оценке девиантологических феноменов на личностном, ситуационном и поведенческом уровнях.

Это тем более важно, что в современном обществе происходят, по метким выражениям Э.Гидденса, «испарение моральности» (Giddens, 1984) и В.В.Лунеева – «гуманизация преступности» (Лунеев, 2014).

Не буду оригинален (тем более, что я об этом уже писал), если скажу, что современная российская история, начиная с «легендарных» 1990-х годов, **создала** условия для огромного количества всевозможных рисков, препятствующих позитивной социокультурной и экономической динамики в обществе; **породила** неслыханную коррупцию, взяточничество, круговую поруку во всех эшелонах власти, такие виды преступлений, которых в недавнем историческом прошлом не было (похищение людей, терроризм и экстремизм, подростковая проституция, детско-подростковый суицид, насильственные преступления, жестокость и интолерантность и т.п.); **спровоцировала** такие социальные явления, как массовая безработица, обнищание народа, социальное сиротство, беспризорничество и попрошайничество, наркотизация и алкоголизация подрастающих поколений; **обнажила** критические точки общественного развития, способствующие появлению чрезвычайных социальных ситуаций – основательный демонтаж сложившейся уникальной ментальной системы целого народа; **обрекла** народ на массовую дезориентацию и утрату идентификации как на индивидуальном, так и на групповом уровне, на антагонизацию социальной структуры, маргинализацию и криминализацию общества, деградацию населения, разрушения личности, отторжение власти народом и депопуляции страны и мн. др. Все это представляет серьезную угрозу не только отдельно взятой личности, но и обществу в целом и, наконец, – государственности [4; 5].

Применение компаративистского подхода. Межпредметное мышление, междисциплинарность и ценностный анализ теоретических моделей и аналитических практик, являются сущностно-содержательными характеристиками особенностей и возможностей компаративистского подхода, традиционно применяемого в гуманитарных науках. Так, *в педагогике* компаративистский метод, известный более двухсот лет, стал основным источником информации в теоретических обобщениях в сфере методологического обоснования педагогических парадигм. *В социологии* еще ранее, чем в исторической науке, компаративистский метод занял ведущее место. Упомянутый выше Н.Дж.Смелзер, характеризует данный метод, как описание и объяснение сходств и различий (главным образом, различий) условий или результатов развития крупных социальных единиц, обычно – регионов, стран, обществ и культур. *Историко-философские концепции*, известные как философская компаративистика (или сравнительная философия), появились на основе теории М.Бубера о необходимости диалога культур Востока и Запада, сопоставления философского наследия Востока и Запада, сравнительного анализа их философских концепций, понятий и систем. *В языкознании* компаративистикой называется сравнительное изучение родственных языков с целью восстановления и сохранения более древнего их состояния. *В юриспруденции* под сравнительной компаративистикой, понимается метод изучения правовых систем различных государств путем сопоставления правовых институтов, систем права и их основных принципов. *В истории* компаративистика – это особая стратегия научного понимания истории, избегающая крайностей идиографической нарративности и номотетической декларативности. *В современной политологии* компаративистский подход

предполагает сопоставление однотипных политических явлений (политических систем, партий, различных способов реализации одних и тех же политических функций) с целью выявления у них общих черт и специфики, нахождения наиболее эффективных форм политической организации. В культурологии компаративистика представляет собой, с одной стороны, модель организации исследований культуры, включающую совокупность теоретических установок, методологических подходов; с другой – систему фундаментальных знаний, полученных на основе сравнительного изучения феноменов культуры.

Как видно, компаративистский анализ предполагает сопоставление соотнесенных элементов, входящих в структуру единого целого. В нашем девиантологическом анализе этим единым целым является *социальная норма* (или норма), а составляющими компонентами – *девиантность, девиации, девиантное поведение и девиантное сознание, личностные и поведенческие деформации и деструкции, девиантные установки, статус и роли, стереотипы* и др.

Если анализ социальных явлений дает возможность любому исследователю социологической профессии (педагогу, социологу, политологу, культурологу и др.) рассматривать эти явления с точки зрения идентификации аналитическим образом, то девиантолог предпочитает иметь дело с причинно-следственными связями, которые вызывают социальные изменения и деформации, с паттернами поведения индивидов, выражающими усвоенную ими социальную норму. Однако девиантные феномены не могут быть адекватно поняты без изучения социальной нормы, от нарушения которой девиация возникла.

Итак, компаративистика как девиантологическая модель еще не сложилась и во многом уступает традиционной парадигме познания. Однако необходимость применения компаративистского метода в девиантологических исследованиях (психологических, социологических, криминологических и др.) обусловлена рядом факторов: *во-первых*, компаративистика позволяет выявить закономерности, детерминанты и трансформации отдельных научных парадигм; *во-вторых*, она обеспечивает целостность девиантологической науки в условиях нелинейного построения знаний; *в-третьих*, моделирование и типологизация девиантологических конструктов с позиций компаративистского подхода обеспечивается совокупностью сущностно-содержательных характеристик, тенденций развития, представлением имеющихся причинно-следственных и иных связей и др. с целью выявления в них неких общих, универсальных принципов и установок, а также с целью нахождения различий.

Для этой цели автор статьи, используя компаративистский анализ девиантологических конструктов, предпринял попытку методологического обоснования научных парадигм для их теоретического обобщения и сравнения. Как мне кажется, это одна из первых таких попыток, возможно, не безупречная, но, безусловно, необходимая для определения тенденций и перспектив развития девиантологической науки.

Таким образом, в рамках **философско-этического подхода** (А.П.Скрипник, О.Н.Замотаева и др.) девиантное поведение рассматривается с позиций морали. Наличие противоречивых тенденций в культуре приводит к их разрыву и доминанте морального зла, выражающихся во враждебности, распушенности и агрессивности.

Биологическое направление представлено *биосоциальной теорией, эволюционным подходом, этологическим подходом, психогенетическим подходом*: ученые обосновывают связь между анатомо-антропологическими характеристиками человека и его преступным

поведением. Введено понятие «врожденный преступник» (Ч.Ломброзо); девиантное поведение рассматривают как проявление видовых наследственных программ (Ч.Дарвин, Т.Гексли); изначально поведение человека рассматривается как агрессивное, основанное на инстинктах (К.Лоренц); выявлены наследственные детерминанты поведения человека (Ф.Гальтон, Г. Мендель); обоснована связь между типами темперамента, типами соматического строения человека и его поведением (У. Шелдон); долгая эволюция человека создала условия преемственной передачи наследственных этических реакций, в том числе и отклоняющихся от норм (В.Эфроимсон); утверждается, что человек рождается с потенциалом конструктивной агрессивности, и в случае, если она подавляется, появляется деструктивная агрессивность (Г.Аммон), что агрессивность заложена в человеческих генах (В.Д.Плахов); генетические исследования показывают, что наличие лишней Y-хромосомы у мужчин обуславливает предрасположенность к криминальному поведению (У. Пирс); изучая заключенных, был сделан вывод, что экстраверты более склонны к совершению преступлений, чем интраверты, а это, в свою очередь, детерминировано на генетическом уровне (Г.Ю. Айзенк).

Биокриминология утверждает, что повышение уровня тестостерона ведет к склонности к антиобщественному поведению (Грир Даббс, Альберт Моррис), что девиантное поведение детерминировано половыми и возрастными факторами (У.Гоув), что существует тесная связь между девиантным поведением и индивидуально-типологическими особенностями человека (Г. Айзенк).

В рамках биологического направления существуют и другие факторы, объясняющие генезис девиантного поведения: повреждения головного мозга, органические заболевания мозга, определенные свойства нервной системы (А. Торгенсен, К. Льюис, П.Келли); в основе всех видов девиантного поведения лежит сходный мозговой дефект, связанный с нарушением функциональной асимметрии мозга с ведущим дефицитом правополушарных функций. Это объясняет высокую коморбидность поведенческих расстройств между собой, а также с эмоциональными и обсессивно-компульсивными расстройствами, связанными с правополушарной дисфункцией, в первую очередь с тревогой и депрессией [2].

Психологическое направление представлено психоаналитическими теориями, экзистенциально-гуманистическим подходом, поведенческим подходом (бихевиоризм), эмпирическим подходом, педагогическим подходом, отечественной психологией.

Психоаналитические теории. Постоянный конфликт между бессознательными влечениями и социальными ограничениями естественной активности человека (З.Фрейд); защитные механизмы работают бессознательно и становятся частью индивидуального стиля борьбы с трудностями (А.Фрейд); причина девиаций заключается в дефиците эмоционального контакта, «теплого» общения ребенка с матерью в первые годы жизни (Д.Бойлби, Г.Салливан, К.Хорни); индивидуальная психология А.Адлера объясняет: младенец появляется на свет с двумя базовыми чувствами-стремлениями 1) чувством неполноценности и стремлением к совершению поступков как компенсация этого чувства и 2) социальным чувством общности и стремлением к установлению значимых социальных отношений. При недостаточной или извращенной компенсации чувство неполноценности переживается особо остро и переходит в комплекс неполноценности. В случае нарушения поведения комплекс неполноценности сочетается с неадекватной жизненной установкой и неразвитым социальным чувством. У аномальной личности стремление к достижению превосходства препятствует развитию чувства общности.

Экзистенциально-гуманистический подход. С точки зрения клиентцентрированной психологии К.Роджерса, у аномальной личности процесс самоактуализации заблокирован и существует лишь в возможности. Нереалистичные, искаженные представления о себе, противоречивый опыт, внутренний конфликт между потребностью в самореализации и оценок извне вызывает проблемное поведение; концепция самоактуализации А.Маслоу утверждает, что отклонения в поведении выступают как следствие потери ребенком согласия со своими собственными чувствами и невозможность найти смысл и самореализацию в сложившихся условиях воспитания; концепция экзистенциальных противоречий Э.Фромма говорит о том, что человек вынужден преодолевать экзистенциальные противоречия (конфликт между стремлением к реализации всех возможностей и недостаточная для этого продолжительность жизни). Человек реагирует на них с помощью различных механизмов: 1) авторитарная личность отказывается от собственного Я, крайнее выражение – садомазохистский комплекс; 2) автоматизирующий конформизм, при котором человек утрачивает свою индивидуальность; 3) деструктивность – отчуждение от мира через его разрушение; по мнению автора экзистенциального подхода, В.Франкла, девиантное поведение возникает потому, что люди подавляют свою духовность, уходят от ответственности за поиск смысла.

Таким образом, психологи-гуманисты (Э.Фромм, К.Роджерс, А.Маслоу) достаточно близко подошли к исходным основаниям девиантологического дискурса, заявив, что патология – это невозможность реализовать собственную онтологию, которая изначально позитивна.

Поведенческий подход (бихевиоризм). Поведенческий подход представлен следующими теориями: 1) классическое обусловливание (И.П.Павлов, Дж.Б.Уотсон). Девиантное поведение является результатом научения условной реакции. При этом существуют только три типа неприобретенных эмоциональных ответов на стимулы – страх, гнев и любовь; 2) оперантное обусловливание Б.Ф.Скиннера. Девиантное поведение определяется как результат сложного обусловливания среды; 3) теория инкубации реакций тревоги Г.Ю.Айзенка. Условная реакция страха (тревоги) усиливается при каждом предъявлении условного стимула, образуя цикл положительной обратной связи и отклонениям в поведении; 4) теория социального научения А. Бандуры. Девиантное поведение социально обусловлено, поскольку за ним стоят сложнейшие навыки, требующие специального научения. Таким образом, девиантному поведению учатся, так как девиант должен знать, что делать, как делать и в каких условиях; 5) когнитивная модель А. Бека и рационально-эмотивная теория А.Эллиса. В основе нарушенного поведения лежат неадаптивные мыслительные схемы. Неадекватные когниции запускают неадекватные чувства и действия; 6) копинг-поведение (Л.Мёрфи, Р.Лазарус, Е.Хэйм, В.М.Ялтонский). Личности с проблемным поведением, например, зависимым, склонны к малопродуктивным копинг-стратегиям, таким как уход от проблем и трудностей, отрицание и изоляция; 7) системное консультирование и системная семейная психотерапия (С.А.Кулаков, А.Черников). Девиантное поведение как результат семейного неблагополучия.

Эмпирический подход. Сущность подхода заключается в чисто эмпирической, феноменологической классификации, где каждый поведенческий различимый устойчивый симптомокомплекс получает свое название (например, аутизм, депрессия и т.д.). Такой подход является попыткой сблизить психиатрию и психологию и поэтому использует для

описания типов отклонений понятие синдрома как некоторого устойчивого образования в структуре личности (D.Hallahan, J.Kauffman).

Педагогический подход утверждает, что причиной роста девиантного поведения являются недостатки воспитательной работы с детьми и подростками в школе и семье (М.П. Стурова, В.И. Силенков).

Социологическое направление представлено: *теорией аномии, теорией «социальных обручей», теорией структурной напряженности, чикагской школой, теорией девиантной социализации, теорией стигматизации (наклеивания ярлыков или клеймения), интеракционистским подходом, культурологическим подходом, криминологическим подходом, теорией опасного состояния.*

Теория аномии. Причина девиантного поведения кроется в социальной дезорганизации. Девиация происходит вследствие нарушения или отсутствия ясных социальных норм (Э.Дюркгейм); причина девиаций – разрыв, несоответствие между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения. Аномия возникает в силу определенных обстоятельств, порожденных социальной структурой (Р.Мертон); Т.Парсонс объясняет возникновение девиантных мотиваций невыполнением ожиданий.

Теория «социальных обручей». Чем больше люди верят в ценности, принятые обществом, чем активнее они стремятся к участию в социально одобряемой деятельности, тем меньше вероятность, что они совершат девиантные поступки (Т. Хирши).

Теория структурной напряженности характеризует девиантное поведение как следствие разочарования личности. Если человек не занимает прочного положения в обществе или не может достичь поставленных целей законными способами, то рано или поздно возникает разочарование, напряженность, человек начинает ощущать свою неполноценность и может использовать девиантные методы для достижения своих целей (Дж. Ритцер).

Чикагская школа. Девиации многих видов возникают в тех случаях, когда культурные ценности, нормы и социальные связи разрушаются, ослабевают или становятся противоречивыми (К.Шоу, Г.Маккей).

Девиантная социализация. В западной социологии и криминологии в отличие от отечественной науки для анализа процессов девиантной социализации широко используется понятие «девиантной или делинквентной карьеры». По мнению американского исследователя этой проблемы П.Леткеманна, девиантная карьера означает не профессию, а негативное поведение личности, для которого характерен «ряд отклонений и преступлений, совершаемых в течение определенного времени, который можно сравнить с карьерой в законной деятельности»; Говард Беккер на примере наркоманов одним из первых исследовал стадии становления девиантной карьеры, проходя которые, человек превращается в постоянного потребителя марихуаны. Исследование Г.Беккера показало, что люди, первый раз попробовавшие наркотики, часто не получают от них удовольствия. Оказалось, что новички приобщаются к «зелью» в присутствии более опытных наркоманов, получая от них инструкции и образцы ролевого поведения. В итоге молодой человек делает карьеру наркомана, осваивая девиантные роли «потребителя» и «покупателя» наркотиков, приобщаясь к субкультурным нормам данного статуса на основе обучения соответствующей технике потребления и восприятия эйфоризирующих эффектов; Дэвид Матза, анализируя процесс становления наркомана в конце 60-х, уточняет этапы девиантной карьеры, выделяя три основные ступени:

а) влечение, б) присоединение, в) осмысление; Дж.Гринвуд и М.Лавин открыли два основных типа девиантных карьер: «интенсивной» и «прерывистой». Исследователи установили, что интенсивная карьера девианта особенно социально опасна, так как она складывается у несовершеннолетних, вовлеченных в преступные роли в раннем возрасте, и продолжается длительное время. Такие девианты тщательно планируют и часто совершают преступления, совершенствуя воровские навыки. Девианты с прерывистой карьерой совершают преступления нерегулярно и менее профессионально; Я.И.Гишинский ввел в научный оборот криминологии и социологии термин «девиантология» для обозначения науки, изучающей девиантность и девиантное поведение. По мнению ученого, девиации присущи всем уровням и формам организации мироздания; вся жизнь человека есть не что иное, как онтологически нерасчлененный процесс жизнедеятельности по удовлетворению своих потребностей. Неудовлетворенная потребность в самоутверждении приводит к попыткам реализовать себя не только в творчестве (что достаточно сложно), но и в негативных формах активности – насилии, преступлениях или же приводит к ретритизму, «уходу» в алкоголь, наркотики, из жизни; А.И. Ковалева считает, что социализация индивида всегда имеет отклонение. Оно определяется несоответствием социализации как объективного и субъективного процесса сложившейся в данном обществе на конкретном историческом этапе социализационной нормой; Т.А.Хагуров выявил девиантогенные последствия дисфункций процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры, а также определил возможности и ограничения существующих теорий девиантного поведения в объяснении и анализе этих последствий.

Теория стигматизации (наклеивания ярлыков или клеймения). Девиация – это не качество поступка, который совершает человек, а следствие применения другими людьми правил и санкций против «нарушителя». Здесь понятие девиации подразумевает наличие внешнего арбитра, определяющего, что считать нормой, а что – отклонением от нее (Г.Беккер, И.Гоффман, Ф.Уертхем, Г.Сайк, Д.Матза).

Интеракционистский подход. Девиантность не является следствием, внутренне присущим какому-либо социальному поведению, а представляет следствие социальной оценки (стигматизации, клеймения) определенного поведения как девиантного. Девиация обусловлена способностью влиятельных групп общества навязывать другим слоям (стратам) определенные стандарты (Ф.Танненбаум, Э.Гоффман, Э. Лемарт).

Культурологический подход. Ведущая роль принадлежит субкультуре (Дж. Миллер, Э.Сатерленд, Я.И.Гишинский, Ю.А.Клейберг, В.В.Колесов). Девиация имеет место, когда индивид идентифицирует себя с субкультурой, нормы которой противоречат нормам доминирующей культуры. По мнению Я.И.Гилинского, «каждое общество – девиантогенно, ибо порождает все позитивные и негативные девиации; девиантогенность богатого общества лучше, чем нищего; экономическое неравенство между странами и социальными стратами внутри каждой страны – один из главных девиантогенных факторов».

Конфликтологический подход. Здесь рассматривают «девиантов» не как нарушителей общепринятых правил, а как бунтарей, выступающих против общественного развития, не соответствующего их представлениям или концепции. Девиация – результат противодействия нормам общества (Д.Квинни, А.Л.Маршак, О.С.Осипова, В.Ю.Большаков).

Криминологический подход. К факторам, способствующим девиации, относятся: 1) уклонение от общественно-полезной деятельности; 2) наличие психической аномалии; 3) употребления наркотических средств; 4) повышенная внушаемость; 5) низкий культурный уровень; 6) совершение в прошлом девиантных поступков и др. Внутренняя сущность социальной девиации – характерный для индивида образ жизни, подчиняющий себе все интересы и помыслы (И.В. Севастьянова).

Теория опасного состояния. Преступление возникает на основе предшествующего его совершению определенного психологического состояния, предрасполагающего к вступлению в конфликт с социальными нормами (Л. Матти).

Таким образом, при сравнении ключевых положений основных социологических моделей объяснения девиантности, мы находим признание норм и отклонений социальными конструкциями, имеющими конвенциональную или репрессивную природу. Основу такого понимания заложили Э.Дюркгейм и К.Маркс, сформулировавшие два базовых положения: 1) девиантность проявляется тогда, когда поведение индивида (группы) вступает в противоречие с ценностями и нормами сообщества (Э.Дюркгейм); 2) любые ценности и нормы формируются под влиянием господствующих групп (классов), которые используют их в своих интересах (К.Маркс).

Социально-психологический подход. С точки зрения Р.Харре и С.Линга, девиантное поведение – результат сложного взаимодействия процессов, происходящих в обществе и сознании человека. Девиантное и нормативное поведение – две равноценные составляющие социально-ролевого поведения. Девиантное поведение становится все более рациональным.

Примером сравнения являются различные точки зрения ученых. Так, по мнению Т.Шибутани (2000), девиантное поведение детерминируется тремя факторами: 1) поведение оценивается как девиантное теми, кто не является участником той же самой эталонной группы; 2) девиантное поведение возникает в результате временной утраты самоконтроля, под влиянием сильного возбуждения (импульсивно); 3) многие формы девиантного поведения являются фиксациями, основанные на защитных по своей природе значениях.

По Ю.А.Клейбергу (2005, 2012, 2014, 2017), социальная среда воздействует на функционирующую в ней систему отношений и поведения личности, которая избирательно воспринимает и перерабатывает эти воздействия в соответствии со своей внутренней природой, а система отношений, в свою очередь, активно воздействует на среду, сознательно или бессознательно; девиантное поведение личности регулируется ее диспозиционной системой, состоящей из различных диспозиционных образований, зависящих от витальных и социальных потребностей и от уровня социальной ситуации [4].

А.Ю.Егоров (2006) изучал феномен «девиантное поведение» с нейропсихологических позиций и дал такую ему характеристику: «девиантное поведение – это устойчивое поведение личности, отклоняющееся от наиболее важных социальных норм, причиняющее реальный ущерб обществу или самой личности, а также сопровождающееся ее социальной дезадаптацией» [2].

Е.В.Змановская (2003, 2006) считает, что в единстве социального и природного в детерминации отклоняющегося поведения личности играют определенную роль в формировании отклоняющегося поведения внутренние биологические процессы. Они определяют силу и характер наших реакций на любые средовые воздействия. Девиантное поведение личности представляет собой сложную форму социального поведения,

детерминированного системой взаимосвязанных факторов – условий и психологических причин [1].

Т.А.Хагуров (2003, 2007) рассматривает девиантность как специфический способ адаптации индивида к каким-либо условиям. Ученый считает, что девиантность социально определена, и никакое поведение само по себе девиантным не является, но становится таковым при отклонении от социально признанных (здесь и сейчас) стандартов [6; 7; 8].

Таким образом, компаративистский анализ девиантологических теоретических конструкторов, позволил обобщить имеющиеся точки зрения на феномен девиантного поведения и заключить, что девиантное поведение является результатом деформации норм, ценностных ориентаций и ценностно-нормативных представлений, то есть системы внутренней регуляции поведения.

Поэтому основной вывод, который мы сделали при использовании компаративистского подхода, это то, что *девиантное поведение – это специфический способ изменения социальных норм и ожиданий посредством демонстрации личностью (социальной группой) ценностного отношения к ним в различных социальных ситуациях, с возникновением деформирующего и деструктивного эффекта*. Девиантное поведение в нашем случае выступает здесь как *провокативный девиантогенный стимул и аттитюд*.

Список литературы

1. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология девиантного поведения). М., 2003; 2006.
2. Егоров А.Ю. Нейропсихология девиантного поведения. СПб.: Речь, 2006.
3. Калашникова Е.М. Методологическое значение компаративистского подхода в социальном познании // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия «Гуманитарные и общественные науки» / электронный научный журнал. Пермь, 2014. Вып.2. С. 8-17.
4. Клейберг Ю.А. Основы психологии девиантного поведения: монография. 2-е изд., доп. М.: Изд-во МПСУ. 2017.
5. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: Учебник и практикум для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: ЮРАЙТ, 2017. Серия: Бакалавр и магистр. Академический курс. 290 с.
6. Комлев Ю.Ю. Теории девиантного поведения: учебное пособие. 2-е изд., доп. СПб., 2014.
7. Хагуров Т.А. Дисфункции процессов социализации и социального контроля в условиях экспансии массовой потребительской культуры (проблемы девиантологического анализа): автореф. дис. ...доктора социологических наук. М., 2007.
8. Хагуров Т.А. Введение в современную девиантологию. Учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2003.
9. Charles Ragin. The Comparative Method: Moving beyond Qualities and Quantitative Strategies, pp. 1-18. The University of California, 1987.

1.2. Философское осмысление влияния виртуальной среды на ребенка: PRO ET CONTRA

Очередной виток развития цивилизации связан с огромным количеством инноваций, имеющих техногенную природу. Среди них особое место занимает *виртуальная среда*, оказывающаяся доступной и по своим масштабам безграничной. Именно она наиболее четко отвечает идеологическим параметрам техно(цифро)кратизма, полностью погружая людей в формат дигитализма. При этом «мир стал нечеловекомерен. Появились величины и пространства, в которых мы не живем: наносекунды, нанометры. Но все это уже влияет на нашу цивилизацию, и мы должны знать, как в этом мире жить, что нам делать, какое получать образование» [6].

Колоссальные возможности виртуальной среды, обольщающие людей своим размахом и симулятивностью, поражают воображение и становятся более привлекательными, вытесняя реальный мир. Современные люди не только подошли, но и заглянули за черту реальности, практически беспрепятственно преодолев границы. Благодаря электронной среде сегодня люди получили реальные возможности выхода в виртуальном пространстве за пределы действительности и жизни, не связанные с психикой и функционированием сознания. Виртуальная среда буквально поглотила человека: посредством ее пространств люди осуществляют трудовую деятельность, черпают информацию, обучаются, развлекаются, делают заказы, удовлетворяя разнообразные потребности, и пр. Утопическая идея появления постчеловека/техночеловека, бытийствующего в виртуальной среде, сегодня стала свершившимся фактом.

Более того, виртуальное пространство, оказывая незаметное влияние на личность, конституирует ее, согласно заложенным в ней алгоритмам и элементу случайности, что придает жизни алеаторный характер. В современности технические достижения человечества оказываются определяющим фактором, влияя на процесс формирования личности и даже осуществляя отбор. Виртуальность сегодня становится одним из мощных средств, помогающих обрести идентичность и войти в мир культуры, в том числе культуры виртуальной. Сами социальные практики и контакты в современном мире оказываются все больше обусловленными виртуальной средой. Подчеркнем, взаимодействие реального и виртуального приводит к неоднозначным последствиям, предугадать которые в современном мире, проявляющем себя ризоматично, оказывается невозможным. Перечисленное актуализирует идею прогнозирования будущего человечества, выявляющего не только преимущества, но и определенные риски подобной формы жизни, а также изучение роли виртуальной среды в жизни современного ребенка, что и стало предметом исследования. Подчеркнем, в нашем контексте виртуальная реальность представляет собой не субъективную реальность, а *киберпространственную среду*, продуцирующую симулякры и влияющую на личность ребенка, его субъектность.

Основная часть. Появление и широкое распространение электронной среды привели к рождению новой формы идентичности – *электронного кочевничества* [8], обладающего собственными специфическими чертами, что значительно изменило природу человека. Электронный кочевник представляет собой «человека технологизирующегося» (В.А.Кутырев), подчиненного тотальному влиянию техники. Индивид превращается в двуногий терминал, для которого главным становится наличие электронных устройств, доступ к сети и кредитная карточка. В современном мире кочевники перемещаются и взаимодействуют в виртуальных мирах, где «вместо стен экраны, вместо жизненных

предметных событий так называемые медиафакты и информация» [3, с. 167]. Современный кочевник живет настоящим, в ритмах времени, следя за появлением техноновинок и внедряя их в свою жизнь. Кочевник мобилен и собран, благодаря многочисленным гаджетам он быстро реагирует на изменения в среде, меняя тактики действий и алгоритмы поведения. Без техники и взаимодействия в виртуальной среде сегодня не обходиться ни один учебный/документальный/производственный процесс.

Электронная зависимость/экранозависимость или аддикция, связанная с постоянным состоянием *on-line*, и желание покорять виртуальные пространства становятся ключевыми характеристиками кочевника, не видящего в них ничего опасного. Наоборот, они дарят колоссальную палитру эмоций и ощущений, рождают риск и желание путешествовать по мирозданию (хотя бы) в виртуальном пространстве. Тем более, что сам виртуальный мир в виду своей самодостаточности создает иллюзию множества разнообразных миров, имитирующих реальность. Бесконечное обновление тенденций в виртуальной среде и следование им стирают черты фундаментальности и постоянства в жизни кочевника. Как правило, современные кочевники не имеют особых привязанностей, а их ценностная шкала жизни динамична (она подвергается постоянному пересмотру).

Новая форма идентичности беспрепятственно проникает в мир детства, великолепно воспринимаясь детьми. Современный ребенок с момента рождения попадает в электронную среду: высокие технологии оказываются в его генах. Он рождается буквально *с пальцем на кнопке*. Компьютеры, гаджеты, техноигрушки являются привычными предметами, выполняющими функцию развития, воспитания и образования современного ребенка. С младенчества он приучается к манипуляциям с клавиатурой мобильных телефонов/компьютеров. Даже не умея читать, он посредством символов как опознавательных меток находит необходимые ему игры/программы и пр. Именно гаджеты привлекают внимание ребенка, отвлекая от капризов и слез. Можно констатировать: в современности виртуальная среда в большей степени становится пространством воспитания и образования ребенка, помогая социализации и вхождению в мир взрослых.

Другое дело: что получает ребенок от данной среды? Учит ли она его осмысливать полученное, анализировать и интерпретировать? Несмотря на множество преимуществ, виртуальная среда рождает и определенные проблемы, заявляющие о себе уже в мире детства. Озвучим некоторые из них, потому что они требуют внимания со стороны специалистов различных областей знания (в том числе, психологов, социальных работников, врачей).

Начнем с того, что выход ребенка в виртуальную среду как «*в пустоту Ничто*»/чистый Абсолют, «не обусловленный природой, материей и обществом» [2, с. 30], способствует не только потере ощущения реальности, но и собственного (еще только формирующегося) Я. Виртуализируясь, ребенок начинает реально жить «за Бытием», уходя «от своего жизненного мира к Иному» [3, с. 32]. Перечисленное приводит к потере, еще только начавшейся формироваться, субъектности посредством растворения в цифровой матрице. Ребенок не ощущает разницы между реальным и виртуальным мирами, постоянно смешивая их. Не последнюю роль в этом увлекательном для ребенка процессе играет бином фантазии, наиболее активно заявляющий о себе именно в мире детства. В итоге реальное «стирается в пользу более реального, чем реальность: гиперреального» [1, с. 12]. Виртуальная среда в виду своей привлекательности и представления безграничных возможностей оказывается на первом месте, все дальше отодвигая реальную жизнь.

В виртуальной среде в зависимости от характера и предпочтений ребенка можно найти развлекающие и обучающие программы, доступ к которым неограничен и возможен в любое удобное время. Как правило, данные программы построены на игровых алгоритмах и используют современные технические достижения с применением визуальных эффектов, что привлекает внимание ребенка, даря ощущение сказочности и волшебства. Именно в виртуальной среде можно обнаружить ответы на многочисленные «почему?», быстро найти необходимые советы по возникающим проблемам, объединиться в группы по интересам и др.

Особое место в виртуальном пространстве занимают игры, помогающие заполнить свободное время, снять накопившееся напряжение, восполнить недостающее в бытии, самоутвердиться. Игровой процесс дарит ребенку колоссальную палитру эмоций, доставляя удовольствие. Игровая ситуация виртуального мира завораживает своим форматом, скоростью, интерактивным взаимодействием в удобное время в любой обстановке. Так, популярные сегодня квесты основаны на приключенческом сюжете, благодаря которому происходит изучение мира с помощью задач, загадок, головоломок, требующих от игроков быстрой реакции, внимания, смекалки. Современные дети не представляют свою жизнь без компьютерных игр, которым отдают все большее предпочтение. Несмотря на многочисленные достоинства компьютерных игр, в них обнаруживаются и определенные риски. Так, сегодня компьютерная «игра превращается в своеобразный наркотик, формирует эмоциональную зависимость, которая подкрепляется доступностью и псевдореалистичностью виртуального пространства» [5]. Современный формат компьютерных игр уводит детей из реальности в собственные (многочисленные) миры, завораживая техническим совершенством, полированной симулятивностью и мгновенной результативностью. Последнее качество, «поскольку подросток ориентирован на мгновенный результат и часто не готов к долговременному труду и ожиданию результата» [5], создает иллюзию успешности.

Большая часть виртуальных игр имеет военнизированно-агрессивный характер, направленность на разрушение, что негативно сказывается на детской психике. Как справедливо замечает философ В.В. Картунов, «насилие становится не просто нормой жизни в сознании россиян, но и необходимым условием личного благополучия. Более того, насилие, благодаря изящной и эффектной голливудской оболочке, принимает даже некоторый идеалистический ареол, столь притягательный для молодого поколения» [2]. Компьютерные игры, выступая в качестве индикатора общественных установок, искажают представление ребенка о реальности, ее культуре, нравственной стороне бытия и образцах поведения в социальном. В итоге компьютерные игры значительно ограничивают мир ребенка, переводя действие в симулятивную среду и отчуждая игрока от реальности, непосредственного/*живого* игрового пространства, духа состязательности, взаимодействия с людьми. Теряется навык коммуникации с людьми, основанный на нравственных принципах добра, честности, справедливости. Потoki агрессивной информации, в том числе посредством компьютерных игр, постепенно формируют у ребенка «стереотип равнодушного восприятия насилия», приводящий во взрослом состоянии к «агрессивному невежеству» (В.В. Картунов), подавляющему навыки интеллектуальной и творческой деятельности.

Помимо игрового алгоритма привлекательным элементом виртуального пространства является *творческий компонент*. Огромное количество программ в виртуальной среде основаны на обучении ребенка творчеству и *моделированию*, помогая ему сконструировать

объекты. Именно современная техника, стимулируя развитие фантазии и творческого подхода к бытию, помогает осуществить грандиозные планы. Ребенок испытывает восторг от создания из *Ничто Нечто*, что В.А. Кутырев называет *креативным меонизмом*, связанным со сверхъестественным конструированием из небытия. Маленький кочевник, «уничтожая природу, создает "рукотворный" космос (возможные виртуальные миры)» [3, с. 38]. При этом в детском возрасте подобные творения первоначально оказываются бескорыстными. Но, социализируясь и входя в мир взрослых, ребенок начинает понимать, что за творчество можно получить бонусы или денежное вознаграждение, что переводит творческий процесс в объект манипулирования взрослыми. Подчеркнем, создание различных фантазийных миров, создающих иллюзию творчества, задаются алгоритмами программного обеспечения и его разработчиками.

Благодаря виртуальной среде с родителей снимается огромное количество (нередко обременительных) обязанностей. Ввиду того, что в Интернете можно найти практически все, связанное с потребностями ребенка, то современные родители перестают продолжительно общаться с детьми, читать им книги, обучать чему-либо, перекладывая обязанности на электронного помощника. Вечный конфликт *отцов и детей* оказывается либо снятым, либо сглаженным, либо игнорируемым. Но при этом дети быстрее обучаются жизни в виртуальной среде и мгновенно усваивают любые изменения в ней, нередко помогая родителям производить операции в Интернете и выступая с ними на равных.

Ключевым измерением реальности становится *on-line*, помогающее ребенку усвоить идеи, тенденции, принципы, правила и образ(ц)ы современного социального. Информативная среда виртуального пространства носит наглядный характер: небольшие тексты сопровождаются фотографиями, картинками, иконками и смайликами. Как правило, концентрация внимания на одном эпизоде длится не более 8-10 секунд, требуя дальнейшего ее перелистывания, что привносит в жизнь разнообразие, определенный интерес, рождая постоянную потребность в новизне просматриваемого. Заметим, в итоге ребенок оказывается неспособным на длительное время концентрировать свое внимание, что делает сложным для него все продолжительные и трудоемкие процессы (например, обучение/поиск информации/обдумывание). Маленький кочевник ищет все легкое и быстро доступное, приносящее массу удовольствий (но не пользы).

Множественность виртуальных миров дают ребенку импульс к непредсказуемому развитию. Обусловлено данное обстоятельство тем, что «прогресс техники посылает заказ на то, чтобы не технику подгонять под человека, а человека под ее все нарастающие возможности» [3, с. 120]. Приведенная цитата говорит в пользу того, что свободная возможность выбора оказывается в виртуальном пространстве иллюзией, детерминированной техникой и заложенной в ней программой. Так, возвращаясь к проблеме моделирования в виртуальной среде, обратим внимание на бесконечность возможностей конструирования, которое оказывается программируемо-автоматизированным. Благодаря этому в процессе творчества личность оказывается ненужной.

Более того, данный вывод подводит к проблеме невидимой манипуляции, которую можно назвать «прозрачностью Зла» (Ж. Бодрийяр). Виртуальное пространство становится средой интенсивной манипуляции: «цифровой стереозвук, волшебство красок и качество изображения на мониторе, сама специфика пользования компьютером создает идеальные условия для воздействия на пользователя. И если у вируса, на наш взгляд, возможности несколько ограничены, то у специально созданных компьютерных игр либо у

их "взломанных" версий на сегодняшний день просто не существует ограничений воздействия на человеческую психику. Человек, сидящий за новой трехмерной игрушкой, погруженный в экран и слышащий только звук своего Sound Blaster, является идеальным объектом для психического воздействия» [2]. Вследствие этого, очень часто ребенок бездумно начинает следовать каким-либо рекомендациям, встречаемым в виртуальном мире, считая их актуальными/важными/модными. Так, в виртуальном мире складываются новые модели социального, в том числе, связанные с достижениями, успехом, богатством, известностью. Как правило, в предлагаемых детям ситуациях, например, успех достигается практически сказочно – *вдруг, неожиданно, быстро*, что ломает стереотипы долгого и поэтапного движения к нему. Ребенку внушается мысль, что постепенные усилия могут не привести к желаемому результату, поэтому лучше выждать подходящего стечения обстоятельств, что делает его инфантильным.

Более того, в сознание ребенка внедряются гедонистические установки, согласно которым в жизни нет места упорному труду, мучительным исканиям истины или смысла жизни, главное – получать удовольствия в огромном количестве. При этом количество удовольствий и их разнообразие демонстрируют симулякр счастливой личности.

Или руководить квестом может манипулятор, вуалирующий свой корыстный интерес под флером приключенческо-игрового алгоритма, тем самым вводя детей и их родителей в заблуждение. Привлекая огромное количество детей в игровое пространство, манипулятор начинает управлять их действиями и поступкам, нередко имеющими негативный характер (вспомним квест со смертью «Синий кит»).

В виртуальной среде можно обнаружить огромное количество текстов, внушающих ребенку, что он – уникальный, особенный, неповторимый и талантливый, взращивая тем самым особый тип уверенности в собственной исключительности, чувства собственного превосходства и завышенной самооценки, влекущих за собой гипернарциссизм. Последнее качество приводит к проблемам во взаимоотношениях с людьми, рождая нередко ситуации «войны всех против всех». Желая комфортной жизни только для себя, личность утрачивает привычку думать об окружающих людях и их аналогичных притязаниях на комфорт. Гипернарциссизм идет вразрез с идеями коллективизма/солидаризма, тем самым не объединяя детей, а, наоборот, – разобщая их. Более того, за любое свое действие ребенок желает получать только похвалу, не желая слушать отрицательных отзывов и критики в свой адрес. В свою очередь, данное обстоятельство рождает страх несоответствия ожиданий. Подчеркнем, высокие планки и рубежи даются небольшому количеству людей. Отсутствие такого жизненного понимания может привести ребенка к разного рода разочарованиям.

Манипулирование неустоявшейся психикой ребенка имеет далеко идущие негативные последствия. Виртуальный мир своей наглядностью активизирует действие **зеркальных нейронов** (*mirror neurons*) головного мозга, о которых впервые заговорил в 1992 году Джакомо Ризцоллатти. Подчеркнем, функционирование данных нейронов осуществляется на протяжении всей жизни человека. Но особенно интенсивно они работают в детстве, когда происходит интенсивная социализация посредством копирования действий авторитетов в виде родителей/старших/героев кино- и мультфильмов/ток-шоу, а также огромного объема информацией, получаемой в Интернете. Посредством копирования ребенок входит в жизнь взрослых, закрепляя многие навыки посредством повторения. Другое дело, что повторяет ребенок? Абсурдный мир взрослых без корректировки ситуаций? В этом случае, действие зеркальных нейронов может привести к обратным эффектам, названным Ж. Бодрийаром,

зеркалом безумия, где «дублирования достаточно, чтобы оба объекта стали одинаково искусственными» [1, с. 17]. Наличие обратного эффекта копирования заставляет задуматься о качестве образов в виртуальной среде и их проявлениях.

Еще одной значимой проблемой, затрудняющей жизненные процессы и их адекватную интерпретацию, является тот факт, что виртуальная среда представляет собой довольно химеричное пространство, в котором смешиваются действительное и возможное, реальное и потенциальное, случайное и необходимое. Синтез перечисленного рождает особую структурированную целостность. При этом более привлекательными оказываются возможное, потенциальное и случайное. Виртуальные миры можно назвать той «*фантазматической конструкцией*», которая виртуозно маскирует «*невыносимую, реальную, непостижимую сущность*» (С. Жижек), буквально заставляя укрываться в них от мира действительности. В результате наложения виртуального мира и действительности ребенок начинает смешивать оба мира. Непривлекательные черты реальности он начинает подгонять различными способами (в том числе, уловками, мифизациями) под виртуальную среду. Последняя оказывается идеально-совершенной, рождая желание постоянно быть в ней. Подобное приводит к *когнитивной расфокусировке*, связанной с пониманием реального и виртуального. Ребенок теряется в двух мирах, не видя четкой границы между ними. Ситуацию усугубляют пробелы в воспитании и образовании, связанные с отсутствием сформированного рационального и критического мышления, что затрудняет адекватное восприятие реального и виртуального миров, а также их интерпретацию. Когнитивная расфокусировка трансформирует личность ребенка, сказываясь на его мыслительных способностях и поведенческих алгоритмах.

Безусловно, виртуальная среда помогает в учебном процессе, предоставляя разнообразные форматы получения знаний, взаимодействия с преподавателями и пр. Но в целом обучающая виртуальная среда оказывается ускользающей, неуловимо-зыбкой. Она учит, не обучая, заваливает пустой/симулятивной информацией, не информируя. В процессе современного обучения посредством виртуальной среды не наблюдается кристаллизации и осмысления смыслов. Теряется фундаментальность образовательной средой, связанная не только с получением новых знаний, но и их закреплении посредством работы с учебной литературой, ее конспектированием, выделением главного и второстепенного, умением анализировать и сравнивать прочитанные источники, а также интерпретировать их, высказывая свою личную позицию.

Сами учебники для современных школьников не обладают полной и исчерпывающей информацией по теме, а изложение учебного материала оказывается довольно путанным и непонятным. Перечисленное заставляет ребенка обращаться к виртуальной среде.

Ребенок, переставая тренировать свою память, начинает надеяться только на гаджеты, где можно найти множество информации на любой учебно-образовательный вопрос. Упование на гаджеты приводит к игнорированию процесса запоминания информации, ввергая детей в пучину забывчивости. Идея о том, что учебный процесс представляет собой колоссальный труд (вспомним суворовское, «тяжело в учении – легко в походе! Легко в учении – тяжело в походе!»), помогающий впоследствии в жизни, канула в Лету. Учебный процесс приобрел необременительную форму: готовые задания с ответами, шпаргалки, рефераты, курсовые, презентации по любой дисциплине можно найти в виртуальном пространстве. Вследствие этого у детей не формируется уважение к знаниям, науке и культуре. Современный формат обучения, построенный в виде цепочки *поиск – скачивание – считывание (не чтение) – выбрасывание/уничтожение как ненужного/мусорного* не

активизирует интеллектуальные способности личности, не старающейся проанализировать и запомнить учебный материал, моментально стираясь из памяти. Пребывание *on-line* и жизнь в параллельных мирах, в том числе во время занятий, не способствует формированию навыков обучения, усвоения и запоминания информации. В итоге сам учебный процесс, а также выполнения заданий посредством шпаргалок, размещенных в электронной среде, превращаются в симуляцию.

Потоки обрушиваемой на ребенка (нужной/ненужной) информации рождает навык ее мимолетного просматривания без дальнейшего осмысления, анализа и усвоения, что не способствует развитию рациональности и культуры логического мышления. В дальнейшем это приводит к рассеянному вниманию, отсутствию памяти. Сами знания в современности оказываются довольно поверхностными и неглубокими. В жизни ребенка начинают доминировать эмоции, оставляя интеллект неразвитым, что впоследствии скажется на качестве самих эмоций – они будут примитивными. Доведенные до автоматизма навыки работы на компьютере зомбируют ребенка не только механически, но и интеллектуально, превращая его жизнь «без о-сознания» (В.А. Кутырев): «бессмысловое (без(д)умное) мышление как бы незаметно, но довольно быстро становится господствующим, своего рода парадигмальным отношением к миру» [3, с. 51]. Риск подобного проявления заключается в следующем: личность с обедненной «аффективной сферой и эмоциональной тупостью», «действующая без сознания и функционирующая без мыс(ш)ления» [3, с. 97,103], становится легко управляемой. Нередко подобное приводит к чувству разочарования. Как отмечает социолог Е.Ю. Митрохина, во взрослом состоянии «под воздействием информационных потоков люди в основной своей массе испытывают отрицательные эмоции. Наряду с чувством разочарования и обмана россиянами овладевает состояние тревоги, незащитности, страха, усталости, унижения и неуверенности», что развивает «своеобразный комплекс неполноценности, базирующийся на поглощающем чувстве сомнения в своем социальном опыте и знаниях» [4]. Манипулятивные тактики, принимающие в современности благодаря высоким технологиям форму прозрачного диктата, разрушают многие ценности человеческой жизни, в том числе высшую ценность общества – гуманизм: «информационные потоки, особенно электронных средств, заряжены мыслью о том, что цена человеческой жизни ничтожна» [4]. В противовес этому в сознание внедряются чуждые российской ментальности акценты, разрушающие ценности русской культуры, – «культ наживы, обогащение любой ценой» [4], усваиваемые с юных лет.

Виртуальная среда и современное общество потребления активно обучают ребенка потреблять и *быть активным потребителем*. Сама экономика сегодня развивается согласно формуле: «потребительское общество (комфорт) есть капитализм (рынок) + инноватизация всей страны» [3, с. 77], где в качестве инноватизации выступает виртуальный мир, стимулирующий у детей «потребность в потребности», тем самым развивая «волю к потреблению», не имеющую никаких пределов. Каких-либо устойчивых предпочтений современный формат общества не вырабатывает. Одной из ключевых целей работы в Интернете является отслеживание новинок и модных тенденций, обновляемых практически еженедельно. Многообразие альтернатив в современности оказывается всего лишь иллюзией: выбор в пользу Нечто *прозрачно* навязывается, высвечивая инфантильность. Ребенок «не подозревал, что какие-то услуги или товары ему нужны, пока их не изобрели в инновационно-коммерческих центрах, и реклама не убедила его в их совершенной необходимости» [3, с. 78]. В итоге ребенок подвергается воздействию манипулятивных практик рекламы, соблазняющих его различными новинками и

паразитирующих на его образе жизни. Детское *я хочу* разрастается до невиданных масштабов, заставляя родителей нередко идти на поводу подобных истерик. Разрастание (ненужных/избыточных) потребностей приводит к обесцениванию личности и господству культа вещей.

Пребывание *on-line*, где можно найти все необходимое для жизни, неожиданно приводит к ситуации избыточности самой реальности, нередко непривлекательной и загроможденной проблемами. Реальный мир со своими проблемами рождает многочисленные детские страхи, связанные с вхождением в него. Рутинные процессы повседневного мира кажутся ребенку скучными и неинтересными, лишенными сильных эмоциональных впечатлений. Вследствие данного обстоятельства ребенок обучается абстрагироваться от действительности, выстраивая невидимые баррикады, что приводит к откладыванию решения проблем на неопределенный период и, как следствие, к конфликтности (с Я/окружающими людьми).

Виртуальная среда учит налаживать контакты, беспрепятственно знакомиться с людьми, вступая с ними в диалог на любую тему и по любому поводу. Обратим внимание на то, что интерактивность как обратная связь в виртуальном мире оказывается ограниченной, даже неполной. Отсутствие контакта с глазами и эмоциями, недостаток ощущения энергетики реального тела приводят к неудовлетворенности диалогом, возникающим в режиме реального взаимодействия. Осуществленный интерактив оказывается иллюзией, опустошая контактеров.

Несмотря на постоянное присутствие в сети и коммуникацию в ней, ребенок оказывается в жизни довольно *одиноким*. Дело в том, что общение в сетях специфично: оно построено на «пересечении функциональных отношений» [3, с. 179], лишенных соучастности, любви и теплоты. В виртуальном мире диалоги оказываются бесконтактными и безмолвными, осуществляемыми в «безъязыково-бессловесно-бессознательном» формате (В.А.Кутырев) между анонимами. Более того, язык в виртуальном мире бесполезен: языковую функцию выполняет техника. Подобный тип общения больше опустошает ребенка, чем обогащает, усугубляя одиночество. Контакт в виртуальном мире замыкает ребенка в себе, нарушая межличностные связи, подавляя интерес к людям и жизни. Перечисленное свидетельствует об *абиотическом синдроме*, выраженным «в дефиците жизни, угнетении инстинктов и желания жить, в депрессии», а главное – в потере смысла жизни [3, с. 199]. Свобода выбора, существующая в виртуальном пространстве, оказывается своеобразным бременем, затрудняющим выбор и приводящим к растерянности.

В итоге виртуальная среда и электронное кочевничество в мире детства рождают многоплановое *отчуждение* – от реальности, жизненных ситуаций, людей и себя. Это влечет за собой проблемы с умением жить, получать жизненный опыт, коммуницировать с реальными людьми, принимать решения и нести ответственность. Сами родители, жалея ребенка из-за загруженности в школе, постоянного выполнения множества домашних заданий, ограждают его от бытовых проблем и в итоге от реальной жизни. Вследствие этого, выходя за пределы виртуального пространства, ребенок теряет ориентацию, не имея навыков стратегически мыслить и принимать решения.

Отчуждение субъективного плана обусловлено потерей собственного Я, в чем последнюю роль играет *растворение* ребенка в виртуальных мирах. Вспомним, современное поколение подростков начали называть *людьми с опущенными головами/head down generation*. Такое название неслучайно. Дело в том, что дети из-за их электронной

зависимости все большее количество времени проводят за гаджетами в типичной позе, связанной с опущенной головой. Согласно языку телодвижений, человек с опущенной головой олицетворяет отсутствие самодостаточности, неуверенность, жизненную проблематичность, ничтожность, несчастье и даже жертвенность. Исходя из данной характеристики, напрашивается негативный вывод о забитости и даже многострадальности ребенка, причиной чему выступает его зависимость от виртуального мира. Сегодня «человек, лишаясь личностных характеристик, превращается в агента информационно-компьютерных сетей, его тело в средство для сбора "данных", чтобы перенести их в Сеть (основное занятие "офисного планктона")» [3, с. 12].

Безмерность виртуальных миров и их привлекательный формат способствуют потере пространственно-временной ориентации ребенком, уводя его «в техно-нано-виртуально-космическую даль» (В.А. Кутырев). Более того, вовлеченная погруженность в безмерные виртуальные миры способствует потере связи с собой и собственным телом. Ребенок за компьютером, подобно виртуальным мутантам, разрастается до мегамасштабов. Ж. Бодрийяр подчеркнул, происходит интенсивное «разрастание взамен роста», а скорость взаимодействий являет нам «бешенную неподвижность», где мы получаем «взамен скорости – инерцию как ее итог» [1, с. 15]. Ребенок «раздувается в пустоту», где «тело теряет свою норму и свою сцену» [1, с. 15], нередко множится, становясь без-образ(а)ным.

Анонимность виртуальной среды, возможность проявлять себя инкогнито либо симулировать свой образ свидетельствуют о начальной точке трансформации самоидентификации, приводящей к низкому порогу ответственности. Моделируя себя в виртуальном мире, ребенок прибегает к разного рода мифизациям, в которых преобладающим оказывается фантазийный элемент. С одной стороны, фантазия является мощной составляющей творческого процесса. Но, с другой стороны, постоянная замена реального вымышленным приводит к лживости ребенка, становясь кредо его жизни. Без особого труда мифизируя о себе, ребенок не прилагает при этом усилий к самосовершенствованию, что способствует его деградации. Личность ребенка под масками мифизаций и анонимности трансформируется в *реальный фантазм*, становясь неуловимой, что позволяет проявлять себя, в том числе, в негативном аспекте, укрываясь от ответственности. Чувства вседозволенности и отсутствия наказания потенциально содержат в себе риски, которые проявятся в будущем, сказываясь на личном бытии и взаимоотношениях с людьми.

Заключение. Виртуальность стала повседневно-естественной средой обитания детей, превратив их в постлюдей/технолюдей, без(д)умно гуляющим по сетям. Благодаря этому произошел поворот в образе жизни, мышлении, алгоритмах мысли и действий современных детей. Для решения многочисленных проблем, рождаемых проникновением виртуальности в мир детства, необходимо, как мы считаем, следовать некоторым принципам, связанным с инклюзивностью и ее средой.

В нашем понимании инклюзивность представляет собой **включенность в жизнь**, активное вхождение в жизненную среду, противоположное отчужденности и равнодушию. Подобная включенность подразумевает смысловой поиск, результативность осознанно-целенаправленных действий, желание понять окружающий мир, реализовав личный эмоционально-интеллектуальный потенциал. Инклюзивная личность – личность бытийствующая, включенная в жизненный процесс и не боящаяся его.

Чтобы сформировать из ребенка инклюзивную/включенную личность, необходимо объяснять ему, что компьютер – всего лишь техника, помогающая человеку в жизни, но не замещающая собой жизнь. Виртуальная реальность – это порожденный человеком мир, зависимый от действительности и имитирующий его. Сам виртуальный мир не соразмерен дому, поэтому он не может заменить его, как и среду обитания – общество. Нередко виртуальная среда приводит к разноплановому отчуждению, заставляя личность забыть *кто она есть*.

Необходимо прививать ребенку любовь к жизни, более того – *желание быть-в-бытии*, связанное с причастностью к жизненному процессу и событийностью в нем. Ребенку нужно объяснить, что жизнь – ключевая ценность, в которой можно найти много интересного и познавательного. При этом жизнь – это долгий и трудный путь, на котором встречаются радости и горести, успехи и неудачи, легкие рубежи и препятствия. Жизнь диалектична: в ней помимо позитивного имеют место и негативный эпизоды. Но все встречаемое на жизненном пути становится уникальным и неповторимым опытом личности. Главное, в любой жизненной ситуации – не опускать руки, быть активным, находиться в движении, что поможет найти выход. Согласимся с Э. Фроммом, заключившим, «человеку экзистенциальной ориентации не страшно жить, его уверенность зависит только от него самого: от его оптимизма, самостоятельности, состояния творческих сил, креативности и работоспособности» [7, с. 174].

Лучше всего ограничивать время работы за компьютером, тем самым блокируя электронную зависимость. Проводить больше времени с ребенком, читая ему книги, играя в его игры, занимаясь творчеством, обучая правилам жизни в обществе. Обратить внимание на развитие памяти и мышления, удерживания внимания и классифицирования информации, осуществляя данный процесс в игровой форме на примере прочитанного/увиденного. При этом большое внимание уделять нужно объяснению, приведению понятных и доступных аргументов-примеров, пытаться вывести ребенка на обсуждение проблемы.

Рекомендуется обучать ребенка размышлять над жизненными ситуациями, помогая осуществить осознанный и нравственно-правильный выбор в них. Сделать акцент на принципах нравственной коммуникации и взаимодействия между людьми.

Радостное восприятие жизни и творческий подход ко всем начинаниям, чуждые эгоизму и себялюбию, помогут преодолеть жизненный хаос/тотальную отчужденность/бездушие и создадут перспективы для саморазвития. Благодаря перечисленному, можно вырастить из ребенка инклюзивную личность, активно включенную в жизнедеятельность, способную ставить цели и решать возникающие проблемы, нести ответственность за себя и окружающих людей. Только такой индивид, живущий по принципу «*я есть то, что я есть*», станет героем нашего времени: «мой внутренний стержень – это способность жить и находить выражение своим сущностным силам – это часть меня, моей личности, моего я» [7, с. 173].

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Фатальные стратегии. М.: РИПОЛ классик, 2017. 288 с.
2. Кортунов В.В. Телекоммуникационные вызовы мировоззрению российского общества // Сервис plus. 2013. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telekommunikatsionnye-vyzovy-mirovozzreniyu-rossiyskogo-obschestva> (дата обращения: 7.02.2018).
3. Кутырев В.А. Последнее целование. Человек как традиция. СПб.: Алетейя, 2015. 312 с.

4. Митрохина Е.Ю. Информационная безопасность личности как социологическая проблема: Автореф. дис... к. соц. н. М., 1999.
5. Павловский В. В. Компьютерная игра как индикатор социально-психологических установок общества. М., 2001. URL: <http://www.auditorium.ru> (дата обращения: 5.02.2018).
6. Подосокорский Н. Нейробиолог Татьяна Черниговская: «Люди со знаниями "как у всех" станут лишними» // Lifejournal. URL: <https://philologist.livejournal.com/10010937.html> (дата обращения: 7.02.2018).
7. Фромм Э. Иметь или быть. М.: АСТ: Астрель, 2011.
8. Яковлева Е.Л. Электронный кочевник как новая форма идентичности личности // Философия и культура. 2015. №11. С. 1655-1664.

1.3. Аксиологический потенциал личности как основа её профессионального и социального успеха

Происходящие в современном обществе социально – экономические изменения, выдвигают определенные требования к современному человеку, согласно которым он должен быть конкурентоспособным специалистом и успешной личностью, способной к самореализации и успешности в выбранной им профессиональной или иной деятельности. При этом, для социально – экономических условий характерны: быстрая смена целей и ценностей, предопределение новых перспективных направлений деятельности, востребованность личностных качеств и компетенций, обуславливающих успешное взаимодействие с социумом, мотивация достижения успеха; адекватный и высокий уровень притязаний; эмоциональная уравновешенность и стрессоустойчивость; способность к определению профессиональных и жизненных перспектив.

Рассматривая «успех» как определенную «форму самореализации» личности, которая с одной стороны обеспечивает его саморазвитие, а с другой предполагает социальную оценку, признание одобрение обществом этих достижений, необходимо отметить, что «успех» служит источником удовлетворенности человеком своей жизнью и является формой самореализации личности. При этом, ощущение успешности позволяет человеку осмыслить свои способности, полномочности и компетентности в выстраивании стратегии собственной жизни. Таким образом, достижение успеха – это процесс связанный с самореализацией личности и ее самоутверждением в социуме.

Понятие «личного успеха» в большей степени сопряжено с самостоятельным достижением личностью своих жизненных целей. Критерии личного успеха будут зависеть от жизненных целей самой личности, ее зрелости и личностного роста. С самого рождения у человека развиваются потребность в достижении, их «готовят к успехам в жизни», формируя «оптимистическое отношение к жизни». В частности, социальный успех (успешность) рассматривают как особую направленность личности, для которой характерны следующие категории: мотивация на достижение, духовные, терминальные ценности, а также высокий уровень коммуникативных и когнитивных навыков. Социальная успешность связывают с наличием совокупности качеств личности, позволяющих получать удовлетворение от своего положения в социуме, а также с результатами интеграции человека в социальную среду» [13].

Логика исследования проблемы развития аксиологического потенциала личности

побуждает нас обратиться к анализу понятия «потенциал» как основополагающего для понимания феномена «аксиологический потенциал» и выступающего по отношению к нему в качестве родового понятия.

В переводе с латинского «potencia» означает мощь, сила, возможности. В широком понимании под потенциалом имеются ввиду «... средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и могущие быть мобилизованы, приведены в действие, использованы для достижения определенных целей, осуществления плана; решения какой-либо задачи; возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области».

В явном виде в научный оборот термин «потенциал» был введен английским математиком Д.Грином (1828) и немецким математиком К.Гауссом (1840) [5].

В настоящее время термин потенциал применяется в различных научных дисциплинах, анализ научных словарей позволил выделить следующие трактовки данного понятия (Таблица 1.).

Таблица 1 - Определения понятия «потенциал» в различных науках

Философия	1. присущая жизненной субстанции тенденция, которая при известных благоприятных условиях достигает своей цели; 2. возможность, внутренне присущая сила, способность к действию; 3. возможность проявления сущности в своих многообразных энергиях.
Физика	величина, характеризующая запас энергии тела, находящегося в данной точке поля
Социология	навыки, знания или способности отдельных людей, организаций или секторов в отношении выполнения определенных ролей или изготовления конкретной продукции
История	сила - источники, возможности, средства, запасы, которые могут быть использованы для решения задачи, достижения цели, возможности отдельного лица, общества, государства в определенной области
Экономика	совокупность имеющихся средств, возможностей в какой-либо области
Политика	возможности, могущие быть использованными в необходимый момент или срок для определенных целей
Педагогика	индивидуально-природные задатки (предпосылки), анатомо-физиологические особенности мозга и нервной системы, имеющие важное значение для формирования и развития различных способностей в зависимости от условий жизни и воспитания
Психология	запас личностных возможностей, который может быть использован для решения задач преодоления трудностей и достижения цели

В результате анализа данных определений нами были выделены следующие общие положения:

- потенциал, как правило, используется в качестве синонима ресурсов, резервов, возможностей;
- потенциал может применяться как по отношению к объектам и явлениям, внешним по отношению к человеку, так и к характеристикам, присущим собственно человеку;
- потенциал имеет энергетическую природу и характеризует запас энергии (философия, физика);
- для его проявления необходимы определенные условия;
- потенциал обладает направленностью (на достижение цели, решение задач, преодоление трудностей).

Для того чтобы наиболее полно выявить характеристики потенциала присущие человеку рассмотрим современные исследования потенциала в философии, экономике, культурологи, социологии, психологии, педагогике.

В философии понятие «потенциал» неразрывно связано с категориями «возможность» и «действительность». «Возможность» (потенциальное бытие) рождается в «действительности». Когда «возможность» реализована, она переходит в категорию «действительности» (актуальное бытие), и появляется новая «возможность». То есть наблюдается взаимопереход данных категорий, который носит название «актуализация потенции».

М.Д. Шафиков дефинирует потенциал как «атрибут бытия и присущее всякой качественной определенности (предмету или явлению) свойство иметь ресурсы, возможности, способности и прочее для самосохранения и самодвижения, а также воздействия на окружающий мир и взаимодействия с ним». По мнению философа системообразующим фактором потенциала является диалектика содержания и формы, а к его характеристикам он относит абсолютность и относительность. Абсолютность потенциала проявляется в том, что он является свойством всего сущего. Относительность потенциала, заключается в том он свойственен конкретному дискретно существующему своему носителю (социальный потенциал, человеческий потенциал, научный потенциал и т.д.), разнокачественным предметам и явлениям присущ разнородный потенциал (энергетический, силовой, возможностный, ресурсный и т.д.).

Продолжая идеи М.Д.Шафикова, Н.А.Мачинская рассматривает потенциал человека в аспекте всеобщей универсальной «потенциальности» мира. С ее точки зрения, «возможности человека осуществляются, становятся действительностью в поле и взаимосвязи с универсальными возможностями мира, которые оказывают значительное влияние на характер потенциала человека».

Особую значимость для нашего исследования имеет позиция отечественного философа В.Ж. Келле. По его мнению, потенциал взаимосвязан с деятельностью. «Он не существует сам по себе как некая обособленная от деятельности сущность, а материализуется в разных видах человеческой деятельности. Потенциал, таким образом, всегда имеет деятельностьную природу (Б.Г. Ананьев, Т.И. Артемьева, Д.А. Леонтьев, В.Н.Марков, С.Л. Рубинштейн, Д.Н. Узнадзе и др.). Это связывает воедино деятельность с обнаружением, развитием и реализацией потенциала».

Важные для нашего исследования характеристики потенциала рассматривают социально-экономические науки, где в связи с переходом к постиндустриальной глобальной экономике актуализировалась проблема развития потенциальных возможностей человека.

Ввиду этого в отечественной и зарубежной науке, широкое распространение приобрела концепция человеческого потенциала (С. Ананд, С.А. Айвазян, А.Б. Докторович, Н.В. Зубаревич, А.В. Кашепов, А. Сен, Ф.-П. Сакико и др.), которая, начиная с 90-х годов прошлого столетия, представляется в ежегодных докладах Программы развития ООН.

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 года» отмечается, что одним из фундаментальных факторов достижения Россией глобальных лидеров мировой экономики является возрастание роли человеческого капитала. Образование и здравоохранение, в рамках данной концепции, должны обеспечить опережающее развитие человеческого потенциала.

Не менее интересна для нашего исследования точка зрения Е.А.Реановича, который

опираясь на работы В.П. Горшенина, С.А. Дрокина и др. связывает потенциал с «ресурсами», «резервами», «возможностями» и указывает на его одновременную временную направленность:

- потенциал отражает прошлое, т.е. представляет собой совокупность накопленных свойств, обуславливающих способность к функционированию и развитию. В данном аспекте «потенциал» имеет значение «ресурс».
- потенциал, характеризует настоящее, т.е. практическое применение и использование имеющихся способностей. Здесь речь идет о «потенциале» как о «резерве».
- потенциал ориентирован на будущее (развитие). В этом смысле «потенциал» идентичен понятию «возможности» (см. рис.1).

Рисунок 1 - Смысловые значение понятия «потенциал» (Е.А.Реанович)

Вслед за Е.А.Реановичем акцентирует внимание на темпоральных характеристиках потенциала Е.В.Каргаполова. В ее исследовании потенциал социального развития рассматривается как «понятие с внутренне присущими ему свойствами целостности, интегративности, непрозрачности и стратегичности, разработка которых обеспечивает преемственность, синергетический эффект ресурсов и возможностей прошлого (ретроспективный потенциал), настоящего (исходный потенциал) и будущего (перспективный потенциал) развития социальной общности на основе первичных внутренних и вторичных внешних факторов».

В дальнейшем, при выделении компонентов и построении структуры аксиологического потенциала личности, мы будем учитывать временную направленность потенциала.

Существует точка зрения, согласно которой потенциал зависит от наследственности и жизненного опыта. Так, культуролог Е.В.Прима рассматривая понятие «жизненный потенциал человека», считает, что он включает в себя биогенетический потенциал (генотипические, родовые, выработанные в поколениях признаки, свойства, характеристики; фенотипические, онтогенетические, индивидуально-специфические признаки, качества, характеристики) и социокультурный потенциал (репродуктивные качества, признаки, свойства, характеристики; продуктивные, эвристические, креативные качества, признаки, свойства).

В классической психологии понятие потенциала практически не используется. Однако успехи физических наук и открытие закона сохранения энергии оказали свое влияние на развитие наук о человеке. Так, в психоанализе З.Фрейда формулируется представление о человеке как о замкнутой энергетической системе (энергия переходит из одного состояния в другое, при этом ее количество остается прежним). По его мнению, поведение человека активируется единой энергией, источником которой является нейрофизиологическое состояние возбуждения.

В рамках неопрейдизма данный подход был существенно переработан и дополнен

представлениями о том, что для человеческой активности энергию дают не только биологические источники, но и социальные и культурные процессы, вызывая внутриличностные конфликты индивида. Так, по А.Адлеру, источником побуждений человека является бессознательное стремление к самоутверждению. Э.Фромм к источникам внутреннего напряжения относит «стремление к власти и подчинению, любовь и ненависть, нарциссизм, чувственное наслаждение и страх перед ним».

В отечественной психологии *проблема соотношения потенциального и актуального* разрабатывалась научной школой С.Л.Рубинштейна и его последователей (Л.И.Анцыферова, Т.И. Артемьева, В.Г.Ассеев, Т.С.Тарасов, И.А.Джидарьян). По мнению ученых, развитие личности одновременно происходит в двух сферах потенциальной и актуальной. Л.И.Анцыферова к сфере потенциального относит способности, задатки, природные особенности, направленность личности, социальные возможности общества, которые могут быть реализованы для развития. Данная сфера, выполняя детерминирующие функции, является «стартовым условием развития», служит источником смыслообразования и временной перспективы. Сфера актуального составляет «качественно новое преобразованное потенциальное». Данные сферы находятся в диалектическом единстве, динамически взаимодействуя и изменяясь. По мнению Т.И.Артемьевой, переход из потенциального в актуальное возможен при наличии определенных социальных факторов и условий, важнейшим из которых является целенаправленная активность самой личности.

Понятие «потенциал» применительно к личности ученые чаще всего соотносят с ее способностями и задатками. Так Г.В.Суходольский определяет потенциал как «определенный круг и уровень развития психических функций, обуславливающих способности и возможности человека реализовать себя в тех или иных сферах занятости с более или менее высокой эффективностью». По мнению В.А.Спивакова, потенциал характеризует «заложенные потенции, возможности к выполнению тех или иных функций при благоприятных условиях развития способностей, задатков, доведения их до умений и навыков». Вместе с тем, важной для нас является точка зрения, согласно которой различие между потенциалом и способностью состоит в том, что *потенциал личности тесно связан с особенностями ее мотивации*. Подобной позиции придерживаются Дж.В.Ньюстром и К.Дэвис отражая ее в формуле [9]:

$$\text{«Способности} \times \text{Мотивация} = \text{Потенциальные результаты индивида»}$$

Одна из наиболее разработанных в психологии концепций потенциала человека представлена в исследовании В.Н.Маркова. Ученый, рассматривает потенциал личности в качестве самоуправляемой системы его возобновляемых ресурсов, способных проявляться в деятельности, которая направлена на получение значимых для социума результатов». Из данного определения В.Н.Марков выводит следующие сущностные характеристики рассматриваемого феномена:

- потенциал человека является ресурсно-энергетическим показателем;
- ресурс не является заданным, а возобновляется в процессе жизнедеятельности;
- потенциал, представляя собой, набор направлений, реализуется во взаимодействии с окружающим миром и обществом;
- потенциал обладает системными качествами;

– является саморазвивающейся и самоуправляемой системой.

Еще одно заслуживающее внимание исследование принадлежит Д.А.Леонтьеву. Автор трактует личностный потенциал в качестве интегральной системной характеристики индивидуально-психологических особенностей человека, которая лежит в основе его способности исходить из устойчивых внутренних ориентиров и критериев в своей жизнедеятельности и сохранять постоянство смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий. В рамках данного подхода потенциал является своего рода «стержнем» личности и «отражает меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счете преодоление личностью самой себя» [6;7].

В педагогических исследованиях нами были обнаружены следующие определения потенциала.

Таблица 2

В.М. Певзнер	«категория, имеющая в своей основе понимание определенной возможности, способности, силы, требующей поддержки, страховки, создания благоприятных условий для их раскрытия»
В.В. Игнатова, Р.А.Муртазин	«характеристика человека, которая отражает совокупность его врожденных и приобретенных способностей относиться к окружающей действительности, определяющих норму его возможного реагирования на социально-педагогические условия».
В.М.Полонский	«индивидуально-природные задатки (предпосылки), анатомо-физиологические особенности мозга и нервной системы, имеющие важное значение для формирования и развития различных способностей в зависимости от условий жизни и воспитания»
А.М.Матюшкин	«уровень качеств и способностей человека, отражающий степень соответствия личности определённой задаче и позволяющий ей действовать конструктивно в изменяющихся условиях».
В.В.Сергеева	«совокупность качеств личности, имеющихся в её распоряжении для осуществления деятельности и способности использовать свои ресурсы».
Н.В.Мартишина	«наличие скрытых, неиспользованных ресурсов» «предпосылка профессиональной компетентности специалиста».
О.В.Урсова	«существующие в скрытом виде возможности, которые могут проявиться при определенных условиях».

Данные определения дают нам право сделать вывод о том, что в педагогике что под потенциалом чаще понимаются человеческие ресурсы, выражающиеся как совокупность способностей, качеств личности, индивидуально-природных задатков, возможностей, которые могут проявиться при определенных условиях (обстоятельствах). Представленные определения во многом совпадают или дополняют друг друга, а также не противоречат характеристикам потенциала, которые мы выявили ранее в других науках.

Как мы видим, потенциал применяется в технических, социально-экономических и гуманитарных науках к различным сферам деятельности, группам явлений и процессов, и при этом обладает общими характеристиками и свойствами, что даёт возможность говорить о нём как о междисциплинарном феномене.

Таким образом «потенциал» как междисциплинарное понятие позволяет описать его свойства выявить и характеристики значимые для его исследования в контексте профессионального и социального успеха личности:

- потенциал личности – компонент всеобщей универсальной «потенциальности» мира;
- потенциал личности - ресурсно-энергетический показатель и отражает способность, возможность, качества, задатки личности которые могут быть как приобретенным, таки врожденными;
- потенциал личности - возобновляемый ресурс, а его использование сопровождается его ростом;
- потенциал личности имеет целевую направленность и тесно связан с мотивами;
- актуализация (раскрытие) потенциала личности предполагает создание определенных условий, значимым из которых собственная активность человека;
- потенциал личности проявляется в процессе деятельности;
- потенциал характеризуется мерой задействованных ресурсов и возможностей из прошлого, настоящегои будущего;
- потенциал обладает свойствами целостности, интегративности (нетождественности системных свойств сумме их составляющих), «непрозрачности» (наличия скрытых свойств, которые при изменении некоторых условий могут проявиться) и стратегичности (обуславливают возможности развития личности в перспективе).

В.Н.Марков предлагает понимать «потенциал личности» как *самоуправляемую систему возобновляемых ресурсов человека, которые могут проявляться в её деятельности и направлены на получение ею социально-значимых результатов.*

Далее перейдем к рассмотрению ключевой категории нашего исследования «аксиологический потенциал личности».

В определении А.А.Поляковой, «аксиологический потенциал личности представляет собой сущностные силы личности, сфокусированные в тесном органическом единстве (синтезе) интеллектуальной (мыслительные операции), эмоциональной, духовной и душевной (психо-физической) природы человеческой личности, предполагающие свое проявление во всех сферах ее жизнедеятельности».

Г.Н.Левашова рассматривает аксиологический потенциал как «синтез ценностных ориентаций как реализованных возможностей и неудовлетворенных пока еще потребностей личности»; «субъективное отношение личности к миру, самому себе, будущему»; «аксиологическую профессиональную готовность к деятельности»; «своеобразное производное от общечеловеческих, национальных, материальных ценностей общества и народа»; «предполагаемый приоритетный ориентир развития личности»; «определенную систему критериев для профессионально ориентированной личности».

С позиции Н.А.Симоновой, аксиологический потенциал представляет собой «динамическое личностное новообразование, синтезирующее в себе определенную совокупность ценностных ориентаций личности на высоком уровне как коммуникативного, так и эмотивного развития».

По мнению Н.А.Абыденовой аксиологический потенциал включает систему ценностей, профессиональных целей, социально-психологических установок, ориентаций, которые выражают общую осмысленность жизни, ее эмоциональную насыщенность и удовлетворенность.

В педагогических исследованиях посвященных изучению аксиологического потенциала личности имеют место разногласия и по поводу структурных компонентов данной категории.

Г.А.Мелекесов, О.О.Ненашева, А.А.Полякова в структуре аксиологического потенциала выделяют когнитивный, эмотивный и деятельностный компоненты.

Р.А.Муртазин включает в аксиологический потенциал: когнитивно-смысловой, эмоционально-волевой, мотивационно-деятельностный и рефлексивно-оценочный компоненты. По мнению Н.А.Симоновой аксиологический потенциал личности представлен единством коммуникативного, познавательного и мотивационного компонентов.

Ознакомившись с существующими вариантами структуры аксиологического потенциала, мы пришли к выводу, о том, что аксиологический потенциал представляет собой сложную, многогранную динамическую систему. Нами также предпринята попытка описать собственное видение структуры аксиологического потенциала личности.

Опираясь на исследования потенциала Е.А.Реановича [12], В.П. Горшенина, С.А. Дрокина, Е.В.Каргаполовой, философский анализ времени Л.В.Логуновой [8] мы рассматриваем аксиологический потенциал личности в его одновременной направленности на прошлое, настоящее и будущее. Считаем, что посредством прошлого потенциал объективизируется, посредством настоящего - актуализируется и посредством будущего - проецируется. В связи с этим, в структуре аксиологического потенциала личности мы выделяем ресурсный, самоактуализационный и проектировочный компоненты.

Рассмотрим подробнее компоненты структуры аксиологического потенциала личности.

Ресурсный компонент, отражая прошлое, представлен совокупностью психологических состояний и качеств, психического и физического здоровья личности, а также системы знаний умений навыков человека, его социальных отношений и связей, доступных духовных и материальных благ, которые обеспечивают возможность его жизненного, профессионального и личностного самоопределения.

В толковом словаре русского языка С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой термин «ресурс» означает запасы, источники чего-нибудь [10].

Рассмотрим различные трактовки понятия «ресурсы личности», представленные в научных исследованиях.

Данные определения позволяют выделить значимые положения, которые характеризуют ресурсы человека. Существует несколько классификаций ресурсов: ресурсы человека могут быть внешними и внутренними. К *внутренним ресурсам личности* можно отнести ее знания, компетентности, способности, навыки, умения, механизмы регуляции (мотивация, личностные цели, ценности) и т.д. К *внешним ресурсам* относятся социальные ресурсы, материальные ресурсы, информационные ресурсы, и др. Согласно другой классификации ресурсы личности могут быть специальными и универсальными. *Универсальные ресурсы* – необходимое условие для самореализации личности в основных жизненных сферах, а также обеспечения эффективности ее деятельности. *Задача специальных ресурсов* заключается в обеспечении личности возможности для самореализации в узких или уникальных сферах жизнедеятельности или успешного выполнения определенного вида деятельности.

Ресурсы личности имеют *динамическую организацию*, т.е. человек может сохранять, получать, преумножать, восстанавливать и перераспределять ресурсы в зависимости от жизненных условий, возраста, направленности личности и других факторов. *Уровневая дифференциация* ресурсов отражает иерархическую структуру личности (ресурсы каждого уровня, с одной стороны, обладают функциональной самостоятельностью, с другой иерархически подчинены друг другу и в целом формируют сложную функциональную систему). Преумножение и расширение ресурсов личности способствует расширению

границ опыта человека и появлению новых возможностей (актуализация потенциальных возможностей).

Таблица 3 - Понятие «ресурсы человека» в научных исследованиях

С. Хобфолл	то, что является значимым для человека и помогает ему адаптироваться в сложных жизненных ситуациях либо служит средством достижения лично значимых целей (материальные и нематериальные объекты; внешние и внутренние интраперсональные переменные; психические и физические состояния; волевые, эмоциональные и энергетические характеристики)
В.А.Бодров	физические и духовные возможности человека, «мобилизация которых обеспечивает выполнение его программы и способов (стратегий) поведения для предотвращения или купирования стресса».
Н.Е.Водопьянова	«внутренние и внешние переменные, способствующие психологической устойчивости в стрессогенных ситуациях; это эмоциональные, мотивационно-волевые, когнитивные и поведенческие конструкты, которые человек актуализирует для адаптации к стрессогенным/стрессовым трудовым и жизненным ситуациям», это «средства (инструменты), используемые им для трансформации взаимодействия со стрессогенной ситуацией».
К. Муздыбаев	средства к существованию, возможности людей и общества; как все то, что человек использует, чтобы удовлетворить требования среды; жизненные ценности, которые образуют реальный потенциал для совладания с неблагоприятными жизненными событиями.
Татарко А.Н.	«определенные навыки и способности человека»
Н.А.Сирота, В.М.Ялтонский	психологические основания, которые позволяют человеку без страха встречаться с жизненными трудностями, не стремиться избегать их, а разумно решать проблемы, пользоваться помощью и поддержкой окружающих
Т.А. Цецорина	«запас прочности»
М.В. Хватова	«средства, которые имеются в наличии, т.е. это актуальное бытие, реальные возможности человека, все то, что принадлежит личности в психологическом плане и может быть использовано в случае надобности (например, способности, интеллект, опыт, эмпатия, эмоциональная устойчивость, оптимизм, умение общаться и контролировать себя, мотивация достижения, личные цели, отношение к себе, ценности и др.)».

Самоактуализационный компонент аксиологического потенциала личности, отражая настоящее, связан с реализацией индивидуальности человека в процессе личностного, жизненного и профессионального самоопределения через различные виды активности (эмоциональная, мотивационная, коммуникативная, познавательная и др.), «в системе которых ведущую роль играет субъектная активность, при которой личность выстраивает связи с миром в соответствии с логикой своего внутреннего мира, когда самодетерминация преобладает над внешней детерминацией» [11].

Концептуальное оформление понятия «самоактуализация» («самореализация»), которое лежит в основе современных теорий, введено К.Гольдштейном в работе «Организм. Холистический подход» для обозначения биологического процесса, существующего в любом живом организме. По мнению К.Гольдштейна организмом движет

тенденция максимально полно актуализировать свою «природу», заложенные в него способности и возможности. Ученый осмысливает самоактуализацию как универсальный принцип жизни; единственный мотив существования; действия, направленные на удовлетворения потребностей. В дальнейшем, большой вклад в разработку проблемы самоактуализации личности внесли психологи гуманистического направления А.Маслоу, К.Роджерс и др. А также смежных и близких к гуманистической психологии направлениях – индивидуальная психология (А.Адлер); экзистенциальная психология (Д.Бьюдженталь) и (Р.Мэй); гештальттерапия (Ф.Перлз); социокультурный психоанализ (К.Хорни); Э.Фромм.

Для зарубежных ученых характерно «понимание самоактуализации как *цели* человеческого существования, «врожденного» предназначения человека, осуществляемого через *осознанную деятельность*, направленную на реализацию «*внутреннего Я*», абсолютно уникального, неповторимого, отличимого и узнаваемого» [1].

В отечественной науке самоактуализация связывается с целью жизни (А.В.Мудрик); процессом формирования жизненной стратегии и развития личности как субъекта жизнедеятельности (К.А.Абульханова-Славская), как субъекта интеллектуальной активности (Д.Б.Богоявленская). Е.И.Головаха связывает самоактуализацию с жизнеенной перспективой и ценностными ориентациями личности; В.А.Петровский со свободным выбором; В.А.Иванников и О.А.Конопкин с саморегуляцией произвольной активностью, Д.А.Леонтьев с личностным смыслом.

Близким по значению понятию «самоактуализация», является понятие «самореализация». Многие авторы рассматривают данные термины как идентичные. Мы соглашались с точкой зрения Е.Е.Вахромова, который уточнил соотношение между «самореализацией» и «самоактуализацией». По мнению автора, «самореализация» связана с мыслительным, когнитивным аспектом деятельности, это теоретическая деятельность, работа на внутреннем плане. Самореализация проявляется в построении и корректировке, перестройке «концепции Я», включая «идеальное Я», картины мира и жизненного плана, осознании результатов предшествующей деятельности (формирование концепции прошлого). Самоактуализация рассматривается в значении деятельности как процесса. «Акт самоактуализации - это некоторое конечное число действий, выполняемых субъектом на основании сознательно поставленных перед собой в ходе самореализации целей и выработанной стратегии их достижения. Каждый акт самоактуализации завершается специфической эмоциональной реакцией - «пиковым переживанием», положительным в случае успеха, и отрицательным (боль, разочарование) - в случае неудачи».

Таким образом, «самоактуализация и самореализация оказываются, двумя неразрывными сторонами одного процесса, процесса развития и роста, результатом которого является человек, максимально раскрывший и использующий свой человеческий потенциал, самоактуализировавшаяся личность».

Е.Ф.Яценко рассматривает самоактуализацию как интегральное образование, которое может являться не только процессом, состоянием, свойством, метапотребностью, свойством направленности личности, но и «синтезом указанных модусов», что будет составлять «её качественную определённую», комплекс системных качеств. Самоактуализация, по ее мнению, представляет собой *метасистему*, структура которой включает в себя три уровня: функционально-генетический, личностно-деятельностный и ценностно-смысловой.

П.И.Пидкасистый, Л.М.Фридман и М.Г.Гарунов видят в ней потенциальные возможности человека, которые могут проявиться и реализоваться лишь при конструктивной самоорганизации своей деятельности. В.И.Слободчиков и Е.И.Исаев сводят самоактуализацию к понятию самости, а вернее, ее осознанию.

Опираясь на работы Е.Ф.Яценко, в ракурсе нашего исследования, мы связываем самоактуализацию с самодетерминацией человека осуществляемой на ценностно-смысловой основе.

Согласно А.Маслоу «ценностная система самоактуализированного человека представлена главным образом ценностями уникальными для данного человека, ценностями, которые непосредственно отражают его характер».

Проекционный компонент аксиологического потенциала, ориентированный на будущее, обеспечивает стратегическую направленность процесса личностного, жизненного и профессионального самоопределения и проявляется в умении ориентироваться на конечную цель. Данный компонент связан с планированием личного жизненного пути, неотъемлемыми компонентами которого являются постановка целей, определение стратегией и способов их достижения.

Взаимосвязь ресурсного, самоактуализационного и проекционного компонентов аксиологического потенциала личности носит «проникающий» характер. Проекционный компонент (в форме целей, планов, стратегий) определяет деятельность в настоящем, т.е. самоактуализационный компонент. В определенный момент усиление проекционного компонента и «отставание» ресурсного создает кризисную ситуацию: в рамках проекционного компонента уже созрели программы профессионального будущего, но из-за недостатка ресурсов они еще не могут быть воплощены. Стабилизирующая роль самоактуализационного компонента состоит в том, что он может способствовать накоплению ресурсов, что создает возможности для реализации проекционного компонента. Самоактуализационный компонент «отсеивает» несущественное, остается лишь то, что имеет личностный смысл и ценностную основу.

Таким образом, мы предполагаем, актуализация аксиологического потенциала личности как динамического ценностно-смысловое образования помогает в осознании личностной позиции, придает смысл и направленность профессиональной деятельности, регулируя при этом цели, мотивы, волевые установки, выступая как фактор готовности к профессиональному саморазвитию.

Рассматривая аксиологический потенциал личности как интегративное динамическое личностное новообразование, интегрирующее в себе определенную совокупность ценностных ориентаций определяющее особенности профессионального, личностного и жизненного самоопределения и характер будущей жизнедеятельности в его структуре и компоненты (ресурсный, самоактуализационный и проектировочный), отражают одновременную направленность аксиологического потенциала на прошлое, настоящее и будущее, на профессиональный и социальный успех.

Список литературы

1. Базаева Ф.У. Анализ феномена самореализации в зарубежной гуманистической психологии // Среднее профессиональное образование. 2012. №3. С. 46-50.
2. Донина И.А. Успешность современной общеобразовательной организации как объект управления // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2013. № 4. С. 76.

3. Донина И.А. Рыночно-ориентированное управление современной общеобразовательной организацией как фактор ее успешности // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2013. № 4. С. 12-14.
4. Донина И.А. Аксиологический подход как методологическая основа становления маркетингово-профессиональной компетентности руководителей общеобразовательной организации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 2. С. 155-158.
5. Кондратьев Б.П. Теория потенциала новые методы и задачи с решениями. М.: Мир., 2007. 512, с.16
6. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Академия, 2005. 368 с.
7. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977 368 с.
8. Логунова Л.В. Единство вечности и времени: философский анализ: дисс. канд. филос. н. Красноярск, 2015. 156 с.
9. Ньустром Дж.В, Дэвис К. Организационное поведение/ Пер. с. англ. под ред. Ю.Н.Каптуевского. СПб.: Издательство «Питер», 2000. 448 с.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
11. Расторгуева Е.Н. К определению самоактуализации // Ученые записки университета имени П.Ф.Лесгафта. № 5(99). 2013. С.114-121.
12. Реанович, Е.А. Смысловые значение понятия «потенциал» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://research-journal.org/featured/smyslovye-znachenie-ponyatiya-potencial/> свободный. (Дата обращения 28.01.2018г.)
13. Тугушева А.Р. Представления о социальной успешности и личностное самоопределение юношества: дисс.канд.псих наук: Самара, 2007 167 с.
14. Шерайзина Р.М. Возрастные особенности развития творческого потенциала старших подростков в учебной деятельности / Шерайзина Р.М., Хачатурова К.Р., Донина И.А. // Психологическая культура личности. Коллективная монография. Ульяновск, 2017. С. 106-118.
15. Шерайзина Р.М. Развитие творческого потенциала обучающихся основной школы средствами предметов естественнонаучных циклов / Шерайзина Р.М., Донина И.А., Хачатурова К.Р. // Проблемы формирования учебно-воспитательного процесса. Коллективная монография. М., 2017. С. 54-76.
16. Шерайзина, Р.М., Задворная М.С. Актуальность непрерывного образования как условия личностно-профессионального развития педагога дошкольного образования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 4-1. С. 175-179.

1.4. Социально-психологические условия развития групповой креативности

Анализ отечественных (А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков, Т.А. Нестик, Е.А. Леванова, В.Г. Грязева-Добшинская, Я.А. Пономарев, Ч.М. Гаджиев, Л.И. Уманский, М.Г. Ярошевский, Г.С. Гавреева и др.) и зарубежных (М. Csikszentmihalyi, D. Harrington B. Nijstad, E. Rietzschel, W. Stroebe, B. Hennessey, T. Amabile и др.) исследований показывает, что вне социального поля, вне социального взаимодействия развитие креативности невозможно.

В зависимости от субъекта творчества выделяют индивидуальную креативность, характерную для одного человека, и групповую креативность, осуществляемую сообществом, группой участников совместной деятельности.

Групповая креативность, по мнению Д.В. Ушакова, это способность группы создавать продукт, обладающий новизной и при этом соответствующий окружающему контексту и ограничениям, накладываемым ситуацией [25]. А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик подразумевают под групповой креативностью не только способность группы к генерированию новых идей, но и способность добиваться их поддержки, совершенствовать их в ходе обсуждения с другими людьми, доводить их до реализации [10].

Г.С. Гавреева характеризует групповую креативность как устойчивую групповую характеристику, как комплексное свойство группы, которое позволяет ей в совместной профессиональной деятельности генерировать оригинальные идеи, инновационные предложения, находить способы нестандартного их решения, творчески относиться к делу, выявлять лидеров в команде единомышленников, стремиться к групповым профессиональным достижениям [3].

Понятие «групповая креативность» характеризуется как способность к творчеству, формируемая внутригрупповым взаимодействием в процессе совместной деятельности.

В ряде исследований отмечено, что групповая креативность выше индивидуальной. В одной группе участники оценивают себя как недостаточно креативных, но при этом группу свою считают достаточно творческой. Следовательно, чтобы повысить уровень креативности каждого участника группы, нужно повысить уровень креативности самих групп средствами стимулирования различных групповых процессов [3].

Групповая креативность является управляемой характеристикой группового творчества, поэтому групповую креативность можно развивать через создание для этого социально-психологических условий, развивать с помощью специальных методов, средств, форм работы, целенаправленно организуя и осуществляя совместную деятельность.

Социально-психологические условия – это совокупность внешних и внутренних воздействий, влияющих в данном случае на развитие групповой креативности.

Анализ психолого-педагогической литературы позволил условно выделить внешние и внутренние условия, влияющие на развитие групповой креативности.

Внешние условия – это вся окружающая человека действительность: культура, наука, социум, экономика и пр. Если мы говорим об образовательной организации, то это та образовательная среда школы, вуза, которая «погружает» личность и группу в пространство, способствующее творческому развитию.

Внутренние условия, то есть те обстоятельства, воздействия, которые непосредственно влияют на развитие творческого потенциала группы. Данные условия связаны с характеристиками, структурой развития малой социальной группы, с феноменами влияния в малой группе, со спецификой организации группового творчества, а так же с личностными особенностями участников группового взаимодействия.

Одним из факторов творческого развития личности, по мнению Л.С. Выготского, выступает окружающая среда: стремление к творчеству обратно пропорционально простоте среды. При этом автор подчеркивает, что как бы ни было индивидуально всякое творение, оно всегда включает в себе социальный коэффициент [2].

Культура так же оказывает влияние на развитие креативного потенциала личности и группы (Л.С. Выготский, М. Чиксентмихайи, М. Ерез, Р. Ноури, В. Hennessey, Т. Amabile, G. Fischer).

Повысить креативность, согласно М. Чиксентмихайи, возможно путем изменения существующих условий, поскольку заставить человека творить, думать более творчески очень сложно. Характеризуя идею как синергию нескольких источников, исходящих из сознания нескольких субъектов, автор отмечает, что сущность креативности определяется взаимодействием человеческих мыслей и культур, важно социальное одобрение людей, оценивающих степень креативности творческого продукта [28].

Культурно-социальный контекст по-разному влияет на развитие креативности, ее некоторых показателей. Исследования Р. Ноури (Nouri R. et al., 2015) показали, что негативное влияние культуры на креативность можно избежать, манипулируя социальным контекстом (в данном случае, в какой выборке проводится исследование), то есть, погружая человека в группу или нет (работа в одиночестве), осуществляется воздействие на определенные культурные ценности и нормы (культура коллективизма, присутствие референтного лица, уровень властной дистанции и пр.), которые порой сдерживают проявление креативного потенциала [35].

По Р. Стернбергу и Т. Любарту (Sternberg, Lubart, 1996) проявление креативности невозможно, если отсутствует творческая среда. Окружающая среда обеспечивает физическую и социальную стимуляцию, помогающую порождать и разрабатывать идеи, а так же является источником социальных оценок креативности [37].

Г.М. Андреева в своих исследованиях отмечает, что воздействия общества на личность осуществляется непосредственно или через группу, в которой личность приобщается к системам норм и ценностей, и которая выступают своеобразным транслятором опыта [1].

Согласно П.И. Пидкасистому, развивающее влияние группы велико: 1) благодаря взаимообмену информации группа создает необходимые условия для общего развития каждого члена группы; 2) в групповом взаимодействии субъект приобретает поведенческий и эмоциональный опыт; 3) группа предоставляет возможность субъекту выразить себя, избрав то, что интересно, соответствует способностям [17].

К основным социально-психологическим факторам совместного творчества А.Л. Журавлев, Т.А. Нестик (2010, 2011) относят состав группы и ее ролевую структуру; инновационные групповые ценности, способность группы к рефлексии, внутригрупповое доверие и психологическую безопасность, позволяющие избежать эффектов группового мышления; коммуникативную сторону группы и внешние социальные сети команды; характер лидерства. Исследователи отмечают, что, с одной стороны, ведется активный поиск методов повышения креативных команд за счет их состава и технологий взаимодействия, с другой стороны, изучаются внешние связи группы с другими командами и экспертами в организации, позволяющие координировать усилия и привлекать дополнительные интеллектуальные ресурсы [10, 11].

Г.С. Гавреева в проведенном исследовании выделила в качестве детерминант, влияющих в первую очередь на развитие групповой креативности, а во вторую, на индивидуальную (в качестве неосновных): ценностно-идейную сплоченность группы и уровень ее развития, социально-психологический климат и креативный стиль руководства [3].

Креативный стиль руководства, идей лидерства как основы развития креативности группы в проблематике многих исследователей (В.Г. Грязева-Добшинской, Г.С. Гавреевой, Н.В. Мешковой, С.Н. Ениколопова и др.).

В исследованиях В.Г. Грязевой-Добшинской совместное творчество рассматривается сквозь призму индивидуализации (поиск нового, усиление своеобразия, возможности для

участников внести уникальный вклад в совместную деятельность) и интеграции личности (отражение и принятие индивидуальности другими). Автор показывает эффект влияния субъектов совместного творчества, в котором выявлены формы взаимодействия субъектов (творческих лидеров), оказывающих стимулирующее влияние на групповую творческую активность, а также и на индивидуальную творческую активность за пределами актуального взаимодействия. Если в совместной деятельности происходит совместное спонтанное преобразование первоначального продукта одного из партнеров и формируется общее для участников смысловое поле, то процессы личностной индивидуализации и интеграции усиливаются. Если же взаимодействие организовано по принципу совместной оценки и отбора одного из продуктов индивидуального творчества, в преобразовании которого группа не принимала участие, то эти эффекты блокируются [4, 5].

Стиль руководства, с точки зрения Г.С. Гавреевой, должен быть креативным. Руководителю необходимо профессионально совершенствоваться в управленческой теории и практике, креативный стиль руководства предполагает достаточно высокий уровень управленческого мастерства, творческое отношение к труду.

К признакам креативного стиля руководства, по мнению автора, можно отнести: стимулирование творческой деятельности группы (формирование и поддержка ценностей творчества, профессиональная любознательность, желание совершенствовать предмет труда) и гибкость использования управленческих воздействий (использование разных стилей руководства, навыков, знаний и способов воздействия на группу). К совокупным условиям относятся: высокая мотивация членов группы, ее ориентация на творческий результат; поощрение инициативы в совершенствовании продуктов и условий труда; поощрение самоорганизации подчиненных при соответствующей предрасположенности, двусторонняя направленность нововведений (изменения в компании производятся не только «сверху» от высшего руководства, но и «снизу», от подчиненных); ориентация на раскрытие творческого потенциала группы (за счет уровня сложности и трудности заданий, соответствующих групповому потенциалу); обеспечение возможности высказывать группе любые мнения (в том числе оппозиционные); ясность представления группой поставленных творческих цели и задач; ориентация на совершенствование и оптимизацию профессиональных навыков [3].

Группа должна быть развита в коллектив или команду, когда члены группы принимают друг друга, воспринимаются как необходимые элементы группы (уникальные) и находятся в совместной деятельности по достижению всем желанной цели.

Очевидно, что данное условие необходимо при организации совместной деятельности в определенных сообществах, поскольку западные исследования нацелены на изучение временных творческих групп, созданных в компаниях, для разработки новых продуктов и услуг. После разработки идеи (проекта) и /или его реализации, временная творческая группа распадается.

Й. Хан (Han, 2014) с коллегами исследовали влияние разнородности команды на развитие групповой креативности, в результате чего пришли к выводу, что креативность команды будет высокой, если ее члены обладают разными знаниями, но одинаковым практическим опытом [34].

Групповая сплоченность так же является фактором, способствующим развитию групповой креативности, тогда как огруппление мышления группы приводит к утрате творчества в связи с появлением стереотипов, давлением одних членов группы на других и

невозможностью сделать что-либо иначе, только в соответствии с нормами группового большинства.

Г.С. Гавреева отмечает, что сплоченность группы должна быть высокой, группа должна быть во многом референтной для своих членов, чувство принадлежности к группе должно быть высоким. Однако, при высокой сплоченности в группах должно быть представлено многообразие взглядов, знаний, профессионального опыта [3].

Анализируя согласованность представлений участников совместной деятельности о том, что именно, с кем и в какой последовательности должен делать каждый из членов коллектива при реализации общественно значимой, общей для всех цели, А.В. Петровским осуществлялась оценка групповой сплоченности [18].

Одним из ключевых условий развития групповой креативности выступает социально-психологический климат. Развитие креативности коллектива и его членов может происходить в благоприятном социально-психологическом климате, в котором существуют поддерживающие отношения как по горизонтали, так и по вертикали [3]. Творческий климат – это сформированная определённым образом обстановка, в которой человек чувствует себя свободным, полностью мотивированным, готовым к творческой работе. В таком социально-психологическом климате он может почти всю свою энергию отдавать творческим, продуктивным занятиям (по А.Г. Маслоу).

Следовательно, необходима коррекция социально-психологического климата группы: создание атмосферы защищенности и психологической комфортности, содействие благоприятному эмоциональному фону взаимоотношений участников группы в совместной деятельности. Для участника группы важно и необходимо окружение, позволяющее чувствовать, что его принимают таким, каков он есть.

Если рассматривать групповое творчество с точки зрения деятельностного подхода, то важно проанализировать процесс группового решения творческих проблем (Растяников, Степанов, Ушаков, 2002) [21].

По мнению М.Г. Ярошевского, разработка задач и их решения – это разные этапы творческого процесса. Наиболее творческим считается этап разработки (генерации), на этом этапе в группе всегда присутствуют основные роли – активатор, генератор, резонатор, эрудит, критик [32].

Согласно Я.А. Пономареву и Ч.М. Гаджиеву (1983), механизм, лежащий в основе творческой задачи, выступает основой и совместного творчества. Однако здесь складывается особая коллективная форма преобразования побочных продуктов, которые возникая в действии одного, могут быть использованы в качестве подсказки любым членом группы и регулировать действия других участников совместного решения. Исследователи предлагают возможность распределения ролей между участниками группы («активатор», «генератор», «информатор») с целью повышения эффективности группового творчества. При этом сама ролевая структура является динамической и мера структурирования различна на разных этапах творчества [20].

Я.А. Пономарев (1976), понимая творчество как развивающее взаимодействие, выделил механизмы (сочетание интуитивного и логического режимов), движения которых имеют определенные фазы функционирования: фаза произвольного, логического поиска; фаза интуитивного решения; фаза вербализации интуитивного решения; фаза формализации вербализованного решения [19].

Н.И. Шевандрин, раскрывая процесс принятия группового решения, уточняет, что в данном случае речь идет о групповом обсуждении какой-либо проблемы, в результате

которого группа принимает определенное решение. Среди выделяемых специалистами переменных процесса принятия группового решения задача занимает весьма существенное место: во многом она может быть квалифицирована как источник и объект этого процесса [29].

По мнению автора, процесс группового принятия решений состоит из четырех фаз: 1) установление фактов (групповое интервью); 2) оценка фактов (мнения по поводу установленных фактов); 3) поиск решений (брейнсторминг); 4) принятие решений.

Выделяют факторы, определяющие групповую эффективность: способность членов группы к развитию организационной структуры; степень свободы, с которой личность может функционировать в группе, имея в виду, что независимость действий члена группы обусловлена не только доступностью получаемой информации, но также и всевозможными ситуативными моментами, действиями других членов группы и оценкой воспринимаемой субъектом информации; насыщение или информационную перегрузку, испытываемую членами группы в позициях коммуникативной сети; уровень развития группы, способный в ряде случаев существенным образом влиять на взаимосвязь рассматриваемых переменных [29].

Рассматривая сущность и структуру учения с целью изучения развития способностей в процессе деятельности по решению задач, Г.П. Щедровицкий отмечал, что содержание обучения обуславливает характер и направленность развития психики школьников, а сам процесс присвоения данного содержания образования может рассматриваться как деятельность. Автор, описывая деятельность в объективном плане, выделял и анализировал такие ее аспекты как: 1) задачи деятельности; 2) объекты на которые направлена деятельность; 3) процесс, направленный на объект и складывающийся из действий и операций; 4) средства, необходимые для реализации процесса; 5) продукты (результаты) деятельности. По мнению исследователя, наиболее значимые изменения должны происходить в блоке средства, где наряду с объективными факторами появляются и субъективные образования, которые можно назвать способностями.

Все это приводит Г.П. Щедровицкого к мысли о возможности существования такого развития способностей в усвоении, которое не может быть сведено ни к чистому усвоению, ни к чистому развитию, то есть предлагается рассматривать способности как элемент совершенно особой структуры психической деятельности, реализуемый посредством совершенно особого механизма в рамках целостного процесса усвоения. Автор подчеркивал, что процесс усвоения приводит к появлению у индивида нового способа деятельности и соответствующих ему способностей [31].

Согласно В.В. Рубцову, в исследовании групповых форм решения задач необходимо учитывать два методических принципа: 1) соотношение процессов и результатов индивидуального и группового решения (когнитивное групповое взаимодействие); 2) специальная организация групповых форм решения (собственно групповые феномены) [23].

Х.Й. Лийметс выделил следующие признаки групповой работы обучающихся в учебной деятельности: 1) обучающиеся осознают коллективную ответственность за данное преподавателем задание и получают за его выполнение соответствующую социальную оценку; 2) организация выполнения задания осуществляется всеми обучающимися и отдельными группами под руководством преподавателя; 3) действует такое разделение труда, которое учитывает интересы и способности каждого обучающегося и позволяет

каждому лучше проявить себя в общей деятельности; 4) есть взаимный контроль и ответственность каждого перед всеми и группой [12].

По Г.А. Цукерман, следствием совместной учебной работы является не только умение вместе осуществлять учебную деятельность, но и умение видеть, признавать разные точки зрения, строить «позиционное общение» [27].

Групповое решение проблем методами стимулирования креативности эффективно, если решаемая проблема реальная, внедрение ее решения зависит от множества людей, информация поделена между членами группы, участники группы обучены техникам творческого решения проблем и наблюдается эффективность межличностного взаимодействия в группе [14].

Г.С. Гавреева в эмпирическом исследовании определила, что в проектной работе уровень сложности задач предопределяет уровень креативности, необходимый для их решения. Сложность задачи приравнивается к ее творческой, чем сложнее, тем, значит, креативнее. Поэтому было установлено, что не в каждой малой группе необходимо развивать групповую и индивидуальную креативность до максимального предела, только при соответствии уровню сложности поставленных задач. Чем сложнее задача, тем выше должен быть уровень креативности в группе, и чем проще задача, тем меньше уровень креативности необходим. При этом более простая задача может быть решена отдельными членами группы, тогда как более сложная задача требует совместных усилий и повышенного уровня креативности [3].

Человек не поддается внешним стандартам и нормам своей группы без анализа сквозь призму собственных ценностей, смыслов, мотивов и интересов, он вовлекается в групповое общение и деятельность через рефлексию и инициативу.

По словам Я.А. Пономарева, рефлексия выступает одной из главных характеристик творчества. Человек становится для самого себя объектом управления, из чего следует, что рефлексия, как «зеркало», отражающее все происходящие в нем изменения, становится основным средством саморазвития, условием и способом личностного роста [19].

С.Л. Рубинштейн рассматривал проблему рефлексии как проблему онтологическую, характеризуя ее как способность, играющую важнейшую роль в самодетерминации и саморегуляции жизнедеятельности [22].

Согласно Г.П. Щедровицкому, В.А. Лефевру, рефлексия обеспечивает взаимопонимание и согласованность действий партнеров в условиях совместной деятельности, кооперации [30].

Анализируя совместное творчество с опорой на рефлексию М.И. Найденов (2006), отмечает, что рефлексия развивает группу, позволяет ей переосмыслить, повторно отразить проблемно-конфликтную ситуацию, при этом она не сводится к сумме индивидуальных рефлексий и возникает лишь в групповом со-бытии. По мнению автора, групповая рефлексия в совместном творчестве может рассматриваться как действие, как способность и как групповая ценность, облегчающая взаимодействие и осмысление совместного опыта, обработка опыта группы [16].

Рефлексия Г.П. Щедровицким определяется и как особый процесс и структура деятельности, и как принцип развертывания схем деятельности. Причем основой для осуществления рефлексивной деятельности является так называемый рефлексивный выход (выход из прежней позиции деятеля в новую внешнюю позицию в отношении настоящей и будущей проектируемой деятельности). Рефлексивная деятельность при этом поглощает прежние деятельности субъекта, которые выступают в качестве материала для анализа, и

будущую деятельность, которая выступает в качестве проектируемого объекта. Это позволяет рассматривать рефлексивное отношение как вид кооперации между разными индивидами и деятельностями, природа и механизм рефлексии определяются в первую очередь связью кооперации нескольких актов деятельности; и лишь затем эта связь особым образом «отображается» в сознании [30].

По мнению И.Н. Семенова и С.Ю. Степанова, кооперативная рефлексия обеспечивает согласованную совместную деятельность. Авторы отмечают, что данный тип рефлексии, позволяет проектировать коллективную деятельность и кооперацию совместных действий субъектов деятельности. При этом рефлексия рассматривается как «высвобождение» субъекта из процесса деятельности, как его «выход» во внешнюю, новую позицию как по отношению к прежним, уже выполненным деятельностям, так и по отношению к будущей, проектируемой деятельности с целью обеспечения взаимопонимания и согласованности действий в условиях совместной деятельности. При таком подходе акцент ставится на результаты рефлексирования, а не на процессуальные моменты проявления этого механизма [21, 24].

Многие исследователи подчеркивают, что в процессе группового решения творческих проблем необходимо рефлексивное управление, то есть коммуникация между разными субъектами, в результате которой происходит передача оснований для принятия решений (В.А. Лефевр), использование рефлексивных игр (В.А. Лефевр, А.В. Растянников, С.Ю. Степанов, Д.В. Ушаков).

Таким образом, механизм творческой рефлексии помогает не только осознанию и пониманию, но и позволяет увидеть, каким образом происходит творческое изменение и улучшение деятельности. Применение рефлексии способствует расширению и увеличению зоны внутреннего плана и внешней активности участников групповой творческой работы.

Для запуска творчества, необходим хотя бы малейший исследовательский интерес к своей деятельности и развитию. Необходима «внутренняя» мотивация – ориентация на успех и развитие. Соответственно, чтобы пробудить творчество участников группы, нужно затронуть внутреннюю мотивацию человека, то есть его ценности, смыслы и цели. В некоторых случаях необходимость выражена не просто в том, чтобы затронуть, но и показать, детально объяснить и научить творческому отношению.

И.Н. Семенов (2005) в рамках концепции рефлексивной организации продуктивного мышления описывает игрорефлексику развития творческого потенциала личности, психотехнологии развития творчества и опыт их использования не только в практике управления, но и в образовании. Автор указывает на то, что систематическое обращение к творческим (нестандартным) задачам на сообразительность в течение длительного времени выступает определенным фактором развития умственных и творческих способностей личности. Психолого-педагогические методы, развивающие индивидуальные, парные и групповые формы, игрорефлексики, рефлепрактики, различного рода психо-, акме- и социотренинги направлены на активизацию творчества [24].

В.Г. Грязева-Добшинская предлагает использовать арт-тренинги креативности для лидеров и команд, построенных на основе символических игровых структур [5].

Об использовании определенных средств и технологий (например, в проектирование) в развитии социальной креативности указывает в своих исследованиях Г. Фишер (2005), подчеркивая, что необходимо учитывать различие позиции (временные, пространственные, технологические, концептуальные) при создании конструктивного диалога [26].

Р. Флорида (Florida, 2005) отмечает, поскольку креативность имеет социальный характер, а не только индивидуальный, те или иные формы организации просто необходимы. И в то же время, организованность может подавлять креативность [33].

В настоящее время важным становится обсуждение вопроса о ценности креативности в образовательных программах, интеграция индивидуальной и социальной креативности [26].

Так, в качестве факторов, от которых зависит деятельность воображения, Л.С. Выготский кроме опыта, потребностей, интересов и комбинаторной способности, выделяет упражнения в этой деятельности, технические умения и традиции (образцы творчества) [11].

Л.С. Выготский отмечал, что в состав процессов воображения входят четыре этапа: 1) диссоциация – расщепление на части (преимущественно отдельные части), выделение черт сложного целого; 2) ассоциация – объединение диссоциированных и измененных элементов; 3) комбинация – приведение отдельных образов в систему, построение сложной картины; 4) кристаллизация – переход в действительность, воплощение во внешних обликах, образах.

Автор подчеркивал, что первых три процесса связаны с переработкой информации, и в первую очередь накопленного опыта, то последний этап позволяет осуществить полный круг творческой деятельности (модель круга: всякое построение воображения, исходя из реальности, стремится описать полный круг и воплотиться в реальности) [2].

Немаловажная роль в развитии творчества отводится методам стимулирования креативности: мозговой штурм и его виды, метод синектики, метод морфологического анализа, метод фокальных объектов, метод инверсии, метод ментальных карт, метод шести шляп, метод контрольных эвристических вопросов и пр.

Е.П. Торренс сформулировал требования к приемам, позволяющим стимулировать развитие креативности: они должны содействовать переходу из обычных состояний сознания в необычные; обладать возможностями возбуждать взаимодействие интеллектуальных, волевых и эмоциональных функций; обеспечивать реалистичное столкновение с проблемой, а также столкновение противоположных понятий, образов, идей [38].

По мнению исследователей (Ruscio et al., 1998), применительно к техникам мозгового штурма от участника групповой творческой работы можно ожидать: подготовки к групповой встрече; активное участие в ней; постановки значимых для обсуждения вопросов; высказывания оригинальных идей; развитие предложений других участников [36].

Таким образом, групповая креативность как управляемая характеристика развивается и проявляется в совместной деятельности. Социально-психологические условия оказывают влияние на развитие групповой креативности. Данные условия связаны с характеристиками, структурой малой группы, с феноменами влияния в малой группе, со спецификой организации группового творчества, с личностными особенностями участников группового взаимодействия, а так же с влиянием окружающей средой.

Групповую креативность можно развивать не только средствами стимулирования различных внутригрупповых процессов, но и при помощи специальных методов, форм работы, целенаправленной организации совместной деятельности. Активные групповые формы деятельности психолога, педагога, позволяют развивать не только индивидуальную креативность, но и креативность малых групп.

Социально-психологический климат, групповая сплоченность, определенная стадия развития коллектива, процесс группового решения творческих проблем, уровень сложности решаемой задачи, стиль руководства и взаимодействия, лидерство, рефлексивные отношения в организации совместной деятельности, а также учет возрастных и индивидуальных особенностей участников группового взаимодействия влияют на развитие групповой креативности.

Список литературы

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2009. 363 с.
2. Выготский Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте: Психологический очерк: книга для учителя. 3-е изд. М.: Просвещение, 1991. 93 с.
3. Гавреева Г.С. Влияние внутригрупповых процессов на развитие креативности малой группы: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: ГУУ. 2008. 21 с.
4. Грязева В.Г. Индивидуализация и интеграция личности в совместной творческой деятельности: Автореф. дис. ... кан. психол.наук. М.: ПИ РАО, 1988. 24 с.
5. Грязева-Добшинская В.Г. Синергия взаимодействия субъектов в совместной творческой деятельности как механизм творческого лидера // Психология интеллекта и творчества. Традиции и инновации. М.: Институт психологии РАН, 2010. С. 298-308.
6. Еремина Л.И. Влияние групповой креативности на социальное творчество студентов в Поволжском регионе: монография. Ульяновск: ФГБОУ ВПО «УлГПУ им. И.Н. Ульянова», 2014. 144 с.
7. Еремина Л.И., Бибикова Н.В. Педагогические условия формирования креативности обучающихся // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2017. № 4 (31). С. 23-28.
8. Еремина Л.И., Нагорнова А.Ю., Гурылева Л.В. Исследование креативности студентов в аспекте социализации // Прикладная психология и психоанализ. 2013. № 4. С. 9.
9. Еремина Л.И., Нагорнова А.Ю., Кайзер Н.Ю., Куликова О.В., Плахина Л.Н. Профилактика алкоголизма на уровне семьи: техники организации совместной творческой деятельности и социального взаимодействия // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 709-709.
10. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Психология управления совместной деятельностью: Новые направления исследования. М.: Институт психологии РАН, 2010. 248 с.
11. Журавлев А.Л., Нестик Т.А. Совместное творчество как ресурс деятельности организации: состояние и перспективы исследований // Психологический журнал. 2011. Т 32. № 1. С. 3 – 21.
12. Лийметс Х.Й. Групповая работа на уроке. М.: Знание, 1975. 64 с.
13. Мешкова Н.В., Ениколопов С.Н. Направления исследований креативности в социальном взаимодействии // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 118-128.
14. Микалко М. Взлом креатива: как увидеть, что не видят другие / пер. с англ. А. Коробейникова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 320 с.
15. Нагорнова А.Ю. Значимость творческой самореализации детей, обучающихся в учреждениях дополнительного образования // Воспитание школьников. 2014. № 6. С. 53-56.
16. Найденов М.И. От первичной модели группового субъекта творчества – к «побочному продукту» групп рефлексивной услуги // Психология творчества: школа

- Я.А. Пономарева / под ред. Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 455-481.
17. Педагогика: учебное пособие / под ред. П.И. Пидкасистого. М.: Педагогическое общество России, 2001. 640 с.
 18. Петровский А.В., Шпалинский В.В. Социальная психология коллектива: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1987. 176 с.
 19. Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976. 303 с.
 20. Пономарев Я.А., Гаджиев Ч.М. Психологический механизм группового (коллективного) решения творческих задач // Исследование проблем психологии творчества / под ред. Я.А. Пономарева. М.: Наука, 1983. С. 279-295.
 21. Растянников А.В., Степанов С.Ю., Ушаков Д.В. Рефлексивное развитие компетентности в совместном творчестве. М.: ПЕР СЭ, 2002. 320 с.
 22. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Просвещение, 1946. 712 с.
 23. Рубцов В.В. Психологические основы организации совместной учебной деятельности: Дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 1986. 427 с.
 24. Семенов И.Н. Рефлексивная психология творчества: концепции, экспериментатика, практика // Психология. Журн. Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 65-73.
 25. Ушаков Д.В. Современные исследования творчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 53-56.
 26. Фишер Г. Развитие социальной креативности: пусть все голоса будут услышаны // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 2. № 4. С. 57-64.
 27. Цукерман Г.А. Виды общения в обучении. Томск: Пеленг, 1993. 268 с.
 28. Чиксентмихайи М. Креативность. Поток и психология открытий и изобретений / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Карьера Пресс, 2013. 528 с.
 29. Шевандрин Н.И. Социальная психология в образовании. М.: Владос, 1995. 549 с.
 30. Щедровицкий Г.П. Рефлексия и ее проблемы // Рефлексивные процессы и управление. 2001. Т. 1. № 1. С. 47-54.
 31. Щедровицкий Г.П. Система педагогических исследований (Методологический анализ) // Педагогика и логика. М.: Касталь, 1993. С. 16-102.
 32. Ярошевский М.Г. Психология творчества и творчество в психологии // Вопросы психологии. 1985. № 6. С.20.
 33. Florida R. The Flight of the Creanive Class, Harper Business. New York, 2005.
 34. Han J., Han J., Brass D.J. Human capital diversity in the creation of social capital for team creativity //J. Organ. Behav. 2014. V. 35. P. 54-71.
 35. Nouri R. et al. Social context: Key to understanding culture's effects on creativity / Nouri R., Erez M., Lee C., Liang J., Bannister B.D., Chiu W.//J. Organ. Behav. 2015. V. 36. P. 899-918.
 36. Ruscio J., Whitney D.M., Amabile T.M. The fishbowl of creativity // Creativity Research Journal. 1998. P. 243-263.
 37. Sternberg R.J., Lubart T.I. Investing in creativity // American psychologist. 1996. 51. P. 677-688.
 38. Torrance E.P. Guiding creative talent. Englewood Cliffs, W.J.: Prentice-Holl, 1964. 234 p.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

2.1. Массовое сознание в новых информационных условиях: возможности манипуляции и ресурсы противодействия

Быстрое развитие информационно-цифровых технологий качественно меняет траектории структурирования и развития массового сознания. Принципиально меняются условия социализации личности, как первичной, так и вторичной. На ранних стадиях социализации заметно ослабевает влияние традиционных семейных ценностей и четко выстроенной структуры школьного образования и резко возрастает роль фактора ранней интеграции в цифровую информационную среду. На более поздних стадиях актуализируется потребность в переориентации уже сложившихся установок и адаптации к изменившимся условиям. Последствия информационно-цифровой социализации проявятся в полной мере несколько позже, но уже сейчас становится очевидной необходимость обсуждения и разрешения множества возникающих в связи с новыми тенденциями вопросов, и прежде всего: Как меняется структура массового сознания в новых условиях? Как в связи с изменениями структуры сознания меняются социальные и социально-политические отношения?

Структура массового сознания. Современные подходы к исследованию сознания обоснованно предлагают рассматривать не собственно структуру сознания, а его структурирование как процесс. В теории социальной структуризации А.Гидденса [17] основные компоненты сознания формируются на последовательных стадиях его развития. На самой ранней стадии социализации личности формируется так называемая «базовая система безопасности», в рамках которой складываются прочные психологические установки доверия сначала к ближнему кругу (семья), а затем более широкому окружающему миру (общество). В рамках этого процесса погашается «естественное беспокойство» по поводу постоянно возникающих внешних раздражителей и угроз, создаются внутренние механизмы самоконтроля в изменяющихся условиях окружающей среды.

На уровне личности «базовая система безопасности» формирует установки доверия к родителям, как источнику заботы, опеки и обеспечения ресурсами для удовлетворения первичных потребностей. На уровне массового сознания формируется установка доверия к власти – как охранительной системе, призванной организовывать защиту от внешних врагов, создавать структуры поддержания внутреннего порядка, обеспечивать социальные возможности самореализации и, главное, создавать и прояснять ценности и смыслы социальной жизни посредством выстраивания нормативных и идеологических систем.

Установки «базового доверия» укореняются в глубинных пластах сознания, становясь основой для перехода на следующую ступень – возникновения установок «практического сознания», которые формируются через знакомство с общественными традициями и социальными институтами, усвоение ценностей, норм и правил, обеспечивающих психологическую уверенность в «правильности», то есть социальной одобряемости эмоциональных реакций, способов мышления и поведения. На этой ступени происходит такой значимый, по мнению Гидденса, процесс, как «рутинизация» сознания, то есть становление упорядоченных форм, обеспечивающих психологическое ощущение предсказуемости действий окружающих людей, что дает возможность ведения обычной

практической жизни, осуществления повседневной деятельности в «автоматическом режиме». Воспроизводство упорядоченных форм жизни становится важным фактором стабильного развития общества.

В рамках теории Гидденса вскрываются механизмы взаимодействия разных пластов сознания. Первые этапы становления ответственны за формирование не собственно «сознания», а скорее «предсознания». Рутинные действия, совершаемые под контролем «практического сознания», то есть автоматически, не всегда способны справиться с непредсказуемыми ситуациями, а тем более с моментами радикального разрыва обычного хода вещей, вызывающими психологический дискомфорт, чувство беспокойства. В критических ситуациях, которые уже не могут адекватно контролироваться «базовой системой безопасности» и установками «практического сознания», требуется актуализация особых механизмов сознания, а именно, рациональной оценки и поиска решения возникшей проблемы – «рефлексивного мониторинга», по терминологии Гидденса. Социальные психологи используют также понятия «метапознания» или «мета-когнитивного мониторинга», под которыми подразумевают наблюдение за собственными действиями при продвижении к какой-либо цели. [13].

Социальная практика современной эпохи становится все более динамичной. Критические, кризисные ситуации возникают все чаще, что требует от общества развития качества рефлексивности не просто как способности осмысления происходящих процессов, но и как способности свободной практической ориентации в новых процессах, «поспевания» за быстро происходящими изменениями, встраивания во вновь образующиеся структуры. Рефлексивный мониторинг, достигающий уровня теоретического понимания причин и последствий социальных процессов, перестает быть прерогативой социальной элитной сферы, «верхних структур». Способность к рефлексивному мониторингу с необходимостью развивается во все более широких слоях общества.

Дискурсивное сознание. Рационализация действия у А.Гидденса является (как и у Ю.Хабермаса) актом социального взаимодействия, происходящего посредством коммуникации. В современных условиях сам процесс коммуникации принципиально меняет свой характер. Теперь это не просто вербальный обмен мнениями и суждениями по поводу каких-то материальных вещей и обыденных процессов, и не просто усвоение и использование информации. Коммуникация обретает новое качество – теперь это дискурсивный процесс. По утверждению Ю.Хабермаса, современный социальный дискурс – это фундаментально новая форма рациональности – высшая стадия развития внутренней логики социальных систем. Ю.Хабермас считает «дискурс» такой формой коммуникации, которая проходит в условиях, сознательно очищенных от принуждения и давления со стороны доминирующих в обществе структур. [18]. Дискурс – это рационально-коммуникативное действие, происходящее в таких условиях, где любая высказываемая мысль или идея в принципе может быть подвергнута обоснованной критике. В этих условиях Хабермас считает принципиально необходимым не только развитие способностей вербального выражения каких-либо реакций на поступающую информацию, но и способности критического мышления. Рационализация действия с необходимостью требует развития «дискурсивного сознания», то есть способности выходить на уровень глубоких мыслительных процессов и посредством общения влиять на ход социального взаимодействия. Только через дискурс происходит формирование собственно «сознания». На дискурсивной стадии развития общества принципиально важным становится развитие

коммуникативной этики – умения вести дискуссии и споры на основе приведения аргументов в защиту той или иной позиции и достигать согласия. Процесс социального взаимодействия в современную эпоху означает, прежде всего, путь к достижению взаимопонимания между субъектами самого разного уровня, и в том числе, между обществом и властью. В дискурсивном процессе массовое обыденное сознание преобразуется в «общественно-гражданское».

Современный дискурс возможен лишь при равных условиях взаимной критики позиций участников коммуникативного взаимодействия. Владение современной социальной и политической ситуацией включает в себя не только речевое, но и более тонкое понимание на образно-эмоциональном и интуитивном уровне, способность считывать подтексты, обнаруживать и различать манипулятивные приемы распространения знания и разоблачать их. Другими словами, на первый план выходит дискурсивная компетентность, то есть способность противостоять разного рода деформирующим рациональную коммуникативную ситуацию факторам. Современная дискурсивная компетентность не ограничивается умением добывать и применять знания. Не накопление багажа знаний, а обретение умений ориентации в необозримом информационном поле, способности не только поиска необходимой информации, но и к ее критической переработке становится наиболее актуальным требованием современной эпохи. Развитие критического мышления предполагает ослабление безусловного доверия к информации, из какого бы источника она ни исходила. Критическое мышление требует проверки и перепроверки излагаемых фактов, даже если источник изначально заслуживает доверия. Таким образом, в условиях широкого распространения новых технических средств производства и обмена информацией на первый план выходит вопрос не количества усвоенных знаний, а оценки их качества.

Социальная практика, упорядоченная во времени и пространстве, постоянно воспроизводит сама себя и условия своего развития. В реальной социальной практике воспроизводятся в той или иной степени все исторически сложившиеся формы эмоциональных реакций, способы мышления и действия. В обычном стабильном течении жизни, в отличие от теоретических моделей, различные процессы и течения сосуществуют в одном пространственно-временном измерении. Прогресс общественного развития не однолинеен, а, как известно, цикличен. Под воздействием различных факторов, как внешних, так и внутренних, в общественной практике на поверхность социальной жизни выходят различные формы самовыражения. Процессы рационализации социального взаимодействия сменяются процессами, в которых доминируют эмоциональные реакции, оттесняющие рационально-взвешенные оценки событий и критических ситуаций. В пределах сложившихся социальных практик часто невозможно отделение дискурсивного объяснения субъектом своего действия от действительных причин действия, которые проявляются сами собой в процессе реального поведения. За пределами четко выраженных форм социальных реакций и действий располагаются «серые сферы» неопределенности, которые образуются между двумя слоями социальных процессов, практическим и символическим, между видимой, презентуемой стороной процессов и той, что на самом деле их определяет, но скрыто от общего обзора. В реальном функционировании общества трудно разделить проявления «дискурсивного» и «практического» сознания, граница между ними, – предупреждает Гидденс, – очень гибкая и взаимопроницаемая.

Формирование и становление массового сознания. Массовое сознание как продукт процессов социальной институализации в конкретном обществе неоднородно вследствие

нелинейности и противоречивости исторических процессов развития общества. Формирование сложных социально-ментальных конструкций – традиций, религий, идеологий происходит под доминирующим влиянием деятельности элит, основной задачей которых является создание средств управления массовым сознанием. С другой стороны, в рамках массового сознания постоянно возникают критические импульсы оценки и переосмысления предлагаемых или навязываемых политическими или культурными элитами ментальных доминант. Именно поэтому советский исследователь массового сознания Б.А.Грушин принципиально возражал против термина «формирование», крепко привязанного в советской идеологии к термину «массовое сознание». Грушин считал, что термин «формирование» изначально несет в себе лишь элемент внешнего, воспитательного воздействия на сознание. По рассуждениям Грушина, которые согласуются с теоретической логикой Гидденса, феномен «массового сознания» должен изучаться как процесс становления – «порождения», «производства», «продуцирования», в котором непременно должны учитываться как институциональные, так и самопроизводящие факторы [4, с.357-8].

Тем не менее, в условиях раннего модерна доминирующее влияние идеологий на массовое сознание неоспоримо. Массовое сознание всегда соответствует особенностям своего исторического времени и состоянию геополитических условий, которые прямо или косвенно определяют ресурсы и возможности развития. Создаваемые элитарными слоями общества ментально-символические конструкции – религии и их модифицированные формы эпохи модерна – идеологии – исторически несли в себе внешние функции структурирования массового сознания. Движение к идеологически обозначенным целям требовало социальной консолидации и обеспечения управляемости массами. Для этого в эпоху идеологического доминирования властными структурами создавались системы жесткого контроля над СМИ и разного рода инструктажей по регламентации поведения – профессионального, должностного, бытового и пр. Работа специального политико-идеологического аппарата формирования массового сознания была направлена на закрепление в социуме определенных способов мышления и оценивания, интерпретативных схем и соответствующих им моделей поведения. Политико-идеологические установки формирования сознания неизбежно работали и в сфере образовательных институтов, перед которыми ставилась задача не только повышения естественнонаучной образованности масс, но и внедрение в сознание «правильного» отношения к сложившейся социально-политической реальности.

Такие внедряемые в сознание в любой общественной системе нормативные «практические схемы» отличаются очень сильной устойчивостью. Именно они определяют «национальный код» – характер социальной общности. Так говорят об «американской предприимчивости», «немецкой аккуратности», «английской чопорности», и пр. Такой национальный код определял и типический характер «советского человека – строителя коммунизма». В то же время, в рамках конструирующей социальную реальность ментальной матрицы всегда можно выделить и отличия, характерные для отдельных представителей социума – групп и личностей. При определенных обстоятельствах социального развития устойчивые структуры подрываются вновь образуемыми ментальными и поведенческими элементами. Конструктивная динамика общего и различного обеспечивает саморазвитие социально-коммуникативной системы.

С переходом состояния общественных отношений на новый уровень, в период так называемого позднего модерна и постмодерна, фактор «формирования» теряет

доминирующее влияние в процессе развития массового сознания, становясь одним из составляющих широкого и сложного комплекса факторов. Соотношение характеристик массового сознания меняется в сторону ослабления качества «формируемости» «управляемости» и усиления «самости», «субъектности» – роста потребности осуществления социального выбора и принятия самостоятельного ответственного решения.

Насколько современное массовое сознание подвержено влияниям элитарных слоев и насколько оно способно противостоять разного рода претензиям на доминирование в ментально-символическом пространстве – эти вопросы требуют своего решения. Соотношение весов «объектности» - «субъектности» зависит от многих причин. В их числе экономическое благополучие или неблагополучие населения на данном историческом отрезке времени, распределение политических, экономических и общественных сил, определяющих общественное мнение, ситуативные настроения под влиянием конкретных событий и т.д.

Риторические и метариторические средства манипуляции сознанием.

Сохранившиеся религиозные и идеологические системы, хотя и в ослабленных фрагментарных формах, и теперь задают ценностно-нормативный тон общественной жизни, влияют на формирование социально-образовательных трендов, организуют мотивационную структуру массового сознания для выполнения социально значимых задач. Сложившиеся коммуникативно-языковые формы, устойчивые «риторические фигуры» служат цели создания, сохранения/поддержания и воспроизводства образа социальной системы, задают ориентир, эталон, вектор развития, под который должна подстраиваться живая социальная практика. В то же время если явной функцией идеологических конструкций продолжает оставаться охрана и поддержание сложившегося социально-политического строя, то параллельно, в скрытой форме развивается функция охранения частных интересов политической элиты, стремящейся удержать в своих руках бразды власти. Использование управленческих рычагов в целях охранения высших позиций политических элит, в отсутствие сдерживающих факторов, логически приводит к трансформации ментально-символических систем. Риторика, как мастерство речи и искусство убеждения, часто незаметно для всех сторон коммуникативного действия, трансформируется в метариторику – систему неизменяемых языковых формул, которая применяется уже не столько для прояснения какого-либо момента практической ситуации, сколько для маскировки истинных интересов и целей коммуникатора, часто лежащих далеко за пределами целей достижения истины и социального согласия. Ценностно-нормативные регуляторные функции коммуникативно-языковых форм отесняются на безусловно-фоновый уровень, тогда как чисто символические аспекты выступают на поверхность публичной сферы, принимая формы «застывших фигур», обеспечивающих не только «официальную презентацию национальных мифов» [3], но и становящихся инструментом внедрения в массовое сознание определенных идеологических установок, способствующих доведению до автоматизма желаемых массовых реакций на управленческие стимулы.

Презентационная функция идеологий (религий), развитая до формы произведения «мета-эффектов» на массовое сознание, подавляет функцию реально-практического регулирования общественных процессов, превращая идеологическую систему в фактор, препятствующий свободной социальной коммуникации, и, прежде всего, развитию критической по отношению к политическим элитам стороны. Символично-идеологические

формы становятся инструментом социального бихевиоризма, используемым как доминирующей политической элитой, так и претендующими на доминирование политическими группами, борющимися за власть, в частных целях.

Степень и масштабы использования манипулятивных приемов в процессе коммуникации является важным индикатором качественного состояния коммуникативного пространства – его зрелости или слабости, оцениваемого с точки зрения наличия равносильных рациональных альтернатив, способных поддерживать дискурсивный баланс. Недостаточность зрелых, аргументированных критических позиций в обществе приводит к активизации манипуляционных технологий, к проявлению широкого эклектического спектра риторических и метариторических форм для обеспечения влияния на аудиторию различных социальных и политических сил. Наличие в обществе конструктивных критических сил заставляет разработчиков манипуляционных технологий думать не только о способах произведения эффекта, но и о том, чтобы нивелировать ощущение навязывания идеи или продукта, которое довольно быстро и легко распознается искушенным «клиентом»

В современном коммуникативном процессе выработка стратегий манипулирования становится тщательно подготавливаемой. Специфика современного социального и социально-политического дискурса состоит в том, что способы убеждения и достижения искомого результата становятся все более изощренными и технологически продвинутыми. Возникновение целой области профессиональной деятельности – PR-агентов в социальной и маркетинговой сфере и специфических «информационных отделов» в политической сфере, нацелено на изобретение все новых «способов убеждения» и продвижения определенного социального или политического продукта. Но если еще недавно, в конце XX века, в период всплеска критического мышления в образованной среде общества, такие институты старались работать в неявном режиме, то в начале XXI века, в условиях жесткого подавления публичной сферы и укрепления новой политической доминанты, манипуляционные стратегии вновь выступают в неприкрытом, а то и откровенно циничном виде. Пробуждение тяжелых древних пластов некритического массового бессознательного позволило реставрировать и архаичные формы манипуляции массовым сознанием – от откровенной лжи, дезинформации, извращенных интерпретаций и подтасовок фактов. Производство «мета-эффектов» в откровенных формах выдачи «черного» за «белое» в совокупности с методикой игнорирования и/или силового подавления критики стало характерным атрибутом социально-политической коммуникации начала XXI века.

«Архетипы» сознания. Какова степень подверженности манипулятивному влиянию различных слоев общества?

Кажется очевидным, что манипулятивному влиянию наиболее подвержены те слои общества, которые в силу различных факторов и обстоятельств, не чувствуют себя уверенно в жизненном процессе – те слои, чье сознание остается в неразвитом, инфантильном состоянии – нуждающемся в опеке, объединении для лучшей самозащиты, зависимом от вышестоящей социальной силы. При неблагоприятных экономических и условиях – низком уровне жизни и социальной бесперспективности – в сознании «маленького человека» не утасает первобытная готовность к некритическому подчинению любому типу власти. По мере роста материального благосостояния и базовой уверенности в своих собственных силах и возможностях – в обществе растет чувство независимости от властных структур и укрепляется готовность к принятию ответственности за собственный

выбор. Эта корреляция подтверждается сравнительными социологическими исследованиями [8]. В меньшей степени подвержены обработке сознания люди с высоким уровнем интеллекта, хорошей образованностью и «собственным делом» в жизни. Тем не менее, эти факторы вовсе не служат 100%-ной гарантией против неявных внешних воздействий на сознание, хотя вероятность «попадания на удочку» профессиональных манипуляторов снижается. Процент критически мыслящего населения никогда ни в одном обществе не бывает слишком высоким. По разным экспертным оценкам, не более четверти населения способно гибко и адекватно оценивать ситуацию, воспринимать информацию и с достаточной степенью рациональности взвешивать собственные и чужие аргументы.

Гораздо чаще структура сознания, выстраиваемая на ранних стадиях жизненного процесса, прочно фиксируется на зрелых фазах в виде сложившейся «картины мира», мировоззрения, приверженности той или иной религиозной конфессии или идеологии. Социоментальная матрица, в которую встраивается структура формирующегося сознания, довлеет над индивидуальной мыслительной деятельностью всю жизнь, руководит ею и направляет ее. Усвоенная «картина мира» вытесняется в предсознательные слои, становится частью «архетипа коллективного бессознательного», по терминологии К.Г.Юнга – «символической фигурой», обеспечивающей автоматизм применения ко всем событиям жизни готовых интерпретативных схем, которым на поздних стадиях жизни уже редко кто способен изменить. В то же время «архетип», как «бессознательная форма», способен, по убеждению Юнга, наполняться конкретным содержанием, «претерпевать изменения под влиянием того индивидуального сознания, на поверхности которого оно возникает» [15, с. 99].

Социально-психологические исследования разных эпох показывают, что «архетипы» сознания меняются очень медленно и с большим трудом, лишь при достаточно сильных мотивационных импульсах. Исследователями массового сознания давно замечена закономерность отставания массовой ментальности от изменений, происходящих в экономических, социальных и политических отношениях. [14]. По наблюдению исследователя «психологии масс» еще начала XX века Г.Лебона, масса, в силу глубокой консервативности и инертности мышления, всегда является тормозом социального прогресса. Глубинные уровни массового сознания крепко захвачены древними инстинктами и традиционными установками. Эти инстинкты, считал Лебон, – несокрушимы, как у первобытных людей. Массы питают «самое священное уважение к традициям и бессознательный ужас, очень глубокий, ко всякого рода новшествам, способным изменить реальные условия ее существования». [11. с. 129]. Тогда же, в начале XX века, социологи (Р.Мертон, Э.Дюркгейм) ввели в научный оборот понятие «аномии» – неспособности массового сознания поспевать за бурно меняющимися обстоятельствами жизни, перерабатывать хлынувший поток информации с той же скоростью, с какой она появляется в социальном пространстве и перестраивать нормы, регулирующие поведение. Важным итогом всех этих исследований стало понимание социальными учеными существования серьезных противоречий, вызванных решительным стремлением наиболее продвинутой части общества изменить привычный традиционный мир, с одной стороны, и неспособностью быстро справляться с изменениями со стороны массового сознания. Именно эта неспособность, по выводам К.Г.Юнга, «закладывает основание для компенсаторной реакции коллективного бессознательного», формы которой могут быть самыми различными – от возврата к традиционно-религиозным практикам до усиления

апатичных и суицидальных массовых настроений или всплеска хаотично-разрушительной активности [15, с.111].

Эти выводы ученых начала XX века так или иначе подтверждаются и современными социально-психологическими исследования, проводимыми самыми разными методами. Так, по исследованиям Т.Адамьянц, в обычной рутинной жизни массовое сознание обнаруживает сильную инерционность восприятия новой информации. При восприятии материалов общественно-политического содержания число адекватных интерпретаций традиционно составляет 13-14%; частично адекватных интерпретаций – около 30%, с незначительными вариациями в зависимости от формы подачи материала. Более того, сравнительные исследования свидетельствуют о том, что с течением времени показатели «адекватного восприятия» в массовом сознании не меняются. Исследования, проводимые Б.А. Грушиным в начале 70-х годов прошлого века в широко известном проекте «Общественное мнение», показывали, что лишь 14% респондентов от всего массива опрошенных были способны адекватно проинтерпретировать предложенную газетную статью на производственно-экономическую тему. И даже среди респондентов с высшим образованием таких было лишь 35%. В 80-е годы при исследовании восприятия того же «эталонного текста» был получен аналогичный результат: 14%. Сходные результаты (13,6%) были получены и в 90-е годы при интерпретации общественно-политических телепрограмм [2, с.58].

Прочно укоренившиеся традиционные установки, ставшие фундаментом массового «практического сознания», возводят и в наше время крепкие баррикады на пути инноваций, блокируя прямой мыслительный доступ к ходу непривычных процессов. Подавленные жизненной «рутиной» мыслительные возможности зачастую не могут переступить границу, за которой начинается «рефлексивный мониторинг» новых процессов жизни. Более того, забетонированная уверенность в «правильности» усвоенных с детства мыслительных схем и норм поведения направляет энергию старшего поколения на настойчивое внедрение этих стандартов в умы новых поколений. Молодежь, тем временем, обнаруживает себя на перепутье между традициями и новациями. Подвергаясь массированным атакам со стороны самых разных интерпретаций происходящих событий, молодое поколение становится прицелом для манипуляционных орудий. Находясь в эпицентре разнонаправленных векторов влияния – социокультурных, рекламно-маркетинговых, религиозных, политико-идеологических и пр., стремящихся завладеть формирующимся сознанием, заполучить его в свою ментальную матрицу – молодежь постоянно находится в состоянии социальной неопределенности.

В то же время, включаясь в разнородную социальную среду, молодое поколение так или иначе поставлено перед необходимостью выстраивания своей целостной картины мира. Как показывают исследования, «картина мира» современного молодого человека представляет собой хаотичный набор стереотипов, витающих в публичном пространстве и часто противоречащих друг другу. Расхождение официальной риторики, декларирующей успехи власти по организации различных молодежных проектов, с практикой, в которой молодежь не находит себе применения, не способствует формированию у молодежи психологической уверенности в завтрашнем дне. Рост социально-профессиональной конкуренции ставит молодых специалистов в проблемную, а иногда и трудно разрешимую ситуацию недостаточности объективных возможностей карьерного продвижения и самореализации [5].

Современные социальные исследователи, отмечая разноплановый характер социальных изменений XXI века, единодушно подтверждают кризисное, аномичное состояние массового сознания в целом, его «травмированность», ценностную дезориентацию, отчужденность, потерю самоидентификации. Одной из основных причин такого состояния признается столкновение претендующих на доминирование трендов воздействия на массовое сознание: стремления сохранить свое влияние властно-политических кругов с противоположно направленными течениями жизни, вызванными объективным ходом технологического прогресса [7].

Новая информационно-технологическая реальность. Активное проникновение в обыденную жизнь новых информационно-цифровых технологий ломает привычную рутину мышления и поведения. Технологические инновации, по утверждению М.Кастельса, заставляют мир развиваться по особой логике, вынуждая институциональные структуры перестраиваться и обновляться. Это логика встраивания всей вновь производимой информации в «потенциально всеобъемлющие» распределительные сети, в которых она обрабатывается «с постоянно растущей скоростью, с растущей мощностью и с убывающими затратами». [9]. Постоянное обновление информационных технологий и коммерческая заинтересованность их производителей в свободном доступе к новой информационной среде вступают в противоречие с традиционными средствами управления массовым сознанием – социально-нормативными и политико-идеологическими.

Мгновенная доступность информации подрывает важнейший манипуляционный ресурс – сокрытия информации обладающими властью людьми, нейтрализует возможности ее дозированной подачи населению и ослабляет потенциал ее использования в сугубо частных целях. Разрушается главный фактор традиционного иерархического структурирования обществ – однолинейность информационного потока, исходящего из одного центра и идеологическая предзаданность социальной интерпретации.

Новая информация постоянно изменяет общее состояние знания в конкретной институциональной среде. Вся коммуникативная структура постоянно перестраивается под требования новых технологических реалий. Эти реалии требуют не только постоянного повышения технологической и отраслевой квалификации, но и широкой демократизации социальных и социально-политических отношений, изменения принципов коммуникации. Открытость сетевых форм коммуникации становится сильным объективным фактором, подрывающим претензии на тотальность со стороны разработчиков традиционных символических механизмов интеграции обществ.

Любая новая информация в интернете быстро перестает быть собственностью ее автора. Мгновенно распространяясь по информационным сетям, она становится доступной всем, кто подключен к интернету. Число пользователей интернета в России стремительно выросло за последнее десятилетие: с 24% в 2006 году до 80% в январе 2018 [6]. 84% пользователей интернета используют для выхода в сеть больше одного технического устройства – например, рабочий и домашний компьютеры или компьютер и мобильный смартфон. Молодежь, составляющая основную часть пользователей, предпочитает мобильный интернет. Около 90% пользователей моложе 35 лет выходят в интернет с мобильных устройств. Пользуясь и компьютером, и телефоном, человек в среднем выходит в сеть 19 раз за неделю, где проводит более семи часов [16].

Втягивание в орбиту сетевого общения широких слоев общества с неизбежностью требует перестройки установок массового сознания, чтобы оно могло справляться с

новыми вызовами. Массовое вовлечение в коммуникационные сети с неизбежностью подготавливает объективные предпосылки для развития личностных способностей к рефлексии и самостоятельности выбора.

Свежесть восприятия молодежи, позволяющая ей гораздо быстрее и глубже проникать в сложные технологические системы и легче ориентироваться в измененных средах, дает ей большие преимущества для самореализации по самостоятельно выбранному сценарию. Адекватность восприятия у обучающейся молодежи (школьников и студентов) выше, чем в обществе в целом. Так, по исследованиям Адамьянц, высокий уровень коммуникативных навыков (адекватное восприятие) показывают 17% подростков; средний уровень (частичноадекватное восприятие) – 39%; низкий уровень (неадекватное восприятие) – 44% [1, с. 167].

Тем не менее, гипотеза о том, что качественное изменение социокультурной среды, связанное с резким увеличением технических возможностей для получения информации, появлением Интернета, мобильных устройств и т.д., автоматически увеличивает число людей, способных к адекватному пониманию смысла воспринимаемой информации – не подтверждается исследователями. Заключение, сделанные авторами эксперимента 2015 года по выявлению особенностей понимания смысла «эталонного текста», что применялся и в исследованиях нескольких десятилетий тому назад среди студентов гуманитарных вузов Москвы, таковы, что *«качество понимания в сфере коммуникации практически не выросло с течением времени и появлением новых технических возможностей получения информации»*. Навыки «адекватного понимания» информации продемонстрировали лишь 30% современных студентов элитных гуманитарных вузов, и то, после специальных занятий по обучению навыкам понимания. Эти данные сравнимы с 35% респондентов с высшим образованием в исследовании 70-х годов прошлого века – делают вывод исследователи [2, с. 59].

Иными словами, перестройка массового сознания не происходит одномоментно в силу уже упомянутой инерции и не только у населения, прошедшего все стадии социализации еще в прежние времена, но и у молодого поколения, унаследовавшего на генетическом уровне коммуникативные диспозиции своих родителей. Уровень развития массового сознания и дискурсивной культуры не повышается автоматически с технологическими изменениями социокультурной среды. Социальные психологи единодушно приходят к выводу, что необходима специальная социальная работа по повышению уровня коммуникативной компетентности в массовом сознании, развитии коммуникативных навыков, критического мышления, способного адекватно ориентироваться в мощном информационном потоке и противостоять атакам манипулятивного влияния.

В то же время в психолого-педагогической научной среде отмечается, что становление рациональной коммуникационной культуры на основе развития критического мышления сталкивается с определенными трудностями. Среди причин называются не столько «неразвитость институтов медиаобразования», «незавершенность концептуальной проработки целей, методов и содержания деятельности в этой области педагогики», сколько сильное противостояние таким образовательным задачам со стороны управленческих и коммерческих структур. По большому счету, ни властные структуры, проникающие в новое информационно-технологическое пространство, ни собственно медиаиндустрия не заинтересованы в развитии критического мышления в обществе. [12]. Властные структуры, как уже было отмечено выше, в гораздо большей степени заинтересованы в управляемости массового сознания, а значит, в поддержании высокого

уровня идеологической восприимчивости населения, и, соответственно, сдерживании роста уровня дискурсивной компетентности (о которой говорит Хабермас). Основными задачами власти на данный момент, по ее же собственным декларациям, является изобретение новых способов контроля над пространством интернета, устранение принципа анонимности, блокировка неблагонадежных, с точки зрения власти, сайтов, принятие разного рода запретительных законодательных актов, ограничивающих доступ в интернет. Медиаиндустрия, ориентированная на коммерческую рентабельность, добываемую любым возможным способом, в гораздо большей степени заинтересована в развитии доходного рекламного рынка, чем повышении коммуникативной опытности и потребительской искушенности «клиентуры». Таким образом, «прогрессирующая иррациональность» медиапродукции на фоне «интеллектуальной пассивности и эмоционального инфантилизма» населения является тем фактом современной реальности, с которым сталкиваются энтузиасты массового просвещения [12].

Не является ли тогда сама идея развития рационально-критической медиакультуры фантомом, умозрительной иллюзией, недостижимой в существующем социокультурном контексте? Возможно ли широкое распространение рационально-дискурсивной культуры в социальной среде, где до сих пор сильны тенденции, противодействующие повышению уровня критического сознания участников сетевого общения? Есть ли в этих условиях шансы на успех у образовательных проектов развития критического мышления?

Возможности массового просвещения. Оптимисты образовательного поприща все-таки полагают, что резкий разворот в сторону «агрессивного невежества», наблюдаемый в начале XXI века в мире, все же является временным и преходящим явлением. Несмотря на реванш негативистских анти-просветительских тенденций, форсируемых, прежде всего, политическими элитами, настоящей объективной потребностью общества становится воспитание критически мыслящего гражданина. Критическое мышление объективно оказывается единственно возможным способом вписаться в современные технологически обусловленные реалии.

Вопрос о том, каковы пути и способы выработки «адекватных структур знаний», волнуют ученых всего мира. Именно так сформулировала этот вопрос Д. Халперн в книге «Психология критического мышления», где приводятся убедительные доказательства, подтверждающие, что массовое сознание вполне способно переходить с низших уровней мышления к более высшим, на которых развивается способность к критическому мышлению [13].

Однако в связи с этим возникает ряд дискуссионных вопросов более глубокого уровня. Что понимается под термином «критическое мышление»? В чем состоят умения, установки и диспозиции, характеризующие критическое мышление?

В опубликованном «отчете об экспертном консенсусе для целей образовательного анализа, оценки и обучения» под «критическим мышлением» понимается «целенаправленное, саморегулирующееся (рас)суждение», имеющее своим результатом оценку и анализ фактов и их интерпретаций, и способность к «объяснению фактологических, концептуальных, методологических, критериологических или контекстуальных соображений, на которых это (рас)суждение основано». Эксперты настаивают на том, что критическое мышление, «как и любое другое умение, заключается в способности участвовать в какой-то деятельности, процессе или процедуре». Обладание умением критического мышления, – по заключению экспертов, – **как правило**, включает способность **делать правильную вещь в правильное время**. Быть хорошо

подготовленным в сфере КМ (критического мышления), таким образом, означает знание, возможно, в неявной форме или без умения четко формулировать это знание, **набора процедур и того, когда их следует применять**. Обладание умениями также подразумевает наличие некоторой степени обученности осуществлению этих процедур и готовности применять их, когда это уместно [10].

Тут логически возникает следующий вопрос, что означает «правильное» умение?

Включает ли термин «критическое мышление» лишь «когнитивные умения» или также и «аффективные диспозиции»? В ответах на этот вопрос у специалистов нет единодушия. Не всегда они сходятся во мнениях, когда обсуждают диспозиционные компоненты «критического мышления».

Применяя критическое мышление к отчету экспертов по вопросам «критического мышления», нельзя не заметить, что сторонники чисто рационалистического наполнения термина очевидно обедняют его возможности, пытаясь определить не только его содержание, но и твердые рамки его действия и применения. Обозначив необходимость выработки «правил», «процедур», «алгоритмов действия» для критического мышления, более того, определяя «правильное» место и время его применения, эксперты теряют из виду риски выхолащивания той содержательной функции, которую этот термин призван определить. Возвращая «критическое мышление» на уровень жесткой установки сознания, создавая нечто вроде «морального кодекса» применения КМ, эксперты начисто лишают КМ того эвристического потенциала, который был заложен в концепцию изначально. Критическое мышление, в таком понимании, становится не более чем модифицированной «интерпретативной схемой», присущей идеологическому сознанию, оставляющему за своими границами все, что не вписывается в концепцию, то есть живые проявления жизни.

Увлеченность разработкой «правильных» моделей «критического» поведения, прописыванием ситуаций применения, входит в очевидное противоречие с другими определениями КМ, в частности, с тем, как его понимает, Д. Халперн. Соглашаясь в принципе с тем, что основным диспозиционным компонентом КМ является рациональная направленность мышления, Халперн уделяет особое внимание тому, что КМ это творческий процесс.

«Критическое мышление, по определению Халперн, это использование когнитивных техник или стратегий, которые увеличивают вероятность получения желаемого конечного результата. Это «направленное мышление» – такой тип мышления, к которому прибегают при решении задач, формулировании выводов, вероятностной оценке и принятии решений. Оно включает в себя и оценку самого мыслительного процесса – хода рассуждений, которые привели к тем или иным выводам. Но «направленность» мышления предполагает не регламентацию мыслительного поведения, а наоборот, освобождение его от каких-либо жестких рамок, привлечение возможностей тонкой интуиции, точного чувствования ситуаций, помогающих наиболее адекватному восприятию и ориентации.

В образовательном процессе такой подход приводит не к вталкиванию мышления в узкий коридор разрешенных ситуаций применения, а к развитию у учащихся широты и гибкости взглядов, открытости ко всему новому, внимания к альтернативам и их продуманному оцениванию. Обучение умениям критического мышления включает в себя мотивирование учащихся не только к достижению более высоких уровней знания, но и независимости суждения. Оно должно поощрять уверенность учащихся в их собственных способностях логического размышления вместо зависимости от механического заучивания и применения готовых шаблонов. Именно при таком подходе критическое мышление

может стать «противоядием против того самого контроля над мыслями, который так беспокоил Оруэлла» – заключает Халперн. [13]. Обучение навыкам критического мышления «может помочь каждому распознать пропаганду и тем самым не стать ее жертвой, проанализировать ложные основания в аргументации, увидеть явный обман, определить надежность того или иного источника информации и обдумать правильным образом каждую задачу или принимаемое решение». При таком подходе обучение критическому мышлению может привести к полезным прорывам в понимании, инсайтам, озарениям и выходу на новый уровень знания, как основы рационального и демократического общества. В процессе развивающего обучения необходимо, в первую очередь, «учить мыслить», в том числе «мыслить о смысле», «мыслить о своем мышлении». Это созвучие неслучайно, – говорит Халперн. Умение саморефлексии это потребность времени, и на первый план «психологии развития» выдвигается проблема не «чему учить», а «как учить». _

Развитие критического мышления в широких слоях общества действительно становится настоящей потребностью времени, и особенно в условиях временной активизации мировых тенденций антиинтеллектуализма – выдачи малообразованности за достоинство, бравоирования невежеством, провозглашения приоритета силы над разумом. Выход технологических средств коммуникации на качественно новый уровень создает объективные возможности для раскрытия когнитивного и творческого потенциала массового сознания, повышения кругозора, развития коммуникативных навыков и рефлексивных умений. Именно в процессе широкого коммуникативного взаимодействия происходит повышение дискурсивной компетентности общества и, таким образом, запускается процесс взаимопогашения манипулятивных установок, создаются объективные предпосылки для формирования такого социально-нормативного контекста, в пределах которого выработка манипулятивных проекций становится невозможной.

Список литературы

1. Адамьянц Т.З. Качественные индикаторы процессов самоорганизации и самоопределения в среде современных подростков. // Общественные науки и современность. 2013, № 3. С.163-176.
2. Адамьянц Т. З. Социальные смыслы глобальных процессов и перемен: механизмы и катализаторы [монография] [Электронный ресурс] – М.: Институт социологии РАН, 2017. 69 с. // Официальный портал ИС РАН [веб-сайт]. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=5020>. С.20). [Дата обращения 09.02.2018].
3. Барт Р. Миф сегодня. Избранные работы / Пер. с фр. М: Прогресс, 1994. С. 72-130.
4. Грушин Б. А. 1987. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат. 368 с.
5. Воронкова О.А. Коммуникативная среда социализации молодежи и социальные задачи образовательных институтов. // Категория "социального" в современной педагогике и психологии. Материалы 5-й всероссийской научно-практической конференции (заочной) с международным участием. – Ульяновск: Зебра., 2017. С. 249-256.
6. ВЦИОМ: Пользование Интернетом. - URL: https://wciom.ru/news/ratings/polzovanie_internetom/ [Дата обращения: 09.02.2018].
7. Гудков Л. Структура и функции российского антиамериканизма: Фаза мобилизации 2012–2015 года // Вестник общественного мнения. М., 2015. № 3–4 (121), июль – декабрь. С. 15–44.

8. Инглхарт Р. Выступление в Междисциплинарном лектории «Контекст» на тему «Модернизация – ценности – счастье: Россия и мир», 6 декабря 2012. - URL: <http://www.contextfound.org/events/n79> [Дата обращения: 09.02.2018].
9. Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. - URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/kastel/01.php [Дата обращения 09.02.2018].
10. Критическое мышление: отчёт об экспертном консенсусе для целей образовательного анализа, оценки и обучения (Дельфи-доклад). - URL: <http://evolkov.net/critic.think/basics/delphi.report.html> [Дата обращения 09.02.2018].
11. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Изд. «Макет», 1995. 311 с.
12. Федоров А.В. Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. М.: Изд-во МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех». 2007. 616 с.
13. Халперн Д. Психология критического мышления. 4-е междунар изд. СПб.: Питер, 2000. 512 с. - URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%A5/halpern-dajana/psihologiya-kriticheskogo-mishleniya> [Дата обращения 19.02.2018].
14. Хевеши М. Толпа, массы, политика : Ист. филос. очерк. М.: ИФ РАН, 2001. 223 с.
15. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
16. Яндекс-исследования: весна 2016. [Электронный ресурс]. - URL: https://yandex.ru/company/researches/2016/ya_internet_regions_2016. [Дата обращения 07.02.2018].
17. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. Cambridge: Polity Press. 1984. 402 p.
18. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Vol.1: Reason and the Rationalisation of Society. Polity Press. 1991. 465 p.

2.2. Социально-психологические механизмы формирования электорального поведения избирателей как социального феномена

Определенные сложности, возникающие при изучении факторов, детерминирующих голосование избирателей на выборах, в основе своей содержащих модели электорального поведения, заставляют исследователей искать другую теоретическую основу для проведения необходимого социально-психологического анализа. Исходя из этого, рассмотрим некоторые социально-психологические закономерности голосования как поведенческого акта личности в общественно-политической среде.

Влияние поведения конкретного избирателя на результаты выборов заключено в реализации двух относительно независимых политических решений – решения об участии в выборах и решения о голосовании за конкретного кандидата. Несмотря на то, что иногда эти решения могут быть тесно связаны (например, когда традиционно пассивный избиратель решает участвовать в выборах для того, чтобы поддержать важного для него лично кандидата), они все же представляют собой именно два решения, но никак не одно. Следовательно, в данном аспекте представляет особый интерес порядок принятия этих решений избирателем. В одном случае человек может твердо поддерживать определенную политическую силу или кандидата, но еще не иметь готового решения об участии или неучастии в выборах. В другой ситуации избиратель может быть твердо намерен проголосовать, но испытывать определенные личностные сомнения по поводу содержания

своего выбора. Так, Е.П. Ильин считает, что «следует различать мотивацию участия в голосовании и мотивацию выбора конкретного кандидата» [4, с. 230]. Это положение еще раз подтверждает независимость решений избирателя об участии в голосовании и о выборе конкретного кандидата (или партии).

В последнее время приобретает все большее признание научного сообщества перечень источников мотивации электорального поведения, выделенный Е.Б. Лабковской [10], согласно которому к внутренним мотиваторам относятся политическая активность избирателя, политическая вера, чувство гражданского долга и политическая идентификация; к внешним – политическая реклама, деятельность «производителей социального давления», эффект присоединения к большинству и нормативное регулирование выборов. Анализируя данный перечень, Е.П. Ильин, в свою очередь, относит к источникам мотивации к участию в голосовании политическую активность, чувство гражданского долга, политическую рекламу, эффект присоединения к большинству, а к мотиваторам выбора кандидата – политическую идентификацию, политическую веру, деятельность «производителей социального давления» [4, с. 230].

С приведенным разделением источников мотивации сложно согласиться, поскольку такие факторы, как политическая реклама, эффект присоединения к большинству, деятельность «производителей социального давления» и политическая вера, могут входить в обе группы мотиваторов в зависимости от их конкретного наполнения.

1. Политическая реклама зачастую как раз и направлена на повышение рейтинга конкретного кандидата или конкретной партии, а не на увеличение явки.

2. Эффект присоединения к большинству вполне может проявляться в виде голосования за кандидата, популярного у этого большинства или другой референтной группы.

3. В роли деятельности «производителей социального давления» на каждом выборах все сильнее выступает пропаганда избирательной комиссии, призванная повысить явку.

4. В понятие политической веры Е.Б. Лабковская [10, с. 104] включает не только доверие к кандидатам, но и веру в значимость собственного голоса, а также (что немаловажно) в устойчивость и дееспособность выбираемого кандидата или партии. Такое понимание политической веры, как мы полагаем, показывает, что данный фактор прямо влияет на уровень участия избирателей.

Перечисленные соображения заставляют нас не согласиться с мнением Е.П. Ильина по поводу именно такого деления источников мотивации на детерминирующие электоральную активность и определяющие содержание политического выбора.

Несмотря на различные перипетии отделения мотиваторов участия в голосовании от мотиваторов выбора конкретного кандидата можно сделать заключение о том, что такая классификация вполне возможна, а это значит, что решение избирателя об участии в выборах и решение о выборе кандидата являются относительно независимыми. Это делает необходимым как совместное, так и раздельное изучение процессов формирования данных электоральных решений.

В контексте обозначенной цели исследования больший интерес представляет, несомненно, процесс принятия избирателем решения о выборе конкретного кандидата. Во-первых, именно данный фактор наиболее непосредственно определяет победу или поражение на выборах. Во-вторых, в рамках предвыборной кампании повышение явки избирателей силами одного кандидата является достаточно сложной задачей. В-третьих, с

точки зрения практики, влияние на явку электората не всегда целесообразно, поскольку в общем случае понятие активности избирателей слабо связано с целью избирательной кампании.

Тем не менее, политическая активность населения является важной характеристикой любого гражданского общества. В связи с этим, в настоящее время в работах многих авторов вопросам повышения активности избирателей уделяется достаточно пристальное внимание (см. например [1; 8; 14; 20; 21; 24]). Однако более важным с нашей точки зрения представляется механизм формирования у избирателя решения о выборе конкретного кандидата, который рассмотрим подробнее.

В психологическом аспекте осуществление отдельной личностью электорального выбора представляет собой глубокий, многофакторный и сложно структурированный процесс. В качестве точки первичного отсчета для проведения анализа процесса электорального поведения индивида изначально примем непосредственную ситуацию голосования, то есть акт реализации принятого индивидом электорального решения. Предметная сторона этого акта выражается в проставлении «галочки» в избирательном бюллетене, то есть в самом голосовательном действии индивида. Этот процесс проставления «галочки» является относительно психологически простым актом, который, с одной стороны, непосредственно детерминирует результаты выборов, с другой стороны, содержит в своей основе принятое избирателем электоральное решение. Психологическая сущность воздействия электорального решения на результат политического поведения выражается в формировании у личности определенной установки (или диспозиции) на весьма конкретное голосование.

Так, Г. Олпорт в своей работе [27, с. 189-190] отмечает следующее: «... для понимания социального поведения личности мы должны не только рассматривать стимул и ответ, но также и процессы приготовления к ответу, имеющие место в нервно-мускульной системе.... Установки детерминируют определенный модус поведения, благодаря им одни типы действия совершаются, а другие сдерживаются.... Установка или готовность заранее к ответу, составляет важный фактор, детерминирующий социальное поведение». Данное положение характеризует роль установки в формировании социального поведения личности, которым является, в том числе, и электоральное, голосовательное поведение. Понятие установки как «готовности заранее к ответу» определяет наличие установленного, фиксированного содержания политического выбора личности, которое материализуется в конкретное поведение при возникновении соответствующей ситуации, то есть ситуации голосования.

Основатель грузинской психологической школы установки Д.Н. Узнадзе определяет установку как состояние субъекта, которое предшествует поведению и «в котором, как в отражении объективной действительности, заранее определен общий характер этого поведения, его соответствие объективным обстоятельствам» [22, с. 73]. В таком определении установки также прослеживается как компонент содержания поведения (электоральное решение), то есть готовности действовать определенным образом, так и компонент «объективных обстоятельств» (ситуация голосования), при проявлении которых установка материализуется в соответствующий поведенческий акт (непосредственно процесс голосования).

При этом следует отметить, что понятие установки корреспондирует с термином «диспозиция», который, по определению В.А. Ядова, «... используется преимущественно для обозначения осознанных готовностей личности к оценкам ситуации и поведению,

обусловленных ее предшествующим опытом» [см. 7; 17]. Однако, как отмечает К.С. Холл и Г. Линдсей, «... установка привязана к определенному объекту или классу объектов; черта и диспозиция – нет. Таким образом, обобщённость черты всегда выше, чем установки. ... Во-вторых, установка всегда предполагает оценку (принятие или отвержение) объекта, тогда как черта – нет» (цит. по [25]).

Таким образом, понятие установки (диспозиции) выступает тем психологическим конструктом, который, с одной стороны, раскрывает механизм воплощения электорального решения избирателя в голосовательный акт, а, с другой стороны, позволяет анализировать процессы формирования данного решения в психологическом аспекте на основе существующих теорий установки. Далее для понимания механизма принятия избирателем решения о голосовании за определенного кандидата обратимся к описанию компонентов формирования установки.

Изначально в теории Д.Н. Узнадзе в качестве образующих установку факторов выделяются два ключевых понятия: потребность и ситуация (см., напр., [15]). Эти формирующие факторы изначально указывают на существование двусторонней детерминированности установки: фактор потребности имеет внутренний характер, фактор ситуации исходит из окружающей среды. Взаимодействие личности со средой порождает установку, которая определяет её поведение. Факторы потребности и ситуации были выделены Д.Н. Узнадзе как возбуждающие установку в общепсихологическом ее понимании. Однако, для изучения социального поведения (каковым и является голосование на выборах) как более сложного феномена данная конструкция требовала дальнейшего развития. Это развитие теория установки получила в работах последователей Д.Н. Узнадзе. Так, Ш.А. Надирашвили к факторам, возбуждающим установку, относит следующие [11, с. 12].

1. *Фактор потребности.* При сравнительно детальном разборе в данном факторе можно различать: а) узко понимаемую потребность; б) потребность в предметах и явлениях; в) желания, имеющиеся у человека; г) цели, к которым стремится человек.

2. *Психологический автопортрет.* Под ним понимается мнение человека о самом себе, дающее ему стимул к одним действиям и удерживающим от других, не соответствующих, по его мнению, его личности.

3. *Предметная действительность.* В этом факторе поведения подразумеваются следующие феномены: а) материальные предметьявления, которые актуально «здесь и сейчас» воздействуют на индивида; б) абстрактные и общие объекты, переживаемые в виде реально, независимо существующих от него данных; в) этнические и моральные ценности, дающие социально ориентированной личности в виде объективно существующих явлений.

4. *Социальные требования,* которые предъявляются человеку: а) общей социально-культурной средой; б) отдельными социальными группами; в) малой образцовой группой, в которой живет личность.

В такой трактовке источника возникновения установки всё также отчетливо прослеживается деление факторов на две группы: внутреннюю (сама личность) и внешнюю (окружающая среда), которые представлены на рисунке 1. Тем не менее, схема Ш.А. Надирашвили не учитывает как минимум один важнейший фактор – **психические особенности индивида**, являющиеся результатом его прошлого взаимодействия с окружающей средой: накопленные знания и жизненный опыт. Кроме того, сюда же можно отнести и уже сложившуюся ранее систему социальных установок личности. Поскольку социальные установки индивида не возникают одновременно, а проявляются и

трансформируются в течение всей жизни, то актуальная в определенный момент система установок всегда служит базой для собственного дальнейшего развития. Так, внешние факторы предметной действительности и социальных требований (рис. 1), выделенные Ш.А. Надирашвили, не даны человеку непосредственно в окружающей среде, а воспринимаются и осмысливаются им через призму уже существующих в данный момент знаний, опыта, установок. Помимо этого, формально внутренний фактор психологического автопортрета также формируется на основе отражения личностью знаний о себе сквозь предыдущий опыт и установки восприятия своего «Я».

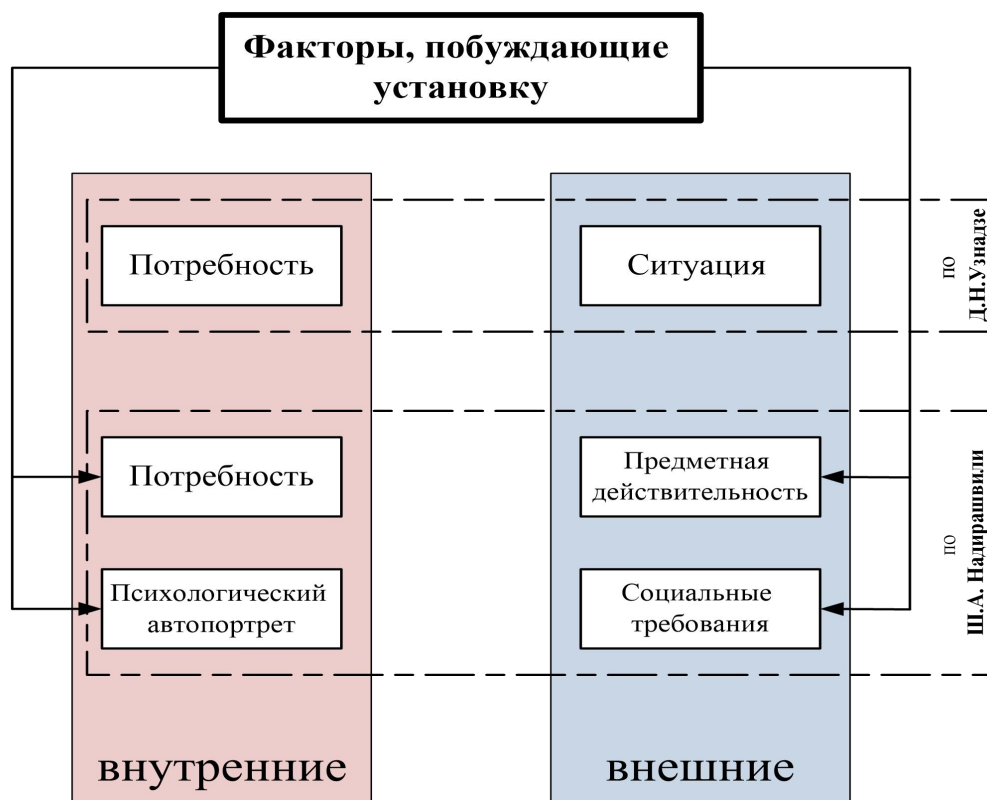

Рисунок 1 - Схема классификации факторов, побуждающих установку

Другие исследователи, например, Г. Олпорт, определяет социальную установку как «состояние психонервной готовности, сложившееся на основе опыта...» (цит. по [26, с.87]). Схема человеческой активности, предложенная Э. Гринвальдом, содержит четыре блока: блок поведения, блок установки, блок теоретических промежуточных процессов и блок прошлого опыта [18, с. 380]. С. Аш отмечает, что «... установка есть организация опыта и знаний...» (цит по [16, с. 17]). Согласно Д.М. Булышко, «социальная установка – фиксированная в социальном опыте личности (группы) предрасположенность воспринимать и оценивать социально значимые объекты...» [12, с. 654]. Даже один из главных постулатов бихевиоризма состоит в том, что «... знание, будучи усвоенным, входит в структуру опыта и оказывает впоследствии регулирующее влияние на само поведение» [18, с. 374]. Перечисленные положения прямо подчеркивают важность понятия приобретенного личностью опыта в контексте изучения процессов формирования электорального поведения как социального феномена.

Опыт – «совокупность знаний и умений, приобретенных на основе и в процессе непосредственного практического взаимодействия индивида с внешним миром» [19, с. 78]. Такое определение опыта показывает его прямую зависимость от результатов активности

личности в окружающей среде. При этом любое взаимодействие состоит из двух компонентов: внешней активности (направлена в окружающую среду) и познания мира (направлено внутрь субъекта). Как внешняя активность, так и познание реальности регулируются текущими установками личности (соответственно, поведенческими установками и установками восприятия). Установки же, в свою очередь, опять формируются с учетом прошлого опыта. Такая непрерывная «закольцованная» схема взаимного влияния потребностей, опыта, установок и среды помогает объяснить глубинные процессы формирования электорального выбора как сложного поведенческого решения личности в социально-политическом окружении (см. рис. 2).

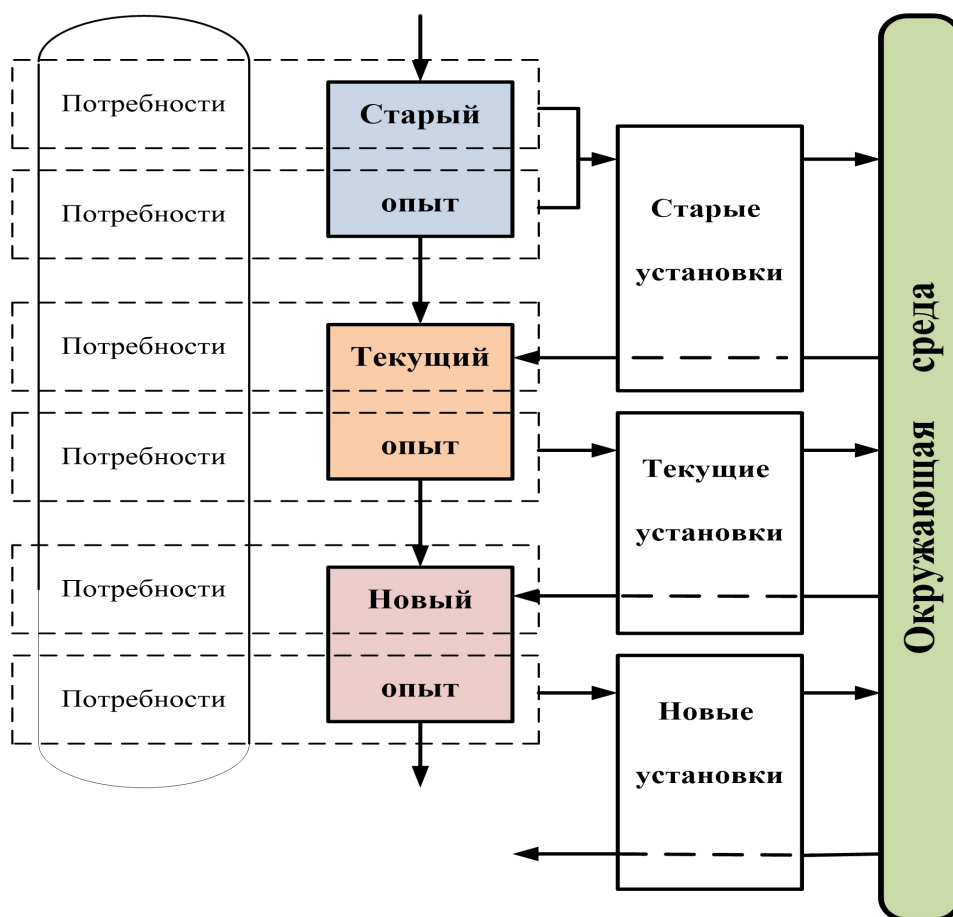

Рисунок 2 - Структурная схема генезиса компонентов формирования социального поведения

Таким образом, в непрерывном процессе восприятия и переработки личностью окружающей реальности сквозь призму уже существующих установок восприятия постоянно формируется новый опыт, который, перманентно соединяясь с потребностной сферой, постепенно трансформирует старые и образует новые установки индивида. Несмотря на то, что данный процесс является практически непрерывным, он может быть дифференцирован на различные этапы в соответствии с преобладанием той или иной направленности опыта и установок. В связи с этим попытаемся проанализировать развитие процессов формирования электорального решения избирателя, как социальной поведенческой установки, исходя из этапов формирования установок индивида, начиная с рождения и заканчивая конкретной ситуацией принятия решения на избирательном участке (рис. 3).

ЭТАПЫ ДЕТЕРМИНАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

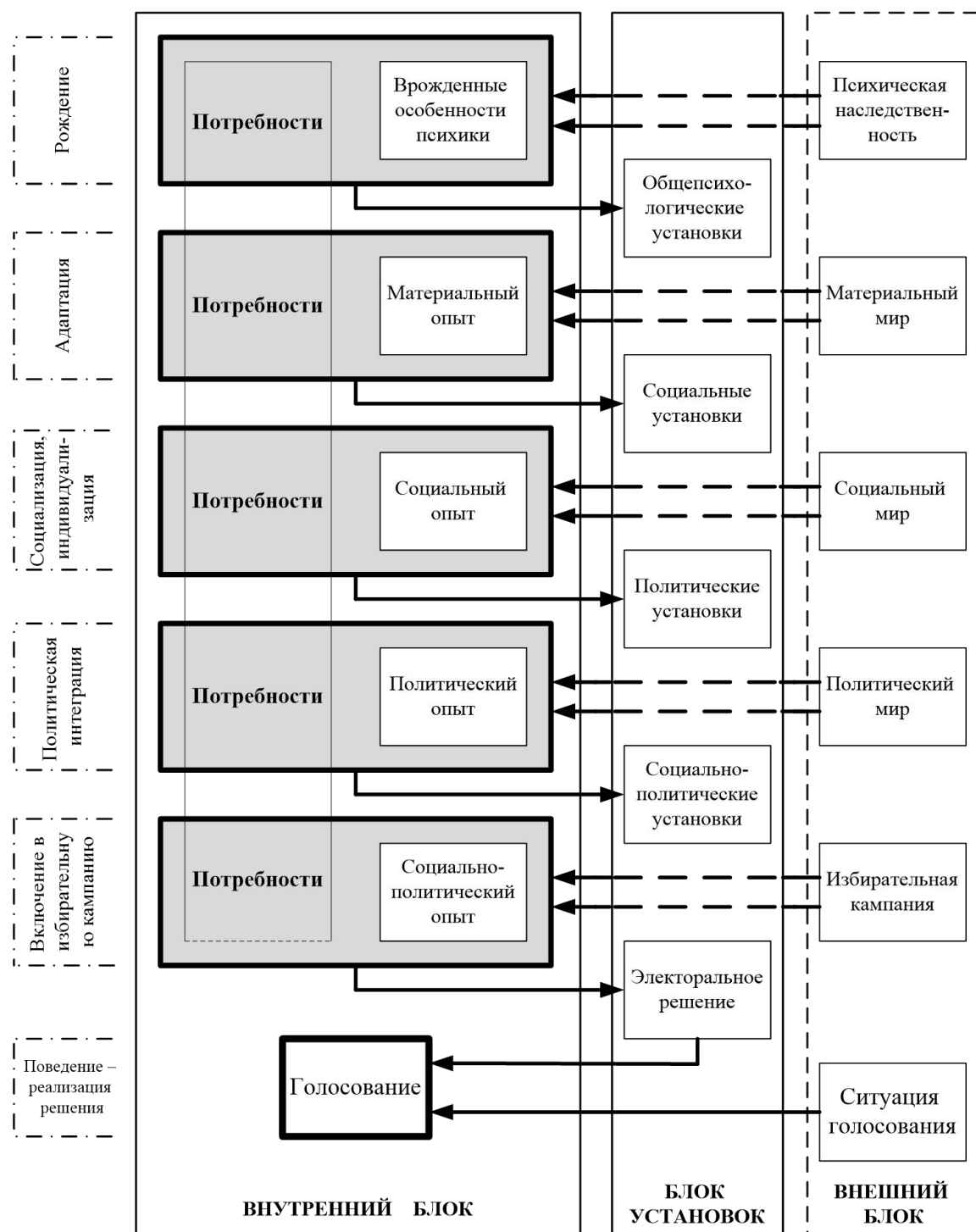

Рисунок 3 - Структура этапов детерминации электорального поведения

В момент своего рождения психика ребенка уже имеет определенные изначальные свойства, которые обусловлены наследственными факторами и оказывают большое влияние на всю его будущую активность в окружающем мире. К таким свойствам, помимо общих характеристик человеческой психики, можно отнести, например, архетипы и коллективное бессознательное К. Юнга (как «способ организации психики посредством форм, переходящих из поколения в поколение» [13, с. 67]), а также особенности темперамента. В будущем и архетипы, и темпераментальные особенности будут играть

важную роль в формировании социального поведения избирателя, в том числе электорального.

На основе врожденных свойств психики и потребностей индивида (главным образом витальных) запускается процесс познания окружающего материального мира, биологической и физиологической адаптации. Первым результатом данного процесса является появление комплекса общепсихологических установок (см., например, [23]), который впоследствии все сильнее развивается и усложняется по мере накопления у субъекта опыта взаимодействия с материальным миром.

«Вместе с передачей определенных сведений путем создания системы отношений к объектам знаний происходит формирование личности ребенка» [11, с. 7-8]. При этом на определенном этапе познания объективной реальности на основе развивающейся системы общепсихологических установок ребенок все чаще начинает воспринимать себя и окружающих людей в качестве совершенно особых элементов реальности, которым присуща форма активности, принципиально отличающаяся от форм активности нечеловеческого мира. Так возникают первые представления сначала о конкретных людях (родителях, близких), затем о человеке вообще и, наконец, о социуме. Данные представления постепенно порождают все возрастающую и усложняющуюся массу межличностных и социальных установок. В процессе воспитания, индивидуализации и первичной социализации у индивида формируются общие понятия и установки о «хорошем» и «плохом», необходимости и неприемлемости, предписания и запретах, которые развиваются в более сложные установочные категории добра и зла, материального и духовного, возвышенного и низменного, справедливости и равенства, просоциального и антисоциального поведения. При получении образования и прохождении следующих онтогенетических ступеней социализации личности (в том числе ступени политической социализации) всё сильнее актуализируются социальные потребности индивида, а также формируются представления и установки о политических принципах существования общества, социальной справедливости, роли государства и его различных институтов в жизни человека, политическом устройстве города, страны и всего мира. Отметим, что на политическую социализацию особое влияние оказывают внутриличностные факторы, например, уровень адаптивности индивида [6].

В течение последующего информационно-эмоционального включения личности в текущие социально-политические процессы, воспринимаемые через призму политических установок, происходит политическая интеграция личности, которая заключается в построении внутренней системы координат, определяющей механизмы эмоционально-рациональной интерпретации воспринимаемых социально-политических событий и явлений. Политическая интеграция выражается в формировании комплекса социально-политических установок, которые позволяют индивиду воспринимать, оценивать и улавливать взаимосвязь и взаимовлияние политической и общественной сфер в их конкретном проявлении через актуальные события и процессы. На данном этапе, согласно С. Московичи, «... происходит то, что мы постепенно научаемся понимать действия или ситуации определенным способом внутри нашей культуры» (цит. по [29, с. 84-85]). В этот период избиратель усваивает информацию о современном политическом контексте: организациях, событиях, персоналиях, политических темах, идеях и проблемах.

На этапе конкретной избирательной кампании индивид воспринимает, оценивает и накапливает предвыборную информацию сквозь сформировавшийся комплекс социально-политических установок (в том числе контекстуального опыта) и постепенно

формирует более или менее устойчивое электоральное решение, данное в виде поведенческой установки на голосование за определенного кандидата или партию.

В ситуации голосования на избирательном участке активизируется сформированная поведенческая установка на голосование и индивидом исполняется соответствующий голосовательный акт, материально представленный в виде проставления галочки в бюллетене.

Однако, отметим, что формирование электорального решения как поведенческой установки не является необратимым процессом. В различные моменты предвыборной кампании избиратель может сомневаться и даже изменить свое решение под воздействием какой-либо важной социально-политической информации. Такое изменение решения о голосовании переживается субъектом, прежде всего, как смена установки. «Для того чтобы найти адекватный подход к проблеме изменения социальных установок, необходимо очень четко представить себе специфическое социально-психологическое содержание этого понятия, которое заключается в том, что данный феномен обусловлен «как фактором его функционирования в социальной системе, так и свойством регуляции поведения человека как существа, способного к активной, сознательной, преобразующей производственной деятельности, включенного в сложное переплетение связей с другими людьми» [9, с. 282]» [2, с. 298].

Согласно перцептуального подхода С. Аша (см., напр. [28]) в случае изменения социальной установки «происходит не столько изменение мнения личности о данном объекте, сколько изменение восприятия того объекта, о котором высказывается мнение. Например, если мы сообщим кому-нибудь, кто очень плохо отзывается о «политиках», что большинство его сверстников оценивает эту профессию очень высоко, то в следующий раз он будет, вероятно, выражать более благосклонное мнение о политиках. Но, согласно перцептуальной теории, он не меняет свое мнение об индивидах, к которым испытывал негативное чувство, а реинтерпретирует то, что подразумевается под понятием «политики», например, интерпретировать «политиков» скорее как государственных деятелей, чем публичных ораторов, при этом не меняя своего мнения ни о государственных деятелях, ни о публичных ораторах» [5, с. 145-146].

Попробуем в продолжение данной проблемы кратко рассмотреть, как представляются модели электорального поведения, в свете приведенного механизма детерминации голосовательного решения избирателя. Принадлежность к большим социальным группам, лежащая в основе социологической модели, формально определена уже в момент рождения индивида, однако впоследствии она актуализируется на различных ступенях социализации личности избирателя и может меняться при глобальных переменах в его жизни. Политическая или партийная принадлежность человека (социально-политическая модель) формируется на этапе политической интеграции с учетом накопленных ранее социальных установок и социального опыта гражданина. Идентификация с кандидатом и его окружением (модель идентификации из [3, с. 41-42]) происходит, с одной стороны, на основе представлений избирателя о самом себе, которые формируются в течение всей жизни, с другой стороны, на основе представлений о кандидате (партии), которые возникают в период избирательной кампании (или в процессе политической интеграции, если кандидат является достаточно известной и важной фигурой на политической арене).

Рационалистические модели предполагают наличие двух компонентов: знаний о тех или иных особенностях кандидатов (партий) и текущей ситуации, а также умственных навыков рационального мышления и анализа. При этом последние являются

неотъемлемым врожденным свойством человеческой психики. Что касается вопроса знаний, то модель рационального выбора предполагает осведомленность избирателя об итогах правления политической силы, программная модель – о политической ситуации и предвыборных платформах кандидатов (партий), проблемная модель – о проблемах избирательного, например, округа и способностях кандидатов к решению этих проблем. При этом знания об итогах правления кандидатов или партий, политической ситуации и проблемах округа приобретаются в процессе политической интеграции избирателя, а знания о предвыборных программах и о способностях кандидатов к решению проблем – аналогично другим представлениям о кандидатах и партиях (период избирательной кампании, реже – политическая интеграция).

Модель идеального кандидата предполагает наличие у избирателя четких представлений о наиболее привлекательном наборе характеристик кандидата или партии. Думается, данные представления могут конструироваться на протяжении всей жизни избирателя, первоначально исходя из генетически заложенных архетипов и коллективного бессознательного и затем модифицируясь и усложняясь по мере накопления индивидом установок и опыта. Формирование факторов электорального поведения в имиджевой модели, модели доминирующего стереотипа и клиентелистической модели аналогично модели идеального кандидата – восприятие характеристик кандидатов происходит в течение предвыборной кампании, установки такого восприятия формируются в течение всей жизни избирателя.

Возвращаясь к теме предвыборных кампаний, рассмотрим особенности формирования голосовательного решения избирателя на выборах в ракурсе имеющейся общей схемы (рис. 3) и с учетом социально-психологических особенностей предвыборного процесса. Во-первых, отметим, что на этапе включения индивида в избирательную кампанию повышается значение той группы социально-политических установок, которые касаются элементов политики местного уровня: социально-политических проблем округа, органов муниципальной и региональной власти, лидеров общественного мнения, территориальных общественных организаций. Роль же социально-политических установок по аналогичным вопросам федерального значения снижается из-за сравнительно редкого возникновения ситуаций, в которых могли бы актуализироваться данные установки. Но поскольку развитие комплекса социально-политических установок по вопросам национальной политики у большинства избирателей находится на качественно более высоком уровне, чем установок местного значения, то повышение активности этих местных установок не способно полностью покрыть снижение активности диспозиций по вопросам федеральной политики. В результате на месте комплекса установок, необходимого для восприятия политических событий, образуется психологический вакуум, мешающий усвоению предвыборной информации. Этот вакуум, что вполне закономерно, осознанно переживается индивидом как неинформированность и некомпетентность в вопросах политики, либо местной, либо федеральной. Данные переживания выступают одним из звеньев круговой цепи причин падения интереса у электората к выборам и формирования выборов со слабым содержанием. Стремясь ликвидировать этот негативно переживаемый диспозиционный вакуум, избиратель частично заполняет его либо установкой на политический абсентеизм, отторжение предвыборной информации, либо группой общесоциальных установок. Последнее отчасти объясняет повышение значимости для избирателей личных качеств кандидата в ущерб его политической принадлежности и предлагаемой им предвыборной платформе.

Во-вторых, рассмотренная недостаточность комплекса установок восприятия предвыборной информации порождает массу вопросов по поводу мотивации электорального выбора индивида. С одной стороны, избиратель, несмотря на недостаточную осведомленность о характеристиках кандидатов, принимает решение участвовать в голосовании, например, из-за влияния чувства гражданского долга [10], потребности в аффилиации с политически активной референтной группой, внешней стимуляции (в том числе материальной) со стороны избирательной комиссии, городских (областных, краевых) властей и других производителей социального давления. Однако, описанная ущербность комплекса социально-политических установок не дает большинству электората продуктивно воспринимать, оценивать и накапливать агитационную информацию, формировать предвыборный социально-политический опыт, необходимый для принятия решения о голосовании за конкретного кандидата. В этом случае возникает определенное логическое противоречие: избиратель принял решение проголосовать, но не может определиться с выбором кандидата. Решение об участии в голосовании, как и любая другая установка, актуализируется при возникновении соответствующей ситуации, в данном случае – при наступлении дня выборов. Но, в этот момент в непосредственно данном и доступном для избирателя окружении, как правило, уже не находится достаточного количества информации для принятия решения о выборе кандидата (а, агитация запрещается за сутки до выборов). Активный поиск источников такой информации предполагает определенные временные и моральные затраты, которые избиратель вряд ли готов понести ввиду своей общей пассивности. Обращение за информацией к близкому окружению также редко дает необходимые результаты, поскольку большая часть этого окружения находится в аналогичной ситуации. Тем не менее, установка на совершение голосовательного действия актуализировалась и требует своей разрядки.

Суть описанной ситуации порождает дополнительные ограничения, которые должны быть учтены при поиске ответа на вопрос о том, на каких основаниях избиратели делают свой выбор в пользу того или иного кандидата, какие источники мотивации и в какой степени влияют на этот выбор.

В заключение отметим, что схема, представленная рисунке 3, содержит излишне обобщенный, абстрактный механизм детерминации электорального выбора. Она не дает практической информации, пригодной для использования в избирательных кампаниях. Однако ее можно использовать в роли определенной системы координат для ориентации в массе обозначенных различными исследователями детерминантов электорального выбора. Более того, используя эту координатную сетку, можно построить такую систему факторов голосовательного поведения, которую можно было бы использовать в качестве теоретической основы для построения эффективной избирательной стратегии на выборах.

Список литературы

1. Александрова Т.А. Повышение активности избирателей средствами социально-психологических методов и технологий: Дис. ... канд. психол. наук. М.: РАГС при Президенте РФ, 2002. 190 с.
2. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 1999. 298 с.
3. Бианки В.А., Серавин А.И. Практика и психология регионального партстроительства. СПб.: Изд-во «Копи-Парк», 2006. 148 с.
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Изд-во «Питер», 2006. 512 с.

5. История понятия «установка» в США: проблемы и дискуссии [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ethnopsyhology.narod.ru/study/ustanovka/history.htm>.
6. Карманов А.А. Связь аспектов политической социализации и психической адаптивности молодежи [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://shulenina.narod.ru/Polit/Articles/Part1/05.html>.
7. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 96 с.
8. Королько В.Г. Активация явки избирателей на выборах [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.33333.ru/public/yavka.php>.
9. Кытманова Н.М. Местное самоуправление как институт власти: социально-политический аспект: Дис. ... канд. полит. наук. Ставрополь, 2004. 184 с.
10. Лабковская Е.Б. Психологические детерминанты поведения избирателей в ситуации политических выборов: Дис. ...канд. психол. наук. СПб., 1996. 197 с.
11. Надирашвили Ш.А. Психология пропаганды: Учеб.пособие / Е.Г. Морозова. М.: РЦОИТ, 2002. 232 с.
12. Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск, 1998. 896 с.
13. Общая психология: Словарь / Под ред. А.В. Петровского // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006. 251 с.
14. Панарин, И.Н. Активность российских избирателей [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.panarin.com/doc/16>.
15. Понятие «установка» в трактовке Д. Узнадзе [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://ethnopsyhology.narod.ru/atudy/ustanovka/uznadze.htm>.
16. Рубан А.С. Временная динамика социальных установок в процессе профессиональной адаптации учителя: Дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 147 с.
17. Социальная психология. Словарь [Текст] / Под ред. М.Ю. Кондратьева // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост. Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского. М.: ПЕР СЭ, 2006. – 176 с.
18. Социальная психология: Хрестоматия: Учебное пособие для студентов вузов / Сост. Е.П. Белинская, О.А. Тихомандрицкая. М.: Изд-во «Аспект Пресс», 2003. 475 с.
19. Социологический энциклопедический словарь / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Изд-во «Инфра-М-НОРМА», 1998. 488 с.
20. Табакаев Ю.В. Выборы в республике Алтай: люди и технологии / Ю.В. Табакаев, Л.Т. Толубаева, Г.В. Вяткина, Б.К. Алушкин. Горно-Алтайск: Универ-Принт, 2002. 284 с.
21. Титова Е.В. Имидж политического лидера в России // Вестник Российской коммуникативной ассоциации, вып. 1 Теория коммуникации & прикладная коммуникация: сб. науч. тр. / Под общ. ред. И.Н. Розиной. Ростову-н/Д: ИУБиП, 2002. 200 с. С. 148-160.
22. Узнадзе Д.Н. Общая психология // Под ред. И.В. Имедадзе. М.: Изд-во «Смысл»; СПб.: Изд-во «Питер», 2004. 413 с.
23. Узнадзе Д.Н. Психология установки. СПб.: Изд-во «Питер», 2001. 416 с.
24. Филимонова Н.Н. Драматизация как педагогическое условие воспитания социально-политической активности студентов: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Ростов-н/Д, 2006. 26 с.

25. Холл К.С. Теории личности [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/holli01/txt10.htm>.
26. Шихирев П.Н. Современная социальная психология США. М.: Изд-во «Наука», 1979. 229 с.
27. Allport H. Social Attitudes and Social Consciousness // Classic Contribution to Social Psychology / Edwin P. Hollander, Raymond G. Hunt (eds.) New York: Oxford University Press; London: Toronto, 1972. P. 189-190.
28. Asch S.E. Social Psychology. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1952. 432 p.
29. Social Psychology. Across Cultures. Analysis and Perspectives // Peter B. Smith, Michael H. Bond (eds.). New York: Harvester Wheatsheaf, 1983. 217 p.

2.3. Взаимосвязь конфликтного поведения с локусом контроля персонала торговой организации

Проблеме конфликтов и конфликтного поведения в организациях уделяется в настоящее время много внимания. Данным вопросом занимались такие ученые как А.Я. Анцупов, А.И. Шипилов, Г.В. Бороздина, Л.П. Дашков, О.В. Памбухчиянц и многие другие [1;5;8;11]. Однако многие аспекты проблемы конфликтного поведения персонала торговой организации не получили должного освещения и требуют дальнейших эмпирических исследований.

Конфликты в торговых организациях оказывают существенное влияние на качество их деятельности. Иногда конфликты улучшают результаты работы и отношения благодаря решению назревшей проблемы, креативным решениям. Однако во многих случаях они несут негативные последствия и могут стать разрушительными как для самих участников, так и для организации в целом. Конфликты способствуют возникновению значительных трудностей на пути достижения стратегических и тактических целей организации. **Деструктивные межличностные** конфликты в коллективе приводят к снижению эффективности и качества деятельности, возрастанию личной неудовлетворенности **у работников**, формированию неблагоприятного психологического климата и, как следствие, к текучести кадров и другим негативным последствиям для организации.

Конфликтная ситуация часто усложняется тем, что персонал организации не всегда демонстрирует конструктивные модели поведения. Кто-то старается быть незаметным, кто-то стремится к открытому противостоянию, некоторые - к диалогу и сотрудничеству, также есть конфликтные личности, которые не представляют себе жизни без конфликтов, постоянного выяснения отношений. Эти люди постоянно втянуты в конфликтные ситуации в разных сферах жизни, в том числе и в профессиональной. Нередко такие работники, являясь конфликтными личностями, сами являются инициаторами напряженных отношений, провоцируют склоки и скандалы. Необходимость выявления факторов, влияющих на неконструктивное поведение работника в конфликте и обусловила выбор нашей темы. Мы предположили, что одним из факторов, оказывающих регулирующее влияние на конфликтное поведение работника торговой организации, является такая характеристика личности как локус контроля. Данная проблема еще не получила достаточного раскрытия в научных исследованиях конфликтного поведения, что обуславливает ее актуальность.

Существует множество определений термина «конфликт». Само слово «конфликт» происходит от латинского *conflictus* – столкновение и практически в неизменном виде входит в другие языки (*conflict* – английский, *konflikt* – немецкий, *conflit* – французский). Вопрос, что и кто именно сталкивается, решается совершенно по-разному у разных ученых и зависит, прежде всего, от общей методологической ориентации исследователя.

Наиболее общее определение понятия «конфликт» дано в психологическом словаре под редакцией В.В. Давыдова и А.В. Запорожца. Конфликт здесь понимается как «трудно разрешимое противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями» [12, с. 94].

Каждый конкретный конфликт находит свое выражение в конфликтном поведении его участников. А.Я. Анцупов и А.И. Шипилов определяют конфликтное поведение как пространственно-временную организацию активности субъекта, регуляция которой опосредована образом конфликтной ситуации. Это поведение субъекта, направленное на утверждение своих интересов и ограничение интересов другой стороны. Оно реализуется через действия, направленные против оппонирующей стороны, регулируется личностными особенностями человека, факторами конкретной ситуации социального взаимодействия, объективными либо организационно-управленческими причинами [1].

Особое место в многообразии всех конфликтов занимают конфликты в организациях. С.М. Емельянов определяет организацию как социальную группу, объединяющую «на основе общей цели людей, деятельность которых сознательно координируется и направляется в интересах достижения этой цели» [9, с. 240].

Торговые организации являются хозяйствующими субъектами, обладающими правами юридического лица, созданные с целью получения прибыли и осуществляющие деятельность за свой риск по закупке, хранению и реализации товаров. Отличительной особенностью торговых организаций является высокий объем разнообразных трудовых операций, непосредственно связанных с обслуживанием покупателей и требующих прямого контакта с ними. Эти операции (информационное обслуживание, демонстрация и показ изделий и т.п.) довольно трудно механизировать и автоматизировать, что определяет высокую долю затрат живого труда на предприятиях отрасли.

Л.П. Дашков отмечает, что деятельность работников торговли имеет свою специфику: услуга создается в момент продажи; происходит прямое взаимодействие с покупателем; доступ большинства персонала к материальным активам и ценностям предприятия; существенно ограничены возможности узкого профессионального и технологического разделения труда, что приводит к совмещению трудовых функций работниками [8].

Важно отметить, что с введением самообслуживания численность продавцов в торговых организациях резко сократилась. Однако теперь от них требуется знание более широкого круга товаров разных групп, а также психологии покупателей, умений вовремя прийти им на помощь, грамотно обслужить, дать исчерпывающую консультацию.

В настоящее время существует ряд требований к персоналу торговых организаций. Наряду с требованиями к знаниям и умениям профессионального характера большое значение придается психологическим умениям: умению быть внимательным в течение продолжительного периода времени без сильного утомления, умению распределять внимание сразу между несколькими объектами, хорошая память. Особенно большое внимание уделяется психологическим качествам. Персонал торговой организации должен проявлять уважительное поведение, уравновешенное эмоциональное состояние, иметь спокойный доброжелательный характер, быть готовым к общению с огромным

количеством людей разных типов. Он должен проявлять вежливость в любых ситуациях, ответственность, интерес к работе, стремление к сохранению порядка и чистоты на рабочем месте.

Однако даже такая современная форма торговли как самообслуживание не ликвидирует все острые углы торговли и несет в себе потенциальную возможность развития конфликтов на всех уровнях взаимоотношений: «продавец – покупатель», «продавец – продавец», «продавец – товаровед», «товаровед – директор», «продавец – директор». Рассмотрим **наиболее типичные** конфликты, возникающие в сфере торговли.

Конфликты продавцов с покупателями – это неизбежное явление в сфере торговли. Большое количество конфликтов возникает из-за ценников на товар. По ряду причин ценники могут отсутствовать, **находится** не на своем месте или обозначать цену, не соответствующую пробитой цене в чеке. Покупателей возмущает эта ситуация, некоторые пытаются увидеть в ошибке целенаправленное желание магазина или продавца обмануть их. Также покупатели обращаются в магазин с претензией на качество различных продуктов. С этими проблемами они возвращаются в магазин и выплескивают свое раздражение и недовольство в адрес продавцов и других сотрудников. Бывают и другие претензии покупателей в отношении продавцов. Одних возмущает очередь на кассе, других не устраивает режим работы магазина.

Конфликты между продавцами. Они в основном связаны с передачей зоны ответственности от одной смены к другой. В конце рабочего дня продавцы должны подготовить свою зону для комфортной работы в ней на следующий день. Они должны проследить за сроками выставленного товара, правильностью ценников, достаточным количеством нарезанной продукции, заполнением холодильников, красотой и эстетичностью оформления стеллажей. Каждая смена должна разбирать склад и пополнять товар в магазине. Если этого не происходит, то пришедшая утром на работу смена самостоятельно должна выполнить эти операции, что приводит к разногласиям и спорам.

Описанные выше ситуации подтверждают факт того, что торговая организация и отношения между персоналом торговой организации – питательная среда для возникновения различного рода разногласий, конфликтов. И от того, насколько компетентно, психологически грамотно ведет себя в подобных случаях каждый из работников, зависит общая стабильность организации, ее продуктивность.

Конфликтное поведение может быть обусловлено влиянием множества факторов. Это могут быть объективные факторы, например, такие как количество и качество ресурсов, которые можно использовать при достижении своих целей, временные и пространственные особенности конфликта, статус оппонента, его позиция в отношении другой стороны, выбранная стратегия поведения и т.д.

К субъективным факторам, определяющим особенности конфликтного поведения относятся морально-нравственные принципы субъекта, ценность межличностных отношений с противоположающейся стороной, индивидуально-психологические особенности личности и т.д. Наибольший интерес среди данных факторов, несомненно, вызывают индивидуально-психологические особенности личности.

В нашем исследовании мы остановились на изучении влияния на конфликтное поведение такой индивидуально-психологической особенности личности как локус контроля.

Начиная с работ американского психолога Джулиана Роттера, многие отечественные исследователи (С.Р. Пантелеев, В.В. Столин, Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина и некоторые

другие) проявляли интерес к личностной парадигме, связанной с оценкой того, внутренний или внешний локус контроля имеет человек.

Термин «локус контроля» Дж. Роттер использовал «для обозначения способов (стратегий), посредством которых люди приписывают (атрибутируют) причинность и ответственность за результаты своей и чужой деятельности» [4, с. 231]. Он предполагал, что у разных людей наблюдается склонность к определенному типу приписывания причинности и ответственности. В связи с этим, Дж. Роттер выделил два типа людей: интерналы («интернал» - от английского «internal», внутренний) и экстерналы («экстернал» - от английского «external», внешний).

Первый тип – люди с интернальным (внутренним) локусом контроля. Они убеждены в том, что сами контролируют события и влияют на них. Эти люди думают, что все, что происходит с ними, зависит от их личности, поступков и таких качеств как способности, целеустремленность, напористость, интеллект, компетентность и т.д.

Второй тип – люди с экстернальным (внешним) локусом контроля. Они убеждены, что все происходящее – дело случая, не зависящее от них. Эти люди считают, что только внешние обстоятельства, окружение, другие люди, случайности влияют на их успехи или неудачи.

По мнению Дж. Роттера, локус контроля, характерный для индивида, универсален по отношению к любым типам событий и ситуаций, с которыми ему приходится сталкиваться. Один и тот же тип контроля характеризует поведение данной личности в самых различных сферах жизнедеятельности [16].

Заметим, что в приведенных выше определениях отмечается, что каждому из двух типов людей с разным локусом контроля соответствуют определенные психологические особенности. Поэтому есть все основания полагать, что такая обобщенная характеристика личности как локус контроля оказывает регулирующее влияние на многие аспекты поведения человека, в том числе и на конфликтное поведение.

Любой конфликт отличается собственными неповторимыми и уникальными причинами, формами взаимодействия его участников, исходом и последствиями. К тому же каждый человек демонстрирует свойственный ему стиль налаживания и поддержания отношений с другими людьми, собственную манеру поведения в конфликтных ситуациях. Однако стоит учитывать, что даже при всем различии стилей и тактик поведение в конфликте обладает определенными общими чертами.

В научной литературе рассматриваются три основные модели поведения личности в конфликтной ситуации: конструктивная, деструктивная и конформистская [6]. Выбор каждой из них может определяться такими факторами, как предмет конфликта, образ конфликтной ситуации, ценность межличностных отношений, индивидуально-психологические особенности участников конфликта. Остановимся на краткой характеристике каждой из моделей.

Первая модель – конструктивная. Субъект, проявляя конструктивную модель поведения, демонстрирует стремление загладить конфликт, нацеленность на нахождение взаимовыгодного решения, способность к самообладанию, доброжелательным настроем к оппоненту. Этот человек открыт и искренен, в общении лаконичен и немногословен.

Вторая модель – деструктивная. Проявляя эту модель поведения, человек настроен на обострение, эскалацию конфликта, тратит силы на принижение оппонента, приписывание ему негативных черт, демонстрирует подозрительность и недоверие, нарушение общепринятых культурных правил общения.

Конформистская модель поведения характеризуется **пассивностью,склонностью** к уступкам, непоследовательностью в оценках, суждениях, поведении, уходом от обсуждения острых вопросов, стремлением согласиться с точкой зрения оппонента.

Большую популярность в конфликтологической науке имеет двухмерная модель стратегий поведения личности в конфликтном взаимодействии К. Томаса и Р. Киллмена [9]. В основе этой модели лежат ориентации участников конфликта на свои интересы и интересы противоположающей стороны. В любом конфликте каждый участник оценивает и соотносит свои интересы и интересы соперника. Проанализировав эти интересы, он останавливает свой сознательный выбор на одной из пяти стратегий поведения: уход, противоположество, компромисс, уступка, сотрудничество.

То, насколько участник конфликта будет направлен на свои интересы или интересы оппонента, будет зависеть от трех факторов:

- содержания предмета конфликта;
- ценности межличностных отношений;
- индивидуально-психологических особенностей личности.

Первая стратегия поведения личности в конфликте – противоположество. Ее еще называют соперничество или конфронтация. Тот, кто выбирает данную стратегию поведения, в первую очередь, исходит из оценки личных интересов в конфликте и собственных потребностей, как высоких, а интересов своего соперника – как низких.

Следующая стратегия – уход (уклонение, избегание). Она отличается стремлением уйти от конфликта и характеризуется низким уровнем направленности и на личные интересы, и на интересы соперника.

Стратегия приспособления характеризуется тем, что человек придерживающийся ее, **готов жертвовать** собственными интересами в угоду интересам оппонента. Как правило, целью такого поведения является стремление сохранить отношения с оппонентом.

Компромисс - это стратегия, при которой противоположающиеся стороны пытаются найти баланс собственных интересов и поддержать его хотя бы на среднем уровне. Компромисс также называют стратегией взаимных уступок.

При выборе стратегии сотрудничества, человек проявляет высокий уровень направленности, как на свои интересы, так и на интересы оппонента. В основе этой стратегии лежит еще и высокая ценность межличностных отношений. Поэтому суть данной стратегии заключается в поиске варианта решения, максимально учитывающего интересы обеих сторон в данной ситуации.

А.А. Крылов описывает стратегии поведения участников межличностного конфликта более обобщенно, выделяя три варианта:

1 Силловые стратегии. К ним относятся стратегии поведения, направленные на достижение собственных интересов без учета интересов партнера. Они могут быть охарактеризованы такими терминами, как доминирование, конкуренция, соперничество. Ориентация на собственные цели может реализовываться в жестком поведении – напористости, использовании жестких аргументов, выставлении ультимативных требований, эмоциональном и психологическом давлении на партнера. Хотя могут быть «мягкие», манипулятивные формы воздействия на партнера, направленные на то, **чтобы переиграть** его, создавая такое эмоциональное давление, которому трудно противостоять.

2 Стратегии ухода от конфликта могут иметь характер игнорирования проблемы вместо ее решения. Другая форма ухода – это уступчивость, готовность пренебречь своими

интересами, целями, мнением, потребностями. В некоторых случаях она может быть обоснована и рациональна, когда предмет конфликта является не слишком значимым для человека, или когда шансы победить невелики, либо «цена» победы может оказаться чрезмерной. Если же уступчивость ничем не оправдана, она расценивается как неспособность отстаивать свои интересы, как неконструктивный подход к разрешению конфликтов.

3 Переговорные стратегии, ведущие к выработке решений. Они расцениваются как наиболее эффективный путь к решению межличностных конфликтов, так как позволяют в большей или меньшей степени удовлетворить интересы обеих сторон. Различают две принципиальные модели переговоров: модель «взаимных выгод» и модель «уступок сближения». В первом случае возможно нахождение таких вариантов решения проблемы, которые полностью удовлетворяют интересы обеих сторон. Это возможно в ситуациях, когда интересы сторон не являются несовместимыми. Вторая модель оптимальна в случаях, когда интересы сторон несовместимы и возможны только компромиссные решения, получаемые с помощью уступок сторон [10].

По мнению А.А. Крылова, «разрешение конфликта можно считать окончательным только в том случае, если участники конфликтной ситуации не просто находят какое-то решение проблемы, ставшей предметом их разногласий, но приходят к этому решению в результате согласия. Согласие же сторон относительно того или иного варианта решения возможно только в результате договоренностей сторон, именно поэтому переговорные стратегии считаются действительно конструктивными способами решения межличностных конфликтов» [7, с. 281].

Наше эмпирическое исследование проводилось с целью выяснения взаимосвязи локуса контроля личности торгового работника с особенностями ее конфликтного поведения.

Базой исследования выступали магазины «Магнит» в г. Великий Новгород. Сеть магазинов «Магнит» - ведущая розничная сеть по торговле продуктами питания в России, ориентирована на покупателей с различным уровнем доходов. Магазины розничной сети «Магнит» расположены в 2 361 населенном пункте Российской Федерации. Розничная сеть «Магнит» является одним из крупнейших частных работодателей в России. На сегодняшний день общая численность сотрудников компании составляет более 260 000 человек. Компании неоднократно присуждалось звание «Привлекательный работодатель года» [14].

Характеристика выборки: в исследовании приняли участие 36 человек в должности продавцов-кассиров – женщины в возрасте 25- 37 лет со средним специальным образованием.

В эмпирической части исследования использовались следующие методы и методики:

- тест на локус контроля Дж. Роттера [16];
 - опросник Томаса на изучение основных стратегий поведения в конфликте [13];
 - методика самооценки конструктивного поведения в конфликте [13];
 - методика диагностики личностной агрессивности и конфликтности личности (Е.П. Ильин, П.А. Ковалев) [13].
- метод ранговой корреляции Спирмена.

Для обработки данных использовался пакет STATISTICA 6.1

Рассмотрим результаты диагностики. Начнем с результатов, полученных при помощи теста на локус контроля Дж. Роттера, которые представлены в таблице 1.

**Таблица 1 – Направленность локуса контроля у персонала торговой организации
(количество / процент испытуемых)**

Локус контроля	Интернальность	Экстернальность
Количество испытуемых	16	20
Процент испытуемых	44	56

Мы видим, что в нашей выборке имеются как интерналы, так и экстерналы, последних немного больше.

Перейдем к описанию результатов диагностики особенностей конфликтного поведения персонала торговой организации по методике самооценки конструктивного поведения, которые представлены на рисунке 1. Четверть всех испытуемых оценивают свое поведение в конфликте как деструктивное. Они не стремятся понять своего оппонента, негативно к нему настроены, раздражительны, нетерпимы к его точке зрения, аргументам, интересам. 38% испытуемых оценивают свое поведение в конфликте как конструктивное. Они позитивно настроены к оппоненту, готовы понимать его доводы и аргументы. Эти испытуемые делают ставку на сотрудничество и равенство, признают право людей быть такими, как они есть, умеют контролировать свои эмоции. 37% испытуемых оценивает **своеповедение** как смешанное, в котором присутствуют элементы и конструктивного, и деструктивного типа.

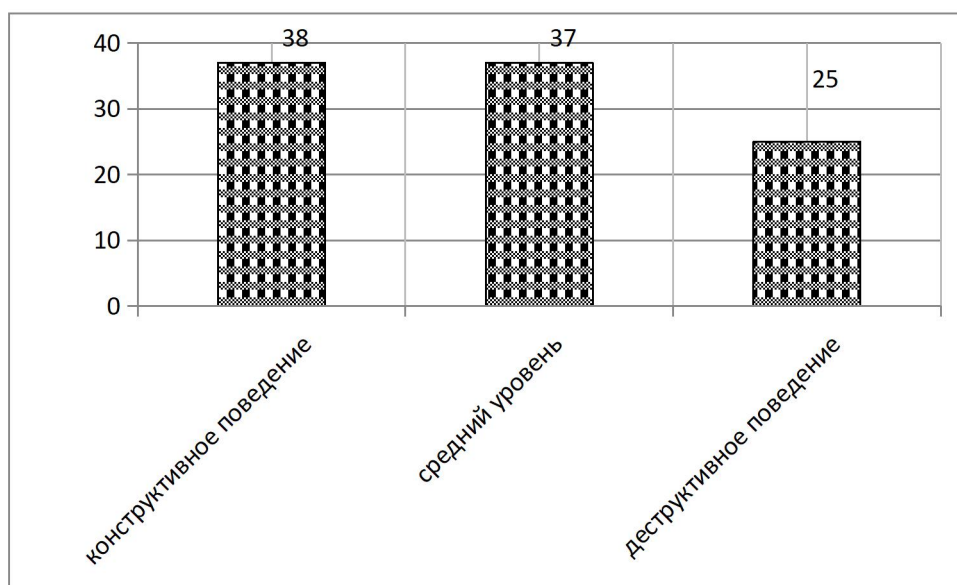

Рисунок 1 – Выраженность конструктивного и деструктивного поведения в конфликте у персонала торговой организации (в %)

В результате статистической обработки коэффициент корреляции по Спирмену является значимым ($r_{\text{эмп}} = 0,53$ при p -уровне 0,03), что говорит о наличии умеренной положительной взаимосвязи между интернальным локусом контроля и конструктивным поведением в конфликте персонала торговой организации. Иначе говоря, чем выше интернальность личности, тем сильнее ее стремление уладить конфликт, тем **выше** нацеленность на поиск приемлемого решения, тем сильнее проявляются выдержка и самообладание, **позитивноеотношение** к оппоненту, способность понимать его доводы.

Опросник «Стиль поведения в конфликте» позволяет измерить выраженность пяти основных стратегий поведения в конфликте: соперничество, приспособление, компромисс, избегание, сотрудничество. У каждого из испытуемых выявлена доминирующая стратегия

поведения, которая определяется по максимальному количеству баллов. На рисунке 2 представлены данные о количестве респондентов с различными доминирующими типами поведения в конфликте.

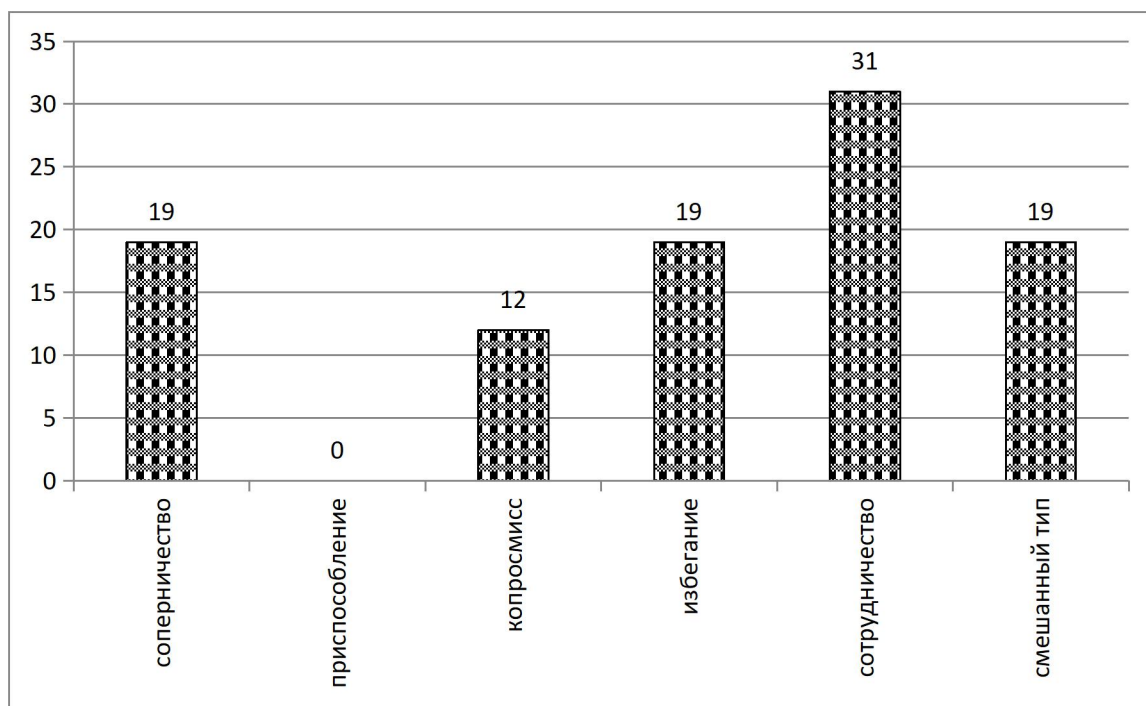

Рисунок 2 – Доминирующие стратегии поведения в конфликте у персонала торговой организации (процент испытуемых)

Среди испытуемых отсутствуют те, у кого доминирующей стратегией поведения в конфликте является приспособление. Наибольшее количество испытуемых – 33 % проявляют как доминирующую стратегию сотрудничества. Они демонстрируют высокую направленность, как на собственные интересы, так и на интересы оппонента.

Одинаковое количество испытуемых проявили такие стратегии как соперничество и избегание. 19 % испытуемых исходят из оценки личных интересов в конфликте, как высоких, а интересов своего соперника – как низких. Еще 19 % пытаются разрешить конфликтные ситуации путем ухода от конфликта. 12 % респондентов предпочитают стратегию компромисса или взаимной уступки.

В таблице 2 представлены результаты статистической проверки наличия и характера взаимосвязи между локусом контроля и стратегиями конфликтного поведения у испытуемых.

Таблица 2 – Взаимосвязь между интернальным локусом контроля и стратегиями поведения в конфликте у персонала торговой организации

Стратегия	$r_{\text{Эмп}}$	p-уровень
Соперничество	0,12	0,4
Приспособление	-0,61**	0,01
Компромисс	0,27	0,30
Избегание	-0,56*	0,02
Сотрудничество	0,58**	0,01

В результате корреляционного анализа выяснилось, что между интернальным локусом контроля и такими стратегиями как соперничество и компромисс корреляционная взаимосвязь отсутствует. Выявлена значимая обратная корреляционная зависимость между интернальностью и стратегией приспособления ($r_{\text{эмп}} = -0,61$ при p -уровне 0,01), умеренная обратная корреляционная взаимосвязь со стратегией избегания ($r_{\text{эмп}} = -0,56$ при p -уровне 0,02), и **значимая положительная** корреляция со стратегией сотрудничества ($r_{\text{эмп}} = 0,58$ при p -уровне 0,01).

Таким образом, высокий интернальный локус контроля взаимосвязан с направленностью на сотрудничество, стремлением учитывать наряду с собственными интересами также интересы оппонента, с потребностью договориться, найти взаимовыгодное решение, альтернативу. В то же время высокий интернальный локус не способствует уходу от конфликтов, отказу от собственных целей, жертвованию собственными, личными интересами в пользу других. И наоборот, людям с экстернальным локусом контроля эти тенденции присущи.

Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» Е.П. Ильина, П.А. Ковалева позволяет измерить особенности конфликтного поведения с помощью восьми шкал: вспыльчивость, напористость, обидчивость, неуступчивость, бескомпромиссность, мстительность, нетерпимость к мнению других, подозрительность. Максимальный балл по каждой из шкал равен 10.

Сумма баллов по шкалам «напористость» и «неуступчивость» дает суммарный показатель позитивной агрессивности субъекта.

Сумма баллов, набранная по шкалам «нетерпимость к мнению других» и «мстительность», дает показатель негативной агрессивности субъекта.

Сумма баллов по шкалам «бескомпромиссность», «вспыльчивость», «обидчивость», «подозрительность» дает обобщенный показатель конфликтности.

Наибольший средний балл по данной методике получен по шкале нетерпимости к мнению других, наименьший – по шкале подозрительности.

В результате статистической проверки наличия и характера взаимосвязи между локусом контроля и личностной агрессивностью и конфликтностью, а также их отдельными составляющими у персонала торговой организации с помощью критерия Спирмена представлены в таблице 3.

В результате корреляционного анализа не выявлено связи между интернальным локусом контроля и позитивной агрессивностью и входящими в нее компонентами: напористостью и неуступчивостью.

В то же время обнаружена значимая отрицательная корреляционная взаимосвязь между интернальным локусом контроля и негативной агрессивностью ($r_{\text{эмп}} = -0,6$ при p -уровне 0,01), и умеренная значимая взаимосвязь с ее отдельными составляющими – мстительностью ($r_{\text{эмп}} = -0,5$ при p -уровне 0,04), и нетерпимостью к мнению других ($r_{\text{эмп}} = -0,5$ при p -уровне 0,04).

Иначе говоря, чем ниже интернальность (т.е. при преобладании экстернальности) у персонала торговой организации, тем в большей степени проявляется у них мстительность. Это проявляется в пожеланиях несчастий оппонентам и обидчикам, неспособности забывать и прощать обиды, желании действовать по принципу «зуб за зуб». А **также чем** ниже интернальность (т.е. при преобладании экстернальности) у персонала торговой организации, тем более нетерпимое отношение к другим они будут проявлять. Нетерпимый человек злится, когда ему возражают, считает, что не нуждается в чужих

советах, привык принимать решения в одиночку, не интересуется мнением коллег, сильно переживает, проиграв в споре.

Таблица 3 – Взаимосвязь между интернальным локусом контроля и личностной агрессивностью и конфликтностью, а также ее отдельными составляющими у персонала торговой организации

Шкала	$r_{\text{эмп}}$	p-уровень
Позитивная агрессивность	-0,03	0,9
Напористость	-0,19	0,4
Неуступчивость	0,02	0,9
Негативная агрессивность	-0,60**	0,01
Мстительность	-0,51*	0,04
Нетерпимость к мнению других	-0,52*	0,03
Конфликтность	-0,59**	0,01
Вспыльчивость	-0,45	0,07
Обидчивость	-0,51*	0,04
Бескомпромиссность	-0,50*	0,04
Подозрительность	-0,51*	0,04

Также выявлена значимая отрицательная корреляционная связь между интернальным локусом контроля и конфликтностью ($r_{\text{эмп}} = -0,58$ при p-уровне 0,01), а также взаимосвязь с ее отдельными составляющими: обидчивостью, бескомпромиссностью, подозрительностью на уровне умеренной корреляционной зависимости. Таким образом, можно утверждать, что чем **ниже** персонала торговой организации выражен интернальный локус контроля (наблюдается преобладание экстернальности), тем выше обидчивость. Их обижает отсутствие внимания со стороны людей, они считают себя невезучими, болезненно относятся к обсуждению собственных недостатков, обижены на жизнь и судьбу. У таких людей проявляется подозрительность, их отношения с людьми характеризуются настороженностью, они во всем видят подвох, не верят в честность и бескорыстное отношение.

Умеренная обратная корреляционная зависимость обнаружена между интернальным локусом контроля и бескомпромиссностью сотрудников торговой организации. Чем ниже выражен у испытуемых интернальный локус контроля, тем сложнее с ними договориться, найти общий язык, что также приводит к обострению отношений.

Не обнаружено значимой взаимосвязи между интернальностью и вспыльчивостью. По всей видимости, неспособность сдерживаться, неумение владеть собой в конфликтных и критических ситуациях, отсутствие спокойной реакции на критику определяется в большей степени не локусом контроля, а особенностями высшей нервной деятельности или какими-либо другими характеристиками.

Рассмотрев локус контроля как фактор конфликтного поведения, мы выявили некоторые тенденции, свидетельствующие о том, что данное индивидуально-психологическое свойство личности действительно взаимосвязано с особенностями поведения личности торгового работника в конфликте.

Во-первых, мы выяснили, что интернальный локус контроля связан прямой корреляционной зависимостью с конструктивным поведением в конфликте, а также с такой стратегией как сотрудничество. Работники с интернальным локусом контроля характеризуются позитивным отношением к оппоненту, способностью понимать его

доводы. Чем выше интернальность работника торговой организации, тем в большей степени ему присущи выдержка и самообладание, тем сильнее проявляется его стремление уладить конфликт, нацеленность на поиск приемлемого для обеих сторон разрешения. Высокий уровень интернальности предполагает высокую направленность личности на сотрудничество, потребность договориться, учет не только собственных интересов, но и интересов оппонента, стремление найти взаимовыгодное решение.

Во-вторых, мы доказали, что интернальный локус контроля связан обратной корреляционной зависимостью со стратегиями приспособления и избегания. Это означает, что чем ниже у сотрудника торговой организации проявляется интернальность (т.е. констатируется преобладание экстернального локуса контроля), тем чаще он уходит от конфликтов, отказывается от собственных целей, жертвует личными интересами в пользу других. В то же время для таких работников характерна мстительность, которая проявляется в злопамятности, неспособности забывать и прощать обиды, желании действовать по принципу «зуб за зуб». Экстернальный локус контроля торгового работника связан с более нетерпимым отношением к другим. У таких продавцов сильнее проявляется обидчивость, подозрительность и бескомпромиссность, недоверие к людям и, как следствие, повышенная конфликтность с коллегами и клиентами.

Выявленные в данном исследовании факты и закономерности могут быть использованы для оптимизации профессионального отбора на должности торговых работников. В зависимости от профессиональных функций при отборе претендентов на должность необходимо опираться не только на профессиональные компетенции, но учитывать и индивидуально-психологические качества, среди которых локус контроля играет весьма важную роль.

Список литературы

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. СПб.: Питер, 2006. 526 с.
2. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткин А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. 1984. № 3. С.152-162.
3. Богданов Е.Н., Зазыкин В.Г. Психология личности в конфликте. СПб.: Питер, 2004. 224 с.
4. Большой психологический словарь. / Под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 411 с.
5. Бороздина Г.В. Психология делового общения. М.: ИНФРА, 2004. С. 295.
6. Ворожейкин И.Е. Конфликтология. М.: Инфра-М, 2004. 240 с.
7. Головин С.Ю. Словарь практического психолога. Мн.: Харвест, 1998. 800 с.
8. Дашков Л.П. Организация труда работников торговли: / Л.П. Дашков, В.К. Памбухчиянц, О.В. Памбухчиянц. М.: Дашков и К, 2007. 240 с.
9. Емельянов С.М. Практикум по конфликтологии. СПб.: Питер, 2000. 360 с.
10. Крылов А.А. Психология. М.: Проспект, 2005 495 с.
11. Памбухчиянц О.В. Организация и технология коммерческой деятельности: учебник. М.: Дашков и К, 2009. 640 с.
12. Психологический словарь. Под ред. В.В. Давыдова, А.В. Запорожца, Б.Ф. Ломова М.: Педагогика, 1983. 448 с.
13. Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп. М.: Издательство Института Психотерапии. 2005. 490 с.

14. Розничная сеть Магнит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magnit-info.ru/> (дата обращения 20.02.2016).
15. Сокор Е.М. Профилактика межличностных конфликтов в организациях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dslib.net/psixologia-razvitja/profilaktika-mezhlichnostnyh-konfliktov-v-organizacijah.html> (дата обращения 10.02.2016).
16. Тест на локус контроля Роттера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psylab.info/Тест_на_локус_контроля_Роттера (дата обращения 07.02.2016).

2.4. Особенности межличностных отношений между средним медицинским персоналом и больными туберкулезом

В современной концепции оказания медицинской помощи система отношений между медицинскими работниками и пациентами рассматривается в качестве одного из ведущих лечебных факторов (Ю.А. Александровский, М.М. Кабанов, А.В. Квасенко, Р. Конечный, Н.Д. Лакосина и др.).

В социально-психологическом контексте данной проблемы исследуются различные факторы формирования отношений в системе «медработник-пациент», связанные с личностными особенностями, стажем, стилем межличностного взаимодействия, уровнем развития коммуникативной компетентности, квалификацией медперсонала (В.Д. Менделевич, В.В. Николаев, В.В. Солондаев, Т.Ю. Удалова, И. Харди и др.). В ряду с социально-психологических факторов, определяющих характер отношений между медперсоналом и больными, М.М. Кабанов [3], И. Харли [14] выделяют как специфический детерминант предубежденное отношение медицинских работников к пациентам с трудноизлечимыми инфекционными заболеваниями.

К данной группе заболеваний относится туберкулез – заболевание, требующее длительного лечения в условиях стационара. Как отмечают Е.А. Абрамова [1], Н.В. Горбунова [2], М.А. Карачунский [4], успешность лечебного процесса при туберкулезе зависит не только от адекватности и своевременности проводимой медикаментозной терапии, но и от психоэмоционального состояния пациентов, которое во многом определяется характером взаимоотношений между пациентом и средним медицинским персоналом.

В лечебной деятельности формируется особая связь, особые отношения между медицинскими работниками и пациентами. И. Харди подчеркивает, что эти отношения между врачом и больным, медсестрой и больным являются основой любой лечебной деятельности [14, с. 6]. Эффективность труда медицинских работников повышается при правильно налаженном лечении на основании комплаенса с пациентом. Комплаенс (от англ. *compliance* – соответствие, согласие) – это осознанное сотрудничество между медицинскими работниками, больным и членами его семьи [9, с. 115]. Сотрудничество с пациентом означает совместную работу над решением проблем с его здоровьем [12].

Н.В. Горбунова [2], В.А. Кошечкин [7] отмечают, что соматическое и психологическое страдание при туберкулезе приводит к изменению всех сфер личности больных. У лиц, страдающих туберкулезом, сужается круг интересов, отмечаются астения, снижение работоспособности, резкое снижение самооценки и своей значимости, резкое сужение круга общения, патологическая замкнутость, повышение чувствительности,

неустойчивость настроения, ипохондрия, раздражительность, конфликтность, фобии, депрессия, ослабление памяти и интеллекта.

По наблюдениям В.А. Кошечкина, большое место в психологической картине при туберкулезе занимают ипохондрические проявления. Таким больным свойственны: фиксирование на своих физических функциях, обилие жалоб на здоровье, тенденции к уходу в болезнь, тоска, тревога, внутреннее напряжение, раздражительность, депрессия, слабость, склонность к истерическим реакциям в условиях стресса, снижение самооценки, недовольство собой, ощущение собственной ненужности, ожидание беды, избегание контактов и развлечений, снижение интереса к окружающему, мрачные, негативные мысли о себе и своих близких. Больные туберкулезом требуют к себе повышенного внимания («иначе не поправлюсь»), выдвигают требования немедленного выполнения любых просьб и капризов, подчеркивают тяжесть собственного состояния, непереносимости переживаний, постоянно описывают все ощущения, бесконечно повторяют жалобы с целью вызвать сочувствие [7].

По данным Н.В. Горбуновой, 90% опрошенных больных туберкулезом чувствуют свое отличие от других людей, испытывают чувство ущербности, которое подкрепляется ограничением себя в общении. Они чувствуют, что отдаляются от людей, болезнь мешает им общаться с окружающими. Многие из них, ограничивая круг своего общения, не желают устанавливать новые контакты с людьми, считая, что здоровые люди испытывают брезгливость, страх заразиться от них. 74% опрошенных признались в том, что после заболевания замечают неприятие к себе со стороны окружающих. 7% мужчин считают, что здоровые люди их не понимают и не принимают, так как не «переживали того, что переживает больной человек» [2, с. 352].

Вышеперечисленные личностные и психоэмоциональные особенности больных туберкулезом усложняют процесс взаимодействия и влияют на развитие отношений между медицинским персоналом среднего звена и больными туберкулезом. Однако характер этих отношений изучен недостаточно.

Целью нашего исследования является выявление особенностей межличностных отношений между средним медицинским персоналом и больными туберкулезом.

В исследовании принимали участие 20 пациентов, больных туберкулезом легких, 20 пациентов офтальмологического отделения с диагнозом «глаукома» или «катаракта», 10 медсестер противотуберкулезного диспансера в возрасте от 25 до 37 лет и 10 медсестер офтальмологического отделения в возрасте 23-39 лет.

Для исследования характеристик межличностных отношений между медсестрами и пациентами были разработаны анкеты. Для выявления преобладающих у медсестер и пациентов типов отношений к окружающим использовался опросник «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири в адаптации Л.И. Собчик [11]. Диагностика наличия деструктивных установок в межличностных отношениях у медсестер осуществлялась по методике «Диагностика коммуникативных установок» В.В. Бойко [11].

Для выявления особенностей отношений между средним медицинским персоналом и больными туберкулезного диспансера применялся сравнительный анализ с взаимоотношениями между медсестрами и больными офтальмологического отделения с использованием критерия χ^2 Фишера и U-критерия Манна-Уитни. Математическая обработка данных проводилась с помощью компьютерной программы анализа данных IBM SPSS Statistics 22.

Результаты исследования отношений к пациентам в двух группах медсестер

представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Характеристики отношения медсестер к пациентам

Вопрос	Количество выборов, %	
	Офтальмологическое отделение	Противотуберкулезный диспансер
Отношения с пациентами данного отделения:		
- хорошие	60,00	30,00
- удовлетворительные;	20,00	70,00
- трудно сказать	20,00	0,00
Внутренние чувства к пациентам:		
- исключительно доброжелательные;	70,00	20,00
- спокойные, ровные;	20,00	40,00
- равнодушные;	10,00	30,00
- негативные, которые стараюсь не показывать;	0,00	10,00
Какие качества Вас раздражают в пациентах?		
- капризность;	10,00	60,00
- навязчивость;	0,00	40,00
- агрессивность;	10,00	50,00
- наглость;	0,00	70,00
- непонимание;	0,00	20,00
- нарушение режима;	20,00	30,00
- чрезмерные требования;	0,00	40,00
- критиканство;	20,00	40,00
- нежелание выполнять правила распорядка	30,00	80,00

Согласно данным таблицы медсестры туберкулезного диспансера менее удовлетворены взаимоотношениями с пациентами, чем их коллеги из офтальмологического отделения. Так, только 30% медсестер противотуберкулезного диспансера оценивают свои отношения с пациентами как хорошие. В офтальмологическом отделении таких оценок оказалось в два раза больше. Выше соотношение оказалось при оценке отношений как удовлетворительные: 20% медсестер офтальмологического отделения к 70% – противотуберкулезного диспансера.

Свои внутренние чувства к пациентам 70% медсестер офтальмологического отделения и 20% медсестер противотуберкулезного диспансера охарактеризовали как исключительно доброжелательные. Эти различия являются статистически значимыми (χ^2 эмп. = 2,359; $p \leq 0,01$). 20% медсестер офтальмологического отделения и 40% медсестер противотуберкулезного диспансера охарактеризовали их как спокойные, ровные; 10% медсестер офтальмологического отделения и 30% медсестер противотуберкулезного диспансера – как равнодушные. 10% медсестер противотуберкулезного диспансера отметили, что испытывают по отношению к пациентам негативные чувства, которые стараются не показывать.

Качества пациентов, раздражающие медсестер, следующие: нежелание выполнять правила внутреннего распорядка и просьбы персонала (30% медсестер офтальмологического отделения и 80% медсестер противотуберкулезного диспансера),

наглость (70% медсестер противотуберкулезного диспансера), капризность (10% медсестер офтальмологического отделения и 60% медсестер противотуберкулезного диспансера), агрессивность (10% медсестер офтальмологического отделения и 50% медсестер противотуберкулезного диспансера), критиканство (20% медсестер офтальмологического отделения и 40% медсестер противотуберкулезного диспансера), навязчивость, чрезмерные требования (40% медсестер противотуберкулезного диспансера), нарушение режима (20% медсестер офтальмологического отделения и 30% медсестер противотуберкулезного диспансера), непонимание (20% медсестер противотуберкулезного диспансера). Статистически значимые различия выявлены для следующих показателей: нежелание выполнять правила внутреннего распорядка и просьбы персонала (φ^* эмп. = 2,359; $p \leq 0,01$), капризность (φ^* эмп. = 2,525; $p \leq 0,01$), агрессивность (φ^* эмп. = 2,073; $p \leq 0,05$). Доля лиц, которых раздражают данные качества пациентов, во всех случаях значимо выше среди медсестер противотуберкулезного диспансера.

По мнению медсестер, установлению оптимальных взаимоотношений с пациентами препятствуют: конфликтность (40% медсестер офтальмологического отделения и 30% медсестер противотуберкулезного диспансера), агрессивность (по 30% медсестер в обеих группах), неумение общаться (20% медсестер офтальмологического отделения и 30% медсестер противотуберкулезного диспансера).

На вопрос «Что бы хотелось изменить в отношениях с пациентами?» 10% медсестер офтальмологического отделения и 40% медсестер противотуберкулезного диспансера указали, что хотели бы большего понимания со стороны пациентов. 10% медсестер офтальмологического отделения и 30% медсестер противотуберкулезного диспансера хотели бы более уважительного отношения пациентов, 30% медсестер противотуберкулезного диспансера – меньше капризов и конфликтов.

Результаты изучения удовлетворенности пациентов офтальмологического отделения и противотуберкулезного диспансера качеством медицинского обслуживания и отношениями с медперсоналом показали, что среди опрошенных пациентов офтальмологического отделения 85% испытуемых удовлетворены качеством медицинского обслуживания среднего медицинского персонала в данном отделении, 5% – не удовлетворены, 10% – затруднились ответить на данный вопрос. Среди опрошенных пациентов противотуберкулезного диспансера 65% испытуемых не удовлетворены качеством медицинского обслуживания среднего медицинского персонала в данном отделении, 20% – удовлетворены, 15% – затруднились ответить на данный вопрос.

Обработка результатов анкетирования с применением критерия φ^* Фишера показала, что доля лиц, удовлетворенных качеством медицинского обслуживания, среди пациентов противотуберкулезного диспансера значимо ниже (φ^* эмп. = 4,487; $p \leq 0,01$), а доля лиц, неудовлетворенных его качеством, значимо выше (φ^* эмп. = 4,503; $p \leq 0,01$), чем среди пациентов офтальмологического отделения.

При этом, по мнению пациентов офтальмологического отделения, следует совершенствовать такие качества медицинской помощи в данном отделении, как (респондентам позволялось выбрать несколько вариантов ответа на этот вопрос): этика медперсонала (100%) и его компетентность (60%), а также доступность медицинской помощи (90%). Пациенты противотуберкулезного диспансера указали на этику и компетентность медперсонала (100%), безопасность и доступность медицинской помощи (100%).

На вопрос о том, помогают ли испытуемым беседы с медицинской сестрой справляться с возникающими у них проблемами, 45% пациентов противотуберкулезного диспансера ответили отрицательно, среди пациентов офтальмологического отделения такой ответ не встречался ни в одном случае. Утвердительный ответ на данный вопрос дали 25% пациентов офтальмологического отделения и лишь 5% пациентов противотуберкулезного диспансера. Данные различия статистически значимы (χ^2 эмп. = 1,885; $p \leq 0,05$).

75% пациентов офтальмологического отделения и 50% пациентов противотуберкулезного диспансера ответили, что беседы с медицинской сестрой лишь частично помогают справляться с возникающими проблемами.

На вопрос о том, помогает ли уход медицинской сестры чувствовать себя более уверенно и спокойно, 60% пациентов офтальмологического отделения ответили утвердительно, в то время как среди пациентов противотуберкулезного диспансера 85% испытуемых ответили отрицательно, а утвердительный ответ не встретился ни в одном случае. 35% пациентов офтальмологического отделения и 15% пациентов противотуберкулезного диспансера указали, что уход медсестры лишь частично помогает им чувствовать себя более уверенно и спокойно.

На вопрос о том, какая помощь медицинской сестры больше всего нужна пациенту в стационаре, пациенты офтальмологического отделения указали следующее (респондентам позволялось выбрать несколько вариантов ответов): уход за тяжелобольными (100%), выполнение манипуляций (100%), обучение правилам ухода (100%), принципам сохранения и укрепления здоровья (50%), профилактическая работа (65%), психологическая помощь (30%). Пациенты противотуберкулезного диспансера указали: уход за тяжелобольными (100%), выполнение манипуляций (100%), обучение правилам ухода (100%) и принципам сохранения и укрепления здоровья (85%), профилактическая работа (85%), психологическая помощь (35%). Итак, представления о том, какая помощь медсестры наиболее необходима в стационаре, у пациентов офтальмологического отделения и противотуберкулезного диспансера существенно не различаются.

На вопрос о том, что не устраивает в работе медицинских сестер, 65% пациентов офтальмологического отделения ответили, что не имеют претензий к работе среднего медперсонала данного отделения, 25% пациентов затруднились ответить на этот вопрос, 10% опрошенных указали на невнимательность медицинских сестер, 5% респондентов – на равнодушие, 5% – на непрофессионализм. Во последних трех случаях негативные оценки работы медперсонала даны одним и тем же испытуемым (респондентам позволялось выбрать несколько вариантов ответа на данный вопрос), поэтому можно предположить, что они являются эмоциональной реакцией данного испытуемого на конкретную ситуацию.

Пациенты противотуберкулезного диспансера указали (респондентам позволялось выбрать несколько вариантов ответа) на: равнодушие (85%), невнимательность (60%), грубость (55%), непрофессионализм (30%) медсестер. В сравнении с пациентами офтальмологического отделения пациенты противотуберкулезного диспансера значительно чаще выражают недовольство равнодушием (χ^2 эмп. = 5,993; $p \leq 0,01$), непрофессионализмом (χ^2 эмп. = 2,239; $p \leq 0,05$) и невнимательностью (χ^2 эмп. = 3,567; $p \leq 0,01$) среднего медицинского персонала.

На вопрос о том, каковы вероятные причины низкого качества работы медсестер, пациенты офтальмологического отделения указали, что качество работы медсестер данного отделения было бы выше, если бы у них (респондентам позволялось выбрать

несколько вариантов ответа): была выше оплата труда (85%), меньшая нагрузка (65%), меньший объем документации (45%), больше согласованности в работе (40%), больше профессиональных знаний и умений (10%), больше заинтересованности и равнодушия к пациентам (10%).

По мнению пациентов противотуберкулезного диспансера, возможными причинами низкого качества работы медсестер являются: их равнодушие и незаинтересованность (85%), дефицит профессиональных знаний и умений (80%), несогласованность в работе (60%), низкая оплата труда (35%), высокая нагрузка (35%), большой объем документации (25%). В сравнении с пациентами офтальмологического отделения пациенты противотуберкулезного диспансера значимо чаще указывают на такие причины низкого качества работы медсестер, как их равнодушие и незаинтересованность (φ^* эмп. = 5,382; $p \leq 0,01$) и дефицит у них профессиональных знаний и умений (φ^* эмп. = 4,965; $p \leq 0,01$).

На вопрос о том, какие качества медсестер данного отделения препятствуют повышению уровня медицинского обслуживания в данном отделении, пациенты офтальмологического отделения указали на недостаточно высокую эмоциональную уравновешенность медсестер в конфликтных ситуациях (15%), внимательность при выполнении врачебных назначений (15%), терпимость медсестер к пациентам (10%), на дефицит искреннего участия и сострадания (5%). Пациенты противотуберкулезного диспансера указали на такие качества медсестер, как равнодушие и невнимательность к больным (85%), резкость и несдержанность (65%), конфликтность и неумение общаться с пациентами и друг с другом (40%), эмоциональную неуравновешенность (25%), безответственность (15%). Таким образом, представления о том, какие качества медсестер препятствуют повышению уровня медицинского обслуживания, у пациентов офтальмологического отделения и противотуберкулезного диспансера существенно не различаются и в основном включают не деловые и профессиональные качества медсестер, а их особенности как субъектов общения с пациентами. Вместе с тем, количество испытуемых, указавших различные качества медсестер, препятствующие повышению уровня медицинского обслуживания, среди пациентов противотуберкулезного диспансера оказалось значительно выше, чем среди пациентов офтальмологического отделения.

На вопрос о том, что бы хотелось изменить в отношении медицинских сестер с пациентами, 15% пациентов офтальмологического отделения указали, что хотели бы получать больше человеческого тепла, внимания, заботы и милосердия от медсестер, 5% опрошенных пожелали, чтобы медсестры больше внимания уделяли больным, а не порядку в тумбочках. На тот же вопрос пациенты противотуберкулезного диспансера указали на следующее: чтобы медсестры были более внимательны к больным (45%), вели себя с ними более корректно (35%), относились более доброжелательно (30%), проявляли к ним больше уважения (25%), не провоцировали возникновение конфликтных ситуаций (20%), проявляли больше сострадания к тяжелым больным (10%).

В числе пожеланий по улучшению качества сестринского обслуживания 20% опрошенных пациентов высказались, чтобы медицинские сестры были более доброжелательными, 15% пациентов предложили увеличить количество сотрудников среднего звена, 10% пациентов – повысить медсестрам зарплату. 60% опрошенных пациентов противотуберкулезного диспансера высказались за то, чтобы руководители не «смотрели сквозь пальцы» на неправильные действия медсестер по причине кадровой нехватки последних, 45% испытуемых выразили желание, чтобы медсестры были более компетентными и доброжелательными, 30% пациентов – качественно и своевременно

выполняли назначения врача и во время вечерних дежурств не покидали отделение надолго.

Результаты изучения характера взаимоотношений между медсестрами и пациентами офтальмологического отделения и противотуберкулезного диспансера, а также представлений медицинских сестер и пациентов о профессиональных и личностных качествах идеальной медицинской сестры представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Характеристики взаимоотношений между медсестрами и пациентами

Вопрос	Количество выборов, %			
	Офтальмологическое отделение		Противотуберкулезный диспансер	
	медсестры	пациенты	медсестры	пациенты
Как Вы считаете, достаточно ли персонала в отделении?				
- да	100,00	75,00	100,00	65,00
- нет	0,00	25,00	0,00	30,00
- затрудняюсь ответить	0,00	0,00	0,00	5,00
Какие отношения, в большинстве случаев, у Вас складываются с пациентами (медсестрами)?				
- доверительные	0,00	15,00	0,00	0,00
- доброжелательные;	60,00	60,00	10,00	10,00
- равнодушные;	0,00	20,00	0,00	80,00
- строго профессиональные;	40,00	0,00	90,00	0,00
- холодные;	0,00	0,00	0,00	5,00
- затрудняюсь ответить	0,00	5,00	0,00	5,00
Возникали ли у Вас конфликты с пациентами (медсестрами)?				
- да	100,00	10,00	100,00	60,00
- нет	0,00	90,00	0,00	40,00
Какими профессиональными качествами, на Ваш взгляд, должна обладать медсестра?				
- профессиональные навыки и знания	100,00	100,00	100,00	100,00
- исполнительность	100,00	100,00	100,00	100,00
- аккуратность	100,00	100,00	100,00	100,00
- творческий подход к работе	100,00	0,00	100,00	0,00
Какими личностными качествами, на Ваш взгляд, должна обладать медицинская сестра?				
- милосердие	40,00	0,00	30,00	0,00
- отзывчивость	20,00	80,00	30,00	60,00
- доброта	20,00	0,00	10,00	0,00
- коммуникабельность (умение общаться)	20,00	60,00	10,00	50,00
- строгость	0,00	0,00	20,00	0,00
- заботливость	0,00	100,00	0,00	80,00
- внимательность	0,00	90,00	0,00	75,00
- терпеливость	0,00	90,00	0,00	80,00
- уравновешенность	0,00	95,00	0,00	100,00

Результаты анкетирования, представленные в таблице 2, показали, что 60% медсестер офтальмологического отделения и только 10% медсестер противотуберкулезного

диспансера оценивают свои отношения с пациентами как доброжелательные. 40% медсестер офтальмологического отделения и 90% медсестер противотуберкулезного диспансера указали, что в большинстве случаев у них складываются строго профессиональные отношения с пациентами.

Отношения медсестер к больным расценивают как равнодушные 20% пациентов офтальмологического отделения и 80% пациентов противотуберкулезного диспансера, как доверительные – 15% пациентов офтальмологического отделения, как холодные – 5% пациентов противотуберкулезного диспансера.

Таким образом, по сравнению с пациентами офтальмологического отделения пациенты противотуберкулезного диспансера менее склонны оценивать отношения медсестер к больным как доброжелательные и чаще характеризуют их как равнодушные.

Статистическая значимость выявленных различий оценивалась с помощью критерия φ^* Фишера. Установлено, что среди пациентов противотуберкулезного диспансера доля лиц, расценивающих отношения медсестер как доброжелательные, значимо ниже (φ^* эмп. = 3,567; $p \leq 0,01$), а доля лиц, расценивающих отношения медсестер как равнодушные, значимо выше (φ^* эмп. = 4,07; $p \leq 0,01$), чем среди пациентов офтальмологического отделения.

100% медсестер обеих групп указали, что у них возникали конфликтные ситуации с пациентами. При этом 90% пациентов офтальмологического отделения и 10% пациентов противотуберкулезного диспансера отрицают, что у них возникали конфликты с сестринским персоналом, а 10% пациентов офтальмологического отделения и 90% пациентов противотуберкулезного диспансера указали на наличие конфликтов. Данные различия являются статистически значимыми (φ^* эмп. = 5,863; $p \leq 0,01$).

На вопрос, какими личными качествами должна обладать медсестра, 40% медсестер офтальмологического отделения и 30% медсестер противотуберкулезного диспансера указали на милосердие, 20% медсестер офтальмологического отделения и 30% медсестер противотуберкулезного диспансера – отзывчивость, 20% медсестер офтальмологического отделения и 10% медсестер противотуберкулезного диспансера – доброту, 20% медсестер офтальмологического отделения и 10% медсестер противотуберкулезного диспансера – коммуникабельность, 20% медсестер противотуберкулезного диспансера – строгость.

На вопрос о том, какой должна быть медицинская сестра, респондентам позволялось выбрать несколько вариантов ответов. Пациенты офтальмологического отделения указали: заботливой (100%), исполнительной (100%), уравновешенной (95%), терпеливой (90%), внимательной (90%), отзывчивой (80%), общительной (60%). Пациенты противотуберкулезного диспансера отметили следующие качества: исполнительной (100%), уравновешенной (100%), терпеливой (80%), заботливой (80%), внимательной (75%), отзывчивой (60%), общительной (50%). Результаты говорят о том, что представления об идеальной медсестре у пациентов офтальмологического отделения и противотуберкулезного диспансера существенно не различаются.

Далее мы предложили пациентам двух групп оценить по 10-балльной шкале степень выраженности каждого из указанных качеств у медицинских сестер соответствующих отделений. В таблице 3 представлены средние значения и стандартные отклонения в оценке пациентами двух групп указанных качеств медсестер и результаты сравнительного анализа этих показателей с помощью U-критерия Манна-Уитни.

Таблица 3 – Оценка больными выраженности профессиональных качеств у медсестер

Оцениваемые качества	Среднее значение $\pm$ стандарт. отклонение		Результаты U-критерия	
	Группа 1	Группа 2	U эмпирическое	p
Заботливость	4,95 $\pm$ 1,36	2,50 $\pm$ 1,05	31,00	$\leq 0,01$
Исполнительность	8,20 $\pm$ 1,06	4,50 $\pm$ 1,47	7,50	$\leq 0,01$
Отзывчивость	6,65 $\pm$ 1,35	2,65 $\pm$ 0,93	4,00	$\leq 0,01$
Внимательность	6,70 $\pm$ 1,08	2,90 $\pm$ 0,97	0,00	$\leq 0,01$
Общительность	4,50 $\pm$ 2,09	2,20 $\pm$ 0,77	56,50	$\leq 0,01$
Терпеливость	5,15 $\pm$ 1,42	2,95 $\pm$ 1,23	50,00	$\leq 0,01$
Уравновешенность	3,85 $\pm$ 1,56	3,20 $\pm$ 1,06	144,00	$<0,05$
Примечание: группа 1 – пациенты офтальмологического отделения; группа 2 – пациенты противотуберкулезного диспансера				

Согласно данным таблицы 3, пациенты противотуберкулезного диспансера оценивают степень выраженности большинства исследуемых качеств у медсестер своего отделения значимо ниже, чем пациенты офтальмологического отделения (для всех сравнений при $\leq 0,01$), за исключением качества «уравновешенность», по которому не выявлено значимых различий ($p < 0,05$). По мнению пациентов обеих групп, уравновешенность у медсестер соответствующих отделений развита слабо.

Таким образом, результаты анкетирования свидетельствуют о том, что в сравнении с медсестрами офтальмологического отделения, у медсестер противотуберкулезного диспансера значимо ниже удовлетворенность своей работой ($p \leq 0,01$). Они значимо реже характеризуют свои отношения с пациентами как доброжелательные ($p \leq 0,01$) и значимо чаще расценивают их как строго профессиональные ($p \leq 0,01$). Они значимо чаще оценивают свои отношения с пациентами как удовлетворительные ($p \leq 0,01$), значимо реже испытывают к пациентам доброжелательные чувства ($p \leq 0,01$) и значимо чаще испытывают раздражение в связи с проявлением пациентами таких качеств, как нежелание выполнять правила внутреннего распорядка и просьбы медперсонала ($p \leq 0,01$), капризность ($p \leq 0,01$), агрессивность ($p \leq 0,05$).

Пациенты противотуберкулезного диспансера значимо ниже оценивают степень выраженности у медсестер своего отделения таких качеств, как заботливость, исполнительность, отзывчивость, внимательность, общительность и терпеливость (для всех при $p \leq 0,01$). Среди них значимо выше доля лиц, имевших конфликты с сестринским персоналом ($p \leq 0,01$). Они значимо чаще отмечают невнимательность ($p \leq 0,01$), равнодушие ($p \leq 0,01$) и непрофессионализм медсестер ($p \leq 0,05$) и значимо чаще относят эти особенности к причинам низкого качества их работы ($p \leq 0,01$). Полученные данные могут быть обусловлены как психологическими особенностями больных туберкулезом, так и некомпетентными действиями и негативными установками медсестер по отношению к пациентам противотуберкулезного диспансера.

Для выявления преобладающих типов отношений к окружающим у пациентов противотуберкулезного диспансера и офтальмологического отделения использовалась методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири. Процентные соотношения испытуемых с разным типом отношений к окружающим среди пациентов офтальмологического отделения и противотуберкулезного диспансера и результаты их сравнительного анализа по критерию ϕ^* Фишера представлены в таблице 4.

Таблица 4 – Распределение испытуемых с разным типом отношений к окружающим в двух группах пациентов и результаты их сравнения по критерию χ^2 Фишера

Тип отношений	Доля лиц, %		Критерий χ^2 Фишера	
	Группа 1	Группа 2	χ^2 эмп.	p
Властный-лидирующий	5,00%	10,00%	0,610	>0,05
Независимый-доминантный	0,00%	15,00%	-	-
Прямолинейно-агрессивный	0,00%	35,00%	-	-
Недоверчивый-скептический	0,00%	25,00%	-	-
Покорный-застенчивый	5,00%	0,00%	-	-
Зависимый-послушный	30,00%	5,00%	2,239	≤0,05
Сотрудничающий-конвенциональный	30,00%	5,00%	2,239	≤0,05
Ответственно-великодушный	30,00%	0,00%	-	-
Примечание: группа 1 – пациенты офтальмологического отделения; группа 2 – пациенты противотуберкулезного диспансера				

Таким образом, по оценкам медсестер офтальмологического отделения, пациентам данного отделения, в целом, присущи признаки умеренно-выраженного и зависимо-послушного типа отношений к окружающим. Это означает, что, по мнению медсестер офтальмологического отделения, пациенты этого отделения, в целом, отличаются исполнительностью, ответственностью, некоторой тревожностью, мнительностью, зависимостью от чужого мнения; повышенной чувствительностью к средовым воздействиям, особенно к невниманию и грубости; испытывают потребность в теплых отношениях. Эти данные могут быть обусловлены как психологическими особенностями пациентов офтальмологического отделения, так и особенностями опекающего и заботливого отношения к ним со стороны сестринского персонала данного отделения.

По оценкам медсестер противотуберкулезного диспансера, пациентам данного отделения, в целом, присущи признаки умеренно-выраженного недоверчиво-скептического типа отношений к окружающим. Это означает, что, по мнению медсестер противотуберкулезного диспансера, пациенты, больные туберкулезом, в целом, отличаются замкнутостью, скрытностью, критичностью, скептицизмом, необщительностью, недоверием к людям, проявлениями негативизма в вербальной агрессии, трудностями в межличностных контактах из-за неуверенности в себе, подозрительностью и боязнью плохого отношения. Полученные данные могут быть обусловлены как психологическими особенностями пациентов, страдающих туберкулезом, так и особенностями отношения к ним со стороны сестринского персонала данного учреждения.

Таким образом, в результате исследования преобладающих типов отношений к окружающим у пациентов противотуберкулезного диспансера и пациентов офтальмологического отделения выявлено следующее: среди пациентов офтальмологического отделения преобладают лица с зависимо-послушным, сотрудничающе-конвенциональным и ответственно-великодушным типами отношений, которые оптимальны для комплаенса. Среди пациентов противотуберкулезного диспансера преобладают лица с независимо-доминантным, прямолинейно-агрессивным и недоверчиво-скептическим типами отношений, которые не способствуют установлению

комплаенса. Доля лиц с преобладающим сотрудничающе-конвенциальным и зависимо-послушным типами отношений к окружающим в группе пациентов противотуберкулезного диспансера достоверно ниже (для всех при $p \leq 0,05$), чем в группе пациентов офтальмологического отделения.

Для выявления преобладающих типов отношений к окружающим у медсестер противотуберкулезного диспансера и офтальмологического отделения использовалась методика «Диагностика межличностных отношений» Т. Лири.

Соотношения медсестер с разным типом отношений к окружающим отражено на рисунке 1.

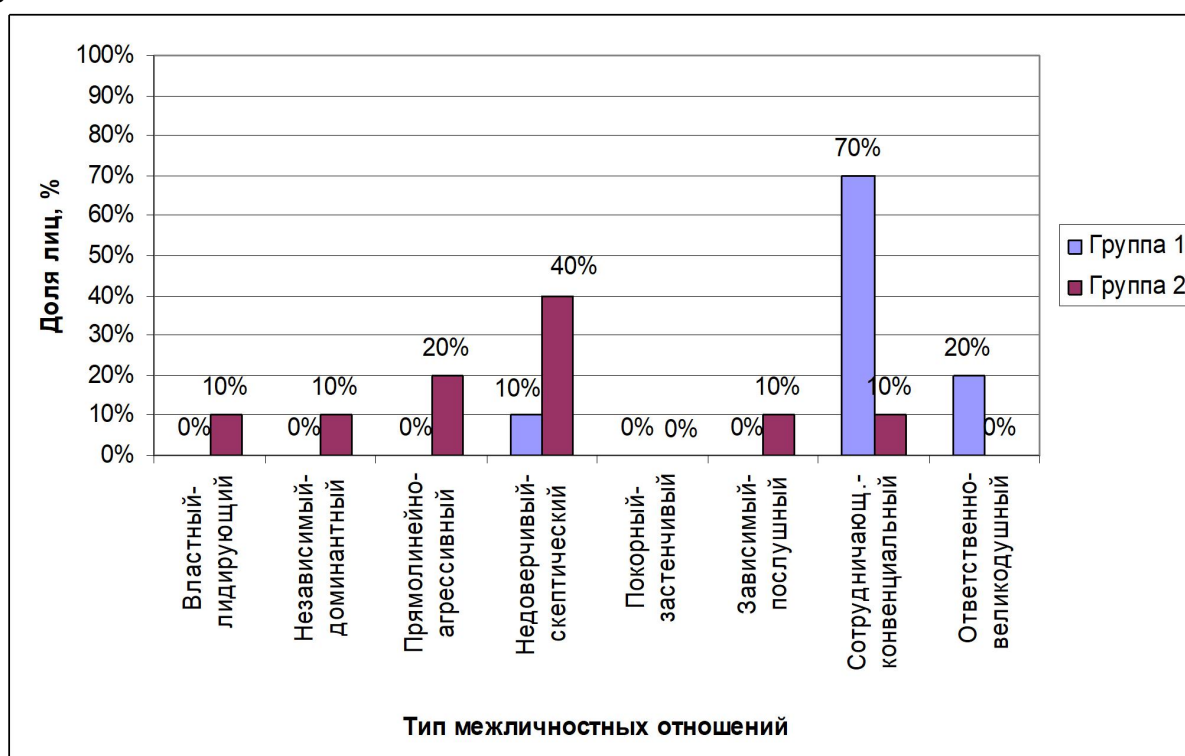

Рисунок 1 – Распределение лиц с разным типом отношений к окружающим в двух группах медсестер (группа 1 – медсестры офтальмологического отделения; группа 2 – медсестры противотуберкулезного диспансера)

Как свидетельствуют представленные на рисунке 1 данные, среди медсестер офтальмологического отделения преобладают лица с сотрудничающе-конвенциальным и ответственно-великодушным типами отношений к окружающим, которые оптимально подходят для продуктивного сотрудничества как с пациентами, так и с коллегами в трудовом коллективе.

Среди медсестер противотуберкулезного диспансера преобладают лица с недоверчиво-скептическим и прямолинейно-агрессивным типами отношений к окружающим, которые неприемлемы для отношений делового сотрудничества с пациентами и с коллегами. Они свидетельствуют о преобладании в неформальной структуре межличностных отношений среднего медперсонала данного отделения таких явлений, как враждебность, прямая агрессия, нездоровая конкуренция, недоверие, страх и показное послушание.

Статистическая значимость выявленных различий оценивалась с помощью критерия χ^2 Фишера (таблица 5).

Таблица 5 – Результаты сравнительного анализа данных по критерию ϕ^* Фишера

Тип межличностных отношений	Группа 1, %	Группа 2, %	ϕ^* эмп.	p
Сотрудничающий-конвенциональный	70,00	10,00	2,992	$\leq 0,01$
Недоверчивый-скептический	10,00	40,00	1,642	$\leq 0,05$

Согласно результатам оценки данных по критерию ϕ^* Фишера, представленным в таблице 4, в группе обследованных медсестер офтальмологического отделения доля лиц с преобладанием сотрудничающе-конвенционального типа отношений к окружающим достоверно выше (при $p \leq 0,01$), а доля лиц с преобладанием недоверчиво-скептического типа отношений к окружающим достоверно ниже (при $p \leq 0,05$), чем в группе медсестер противотуберкулезного диспансера.

Исследование коммуникативных установок у медсестер осуществлялось с помощью методики «Диагностика коммуникативных установок» В.В. Бойко. Статистическая значимость выявленных различий оценивалась с помощью U-критерия Манна-Уитни. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 6.

Таблица 6 – Результаты сравнительного анализа по U-критерию Манна-Уитни

Оцениваемые качества	Среднее значение $\pm$ стандарт. отклонение		Результаты U-критерия	
	Группа 1	Группа 2	U эмп.	p
Завуалированная жестокость в отношениях	0,10 $\pm$ 0,32	0,40 $\pm$ 0,70	39,50	$> 0,05$
Открытая жестокость в отношениях к людям	0,00 $\pm$ 0,00	0,10 $\pm$ 0,32	45,00	$> 0,05$
Обоснованный негативизм в суждениях о людях	0,30 $\pm$ 0,48	0,90 $\pm$ 0,74	27,00	$\leq 0,05$
Брюзжание	0,40 $\pm$ 0,52	0,60 $\pm$ 0,84	46,00	$> 0,05$
Негативный личный опыт общения с окружающими	0,50 $\pm$ 0,53	1,10 $\pm$ 0,88	32,50	$> 0,05$
Общий показатель негативных установок	1,30 $\pm$ 1,30	3,20 $\pm$ 2,00	24,00	$\leq 0,05$
Примечание: группа 1 – пациенты офтальмологического отделения; группа 2 – пациенты противотуберкулезного диспансера				

Как свидетельствуют данные таблицы 6, в сравнении с медсестрами офтальмологического отделения, в группе медсестер противотуберкулезного диспансера значимо выше показатели обоснованного негативизма в суждениях о людях ($U_{\text{эмп.}} = 27$; $p \leq 0,05$) и общий показатель негативных коммуникативных установок ($U_{\text{эмп.}} = 24$; $p \leq 0,05$).

Таким образом, в ходе эмпирического исследования было выявлено, что характеристики межличностных отношений среднего медицинского персонала с пациентами определяются коммуникативными установками как больных, так и медсестер. Медсестры и пациенты противотуберкулезного диспансера не удовлетворены характером межличностных отношений. При этом, медсестрам противотуберкулезного диспансера присущи признаки умеренно-выраженного, недоверчиво-скептического типов межличностных отношений. Среди пациентов противотуберкулезного диспансера преобладают лица с независимо-доминантным, прямолинейно-агрессивным и недоверчиво-скептическим типами межличностных отношений.

На наш взгляд, характер сложившихся отношений во многом предопределяется личностными деформациями больных туберкулезом. Средний медицинский персонал эмоционально отрицательно реагирует на проявление негативных личностных

особенностей пациентов, сформировавшихся в ходе болезни. Для создания же комплаенса в общении медсестра – больной необходимо у среднего медицинского персонала сформировать готовность к безусловному принятию пациентов на основе знаний о психологических особенностях больных туберкулезом, научить оказывать им психологическую поддержку.

Список литературы

1. Абрамова Е.А. Психосоциальная реабилитация больных туберкулезом // Медицина и образование в Сибири: сетевое научное издание. 2008. № 6. URL: <http://www.ngmu.ru/> (дата обращения: 05.01.2018).
2. Горбунова Н.В. Социально-психологические особенности пациентов, больных туберкулезом // Молодой ученый. 2012. № 11. С. 350-353.
3. Кабанов М.М. Методы психологической диагностики и коррекции в клинике. М.: Медицина, 1985. 296 с.
4. Карачунский М.А. Туберкулез сегодня. М.: Карон-Пресс, 2008. С. 10-23.
5. Квасенко А.В. Психология больного. СПб.: МедПресс-Информ, 2011. 184 с.
6. Конечный Р. Психология в медицине. пер. с чешск. Прага: Авиценум, 1983. 407 с.
7. Кошечкин В.А. Туберкулез: учеб. пособие. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 304 с.
8. Лакосина Н.Д. Медицинская психология. М.: Медицина, 2014. 312 с.
9. Менделевич В.Д. Клиническая и медицинская психология: практическое руководство. М.: МедПресс-Информ, 2001. 592 с.
10. Николаева В.В. Личность в условиях хронического соматического заболевания: Автореф. дис. ... д-ра. психол. наук. М., 1992. 48 с.
11. Практическая психодиагностика: практическое пособие / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. Самара: Бахрах-М, 1998. 496 с.
12. Солондаев В.В. Комплаенс в общении врач–больной // Медицинская психология в России: сетевое научное издание. 2011. № 4. URL: <http://www.medpsy.ru/> (дата обращения: 05.01.2018).
13. Удалова Т.Ю. Профессиональное выгорание и эмпатия медицинских работников противотуберкулезных диспансеров // Курский научно-практический вестник «Человек и его здоровье». 2017. № 1 С. 124-129.
14. Харди И. Врач, сестра, больной. Психология работы с больными. Будапешт: Изд-во АН Венгрии, 1988. 338 с.

2.5. Субъективная оценка риска и страхование

Еще на заре своего существования человечество столкнулось с множеством опасностей и рисков, угрожающих его жизни и хозяйственной деятельности, некоторые из них были непредсказуемы и носили катастрофический характер. Видоизменение рисков оказывает прямое влияние на обновление страхового дискурса. На начальных этапах развития цивилизации основные опасности, угрожающие обществу, были связаны с естественной средой обитания человека: наводнение, пожар, землетрясение, эпидемия, засуха. Расширяющиеся горизонты человеческой деятельности привели к генерации рисков, сопряженных в первую очередь с использованием новых средств производства: пар, газ, электричество, атомная энергия. Появление новых рисков стимулировало развитие

обществом методов адаптации к ним и, соответственно, приумножение страхового дискурса. «Движущую силу классового общества можно выразить одной фразой: «Я боюсь!»¹.

Одним из приемов борьбы с опасностями является *сбережение*. Оно было свойственно человеку на самых ранних ступенях культурного развития. Путем сбережения человек пытается оградить свое хозяйство от тех случайных опасностей, которые ему угрожают. Он постепенно откладывал на “черный день” средства, которые в будущем могли возместить ему возможные потери. Сбережение не предотвращает и не подавляет опасности, оно борется с их экономическими последствиями.

Сбережение могло бы стать вполне эффективным приемом борьбы с экономическими опасностями, если бы человек мог с точностью предвидеть наступление опасности для своего хозяйства, силу ее действия и имел бы достаточно времени, чтобы накопить необходимые средства для покрытия нанесенного ущерба. Как правило, эти условия неосуществимы, когда речь идет о случайных опасностях. Кроме того, порой ущерб от наступившей опасности настолько велик, что один человек не имеет возможности его покрыть. Так, со временем идея сбережения переходит в идею *страхования*.

Страхование дает уверенность, что потери, вызываемые случайными событиями, будут вполне обеспечены, между тем как при сбережении это возможно только тогда, когда мы успели сберечь необходимые средства к моменту наступления случайного события. Целью страхования является покрытие случайно возникающих имущественных потребностей посредством взаимных взносов многих лиц². Каждый отдельный человек сам по себе не в состоянии удовлетворить всякую потребность, которая может наступить, в особенности, если ее наступление до известной степени зависит от случая. В то время как целая группа людей могла бы удовлетворить такую потребность, конечно, если она не наступит для всех одновременно (но, вряд ли у 100 человек, застраховавших свои дома, все дома сгорят одновременно). Таким образом, страхование основано на принципе общего обеспечения могущей наступить потребности путем раскладки потенциального ущерба на многих.

Предпосылкой для возникновения страховых отношений всегда служит риск. У понятия «риск» есть множество определений. Риск часто трактуется как «объективный и познаваемый факт (потенциальная опасность или уже часто причиненный вред), который может быть измерен независимо от социальных процессов и культурной среды»³. Социологи рассматривают риск как амбивалентное явление: «социальный риск, - пишут С.А. Кравченко и С.А. Красиков, - есть возникновение ситуации с неопределенностью, основанной на дихотомии реальной действительности и возможности: как вероятности наступления объективно неблагоприятного последствия для социальных акторов (индивидуальных или коллективных), так и вероятности обретения выгод и благ, что субъективно воспринимается акторами в контексте определенных ценностных координат, на основании чего осуществляется выбор альтернативы действия»⁴.

У. Бек пишет о «двойном обличье рисков в развитом рыночном обществе: риски здесь не только риски, но и *рыночные шансы*»⁵. Соответственно, в рискованной ситуации положительное отклонение между плановым и фактическим результатами носит название

¹ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 60.

² Манэс А. Основы страхового дела. М.: “Анkil”, 1992. С.8.

³ Яницкий О.Н. Социология риска. – М.: Изд-во LVS, 2003.- С.2.

⁴ Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анkil, 2004. С. 24-25.

⁵ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс – Традиция, 2000. С. 56.

«шанс», отрицательное отклонение - означает «ущерб». Риск связан с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий, поэтому риск широко распространен лишь в обществах, ориентированных на будущее⁶. Он также ассоциируется с неопределенностью будущей ситуации⁷.

Для страховщиков понятие «риск» специфично, отмечает Р.Т. Юлдашев, и означает опасность неблагоприятного исхода, гипотетическую возможность наступления ущерба, событие с отрицательными последствиями, вероятность понести убыток или упустить выгоду⁸. Опасность при определённых условиях приводит к риску. Однако опасность можно минимизировать или даже вовсе устранить с помощью определённых политических или экономических средств.

Все концепции риска объединяет общая черта, заключающаяся в отличии между реальностью и вероятностью⁹. Психологи делают акцент на непредсказуемость в определении риска. Риск-это «ситуация или событие, в ходе которого нечто, представляющее особенную ценность для человека находится под угрозой, и результат этой ситуации или события невозможно предсказать»¹⁰. Неопределённость часто связана с риском, и во многих бихевиористских теориях психологическая неопределённость рассматривается как важная составляющая, формирующая поведение человека в ситуациях с непредсказуемым исходом.

Неопределённость – это психологическое понятие. Неопределённость существует только в голове индивида, если бы человеческие знания были бы совершенны, то неопределённости просто бы не существовало. Восприятие риска структурируется культурными и социальными концептами, индивидуальной оценкой окружающего мира. Иными словами, понимание риска чрезвычайно субъективно, и каждый индивид чувствителен к своей уникальной комбинации значимых для него рисков.

Восприятие риска это субъективная оценка вероятности наступления некой опасности, а также степень озабоченности индивида последствиями могущей наступить опасности. Восприятие риска как важная концепция впервые было упомянуто на политической арене в 1960-х гг., когда население было очень взволновало ростом современных технологий, особенно развитием ядерной промышленности¹¹. В этой связи необходимо упомянуть, что исследования того периода открыли такую черту риска, как его добровольность. И индивид, и общество в целом готовы принимать риски в той поре и в том объёме, пока они видят «выгоду» от принятия рисков. Покупка и вождение автомобиля, например, являются исключительно добровольными решениями. При этом статистика по несчастным случаям страховых компаний свидетельствует о то, что автомобиль является самым опасным транспортным средством. Гораздо опаснее по числу аварий со смертельным исходом, чем самолёт или поезд.

⁶ См.: Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004. С. 39.

⁷ См.: Зубок Ю.А., Смакотина Л.Н. Неопределенность социальная // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008. С. 299; Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008.

⁸ См.: Юлдашев Р.Т. Страховой бизнес. Словарь-справочник. М.: Анкил, 2000. С. 181.

⁹ Прим. автора: вероятностью наступления катастрофического события.

¹⁰ Rosa E.A. The logical structure of the social amplification of risk framework: Metatheoretical foundation and policy implications, The social amplification of risk. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 56.

¹¹ См.: Sjöberg L, Moen B.E. Explaining risk perception. An evaluation of the psychometric paradigm in risk perception research. - Trondheim, Norway: Rotunde publikasjoner, 2004. P.8.

Важнейшим фактором, учитываемым в страховании, является чувствительность индивида к риску или оценка риска. Это, с одной стороны, высокая оценка страхуемого имущества или интереса, а, с другой стороны – страх потерять его (или высокая оценка угрожающей опасности). Если, например, клиент дорожит своим новым автомобилем и боится угона, то он, скорее всего, задумается о его страховании. Сюда также может относиться, например, страхование автогражданской ответственности, если человек много ездит на своей машине, регулярно видит аварии на дорогах или сам в них попадал.

Чувствительность к риску – это субъективное, символическое понятие. «Риск не существует сам по себе, не зависимо от нашего ума и культуры»¹². Восприятие риска обусловлено широкой совокупностью психологических, социальных, институциональных и культурных факторов. В 1998 г. Д.Р. Куабенан в своей статье представил результаты исследования связи между частотой дорожных происшествий в Кот-Д'Ивуаре и культуры восприятия риска населением этой африканской страны. В исследовании принимали участие 553 человека (от 18 до 55 лет) разного вероисповедания и профессий, оценивалась их степень фатализма, а также индивидуальное восприятие риска и несчастных случаев¹³.

Результаты показали, что повышенный фатализм и вера в мистическое оказывает значительное влияние на восприятие несчастных случаев, приводит к рискованному поведению на дороге и, соответственно, к пренебрежению мерами предосторожности. Второе исследование Д.Р. Куабенана должно было выявить, как воспринимают опасности на дороге и риски несчастного случая люди разных профессий, с разным опытом вождения¹⁴. Восприятие риска и несчастных случаев было проанализировано с помощью трёх независимых переменных: профессия респондента, водительский стаж и присутствие/отсутствиенесчастных случаев в опыте вождения. В опросе приняли участие 553 респондента из Кот-Д'Ивуара (Западная Африка) в возрасте от 18 до 55 лет. Результаты показали, что практически все участники исследования склонны преувеличивать риск дорожных происшествий. И опытные, и менее опытные водители в это стране склонны замечать внешние, фатальные причины в несчастных случаях на дорогах. Пережитый респондентом несчастный случай не имел выраженного влияния на индивидуальное восприятие риска и опасностей на дороге, разве что выражался в более осторожном поведении во время движения.

Сама опасность представляет собой определенный знак, а чувствительность к ней – это отношение к знаку, его эмоциональная окраска. Эмоциональное значение стереотипов играет в экономических отношениях очень большую роль. Как показывают исследования, страх – это основной мотив страхования населения. Он представляет собой эмоциональную оценку грозящей опасности. Страх – это эмоциональный, субъективный аналог математической вероятности реализации определенного неблагоприятного события. Финансовым аналогом страха является средняя стоимость ущерба от неблагоприятных событий за определенный промежуток времени. Значимость тех или иных опасностей в общественном сознании может не совпадать с реальной вероятностью их наступления. Средний страхователь не может правильно определить ее, поэтому в массовом сознании реальный размер опасности часто замещается определенным страхом, знаком,

¹² См.: *Sjoberg L, Moen B.E.* Explaining risk perception. An evaluation of the psychometric paradigm in risk perception research. Trondheim, Norway: Rotunde publikasjoner, 2004. P.10.

¹³ См.: *Kouabenan D.R.* Beliefs and the perception of risks and accidents// *Risk Analysis*, 18 (3), 1998, P. 243-254.

¹⁴ См.: *Kouabenan D.R.* Occupation, driving experience and risk and accident perception// *Journal of Risk Research*, 5 (1), 2002, 49-68

субъективным символом, имеющим негативную эмоциональную окраску. Так, из статистики известно, что пешеход на дороге подвергает себя гораздо большей опасности, чем шофер автомобиля, а последний рискует больше, чем пассажир самолета. Однако в общественном сознании опасности, угрожающие им, выстраиваются противоположным образом, что связано, скорее всего, с растущим отрывом от повседневной среды обитания человека. Сельские жители, проживающие в деревянных домах, часто преувеличивают опасность пожара. Как правило, родителям свойственно преувеличивать опасности, угрожающие их детям. Причина разрыва между эмоциональной и реальной оценкой опасности состоит в том, что в первом случае в нее включаются стресс, а также моральный ущерб от страхового события. Так, серия взрывов домов в Москве привела к резкому росту спроса на страхование от террористических актов, хотя реальная вероятность стать жертвой чеченских боевиков в Москве невелика. Причина роста спроса на страхование объясняется именно страхом перед терроризмом.

Индивидуальное восприятие риска сильно подвержено воздействию средств массовой информации. Исследования показывают, что люди часто воспринимают наиболее частыми причинами смерти те, которые чаще всего упоминаются в медиа, а не те, которые реально отражены в статистике смертности¹⁵. Например, в средствах массовой информации не были упомянуты случаи смерти от последствий употребления генетически модифицированных продуктов питания или от отходов ядерной промышленности, такие случаи также никогда не были зафиксированы в статистических базах. Однако люди склонны видеть в этом большую опасность и риск. Вопрос, почему это происходит? Потому что эти темы очень часто поднимаются в СМИ.

Современные средства массовой информации всё же дают более или менее сбалансированную картину несчастных случаев и рисков. Нет данных, что медиа более охотно освещают риски малой вероятности или риски катастрофическими последствиями. Чаще всего в новостях мелькают репортажи о так называемых «обычных несчастных случаях», дорожных происшествиях с небольшим количеством потерпевших, без больших последствий. СМИ являются не единственным каналом информации, который влияет на восприятие риска. Фильмы, сериалы, сплетни и слухи, личные контакты также формируют отношение к риску.

Субъективные и объективные оценки опасности несоизмеримы между собой. Для того чтобы привести их к единой шкале, можно, например, попытаться перевести вероятность реализации неблагоприятного события и его среднюю стоимость на язык субъективных оценок и сопоставить со значимостью риска. При этом оценка премии и вероятности осуществляется по субъективной шкале «много – мало». Субъективная оценка опасности может быть как выше, так и ниже значимости его денежного эквивалента, которая, в свою очередь, сильно зависит от имущественного уровня страхователя. Поэтому, если страховая компания хочет добиться существенного экономического результата, она должна искать риски и потребителей, для которых оценка опасности выше, чем значимость стоимости полиса, защищающего от нее. Опыт показывает, что чем выше потребительская оценка риска, тем больше страхователь готов платить за избавление от него. Поэтому страховщики часто поднимают цены полисов по наиболее востребованным видам выше обоснованного уровня, что обеспечивает им дополнительный доход. Здесь, однако, есть

¹⁵ См.: *Sjoberg L, Moen B.E.* Explaining risk perception. An evaluation of the psychometric paradigm in risk perception research. - Trondheim, Norway: Rotunde publikasjoner, 2004. – P. 21.

Субъективная оценка рисков больше характерна для населения. Конфликт между обыденным и экспертным восприятием риска представляет собой саму драматичную дилемму риск - менеджмента. Задача эксперта в области управления рисками заключается в том, чтобы максимально объективно оценить риск, используя статистические данные, математические модели и прочие инструменты объективного анализа. В то время как населению - «не-экспертам», присуще культурно, социально и психологически обусловленное восприятие риска, как это было рассмотрено ранее.

Рисунок 1. Глобальные риски для мирового развития: взгляд из Давоса

NAME MONITORING NUMBER DATE OF TEST

На глобальном уровне наиболее значимыми международным экспертам представляются риски изменения климата, роста природных катаклизмов, старения населения, роста различий в уровне доходов, благосостояния и поляризации общества, роста терроризма, роста киберзависимости и сбоев информационных систем. Может показаться, что риски, представленные в давосском исследовании, слишком глобальны, оторваны от реальности. Но надо понимать, что, во-первых, это именно глобальные риски – при проецировании на страновой уровень, конкретизируются и уточняются. А во-вторых, такой, казалось бы, отвлеченный риск, как старение населения, логично преломляется во

вполне поддающиеся количественному измерению вещи вроде пенсионного обеспечения или здравоохранения. А из оценки этих последних, в свою очередь, также логично вытекают коррективы в программах медстрахования или страхования жизни. Но самое главное – карта рисков отражает реальную повестку дня глобальных риск-менеджеров, очерчивает те опасности, которые их волнуют.

Таблица 1 - Динамика взносов по видам страхования

Вид страхования	Доля вида на рынке, 1-е пол. 2017 г., %
Страхование жизни	21,9
ОСАГО	16,9
Добровольное медицинское страхование	15,2
Страхование автокаско	12,0
Страхование от несчастных случаев и болезней	8,5
Страхование прочего имущества юридических лиц	8,1
Страхование прочего имущества граждан	3,9
Государственное страхование жизни и здоровья военнослужащих и приравненных к ним в обязательном государственном страховании лиц	2,8
Страхование финансовых рисков	1,8
Страхование гражданской ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по договору	1,7
Страхование грузов	1,3
Страхование гражданской ответственности за причинение вреда третьим лицам	1,2
Страхование средств воздушного транспорта	0,9
Страхование предпринимательских рисков	0,8
Сельскохозяйственное страхование	0,4
Страхование средств водного транспорта	0,4
Обязательное страхование ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте	0,3
Иные виды страхования	1,7
Итого	100,0

Источник: RAEX (Эксперт РА), по данным Банка России¹⁶

Исходя из карты наиболее важных, по мнению экспертов рисков, основными видами страхования, востребованными у населения на данном этапе должны быть:

1. Обязательное страхование ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте (как превентивная мера на

¹⁶ https://raexpert.ru/researches/insurance/bsr_2017/part3

возросшие, по мнению экспертов, риски изменения климата и рост природных катаклизмов);

2. Страхование жизни и пенсионное страхование (как ответ на глобальную тенденцию старения населения);

3. Страхование финансовых рисков (как защита от кибератак и сбоев информационных систем, которым в первую очередь подвержены банковские системы);

4. Страхование средств воздушного транспорта и других видов транспорта, перевозящих пассажиров (статистика свидетельствует об учащении террористических атак, связанных с эксплуатацией транспортных средств).

Проанализируем данные по взносам по видам страхования в России за первую половину 2017 г. Какие риски показались россиянам наиболее значимыми и требующими страхового покрытия? Совпадает ли мнение экспертов и чувствительность населения к рискам, упомянутыми экспертами?

Доля обязательное страхования ответственности владельца опасного объекта за причинение вреда в результате аварии на опасном объекте, страхование финансовых рисков, страхование средств воздушного транспорта менее 2% от общего количества собранных страховых премий. Можно сказать, что население России практически не страхует наиболее значимые с экспертной точки зрения риски. Страхование даже на бытовом уровне не воспринимается как значимый элемент нашей жизни. Виды страхования и те проблемы, с которыми сталкиваются население, бизнес и власть, крайне слабо связаны. В СМИ сообщается о всевозможных катастрофах (пожары, наводнения и прочее), социальных проблемах стариков и инвалидов, и крайне редко в этом контексте упоминаются страховщики. Исходя из вышесказанного, страхование зачастую воспринимается как нечто чуждое, а страховые взносы – как поборы. Последнее тесно связано с проблемой доверия, существующую в российском страховом дискурсе.

Эксперты в управлении рисками оперируют фактами и цифрами годовой статистики. Предприятия в лице менеджеров, принимающих решение о страховании, как правило, способны объективно оценить опасность на основании соответствующей статистики по ущербам. В частности, с ее помощью может быть построено распределение убытков за определенный период времени. За счет этого можно сопоставить уровень риска и страховую премию по полису, защищающему от него. Индивид, принимающий решение, о передаче значимого для него риска страховщику, не обладает знаниями, позволяющими произвести экспертную оценку риска. Здесь он всецело полагается на страховщика как на надёжного эксперта, и доверие в этом взаимодействии играет важнейшую роль.

Польский социолог П. Штомпка различает несколько разновидностей доверия: личное, категориальное, позиционное, групповое, институциональное, коммерческое, системное¹⁷.

В страховых взаимоотношениях реализуется разновидность институционального доверия – доверие по отношению к крупным организациям и через эту организацию к массам анонимных функционеров и представителей таких организаций, исполняющих в них различные социальные роли. Роль страховщика, как и некоторые другие социальные роли (священник, доктор), непосредственно связана с требованием предъявить доверие. Страховщик обязывает своего клиента доверить ему информацию личного характера, которая иногда бывает, неизвестна даже членам семьи страхователя: сведения о состоянии

¹⁷ См.: Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. –М.: Логос, 2005. С. 342.

здоровья, об имуществе, находящемся в его распоряжении, при этом полная конфиденциальность переданных сведений гарантируется законом¹⁸.

Важность системы доверия проявляется в ситуации, когда в ходе совместной деятельности люди преследуют общую цель, которая не может быть достигнута каждым индивидуально¹⁹. Общая цель участников страхового взаимодействия заключается в достижении экономического благополучия. Доверие является предварительным условием и результатом сотрудничества страховщика и страхователя. При изучении роли доверия в страховых взаимоотношениях особенно следует отметить роль страховых брокеров и страховых агентов. Действуя, прежде всего в интересах страхователя, страховой брокер является ближайшим его помощником, предоставляет консультации при выборе страховщика, помощь при получении страховой выплаты, услуги сюрвейера, аварийного комиссара. Обращаясь к услугам страхового брокера или агента, страхователь имеет дело с конкретным человеком, а не с обезличенной организацией. Через страховых посредников институциональное доверие к страхованию в целом трансформируется в личное доверие, которое предусматривает прочную эмоциональную связь и стабильность отношений со страхователем.

Некоторые страховые продукты невозможно реализовать с помощью прямых продаж, не прибегая к услугам страховых посредников. Так, мировая практика страхового бизнеса свидетельствует о том, что большая доля полисов страхования жизни реализуется через агентскую сеть. Эксперименты страховых компаний использовать другие каналы продаж страхования жизни, как правило, заканчивались неудачей. В 1907 г. американская компания страхования жизни попыталась продавать полисы через отделения банка, сократила количество страховых агентов, чтобы сэкономить на выплатах агентских комиссионных. Несмотря на то, что в банке полисы можно было приобрести по более низкой цене, чем у агента, страховой компании удалось реализовать лишь 6% полисов от годичной нормы, реализуемой через агентскую сеть²⁰. Практически во всех странах розничные продажи страхования «держатся» на агентских сетях, несмотря на всю сложность и ресурсоёмкость их содержания.

По данным российских страховщиков на агентскую сеть в 2017 г. пришлось 37,8 % отобщего объёма собранных страховых премий, что является значимой цифрой²¹. Ни банк, ни Интернет, ни другие каналы продаж не могут заменить страхового агента с его участливой беседой. Принимая во внимание роль эмоциональной составляющей при продаже страхования жизни, нельзя приуменьшать значение личного доверия, которое завоевывается агентом при прямом контакте со страхователем.

Являясь цепочкой обмена отношения Страхователь – Страховщик включены в более крупную сеть обмена, в которой участвуют банки, инвестиционные фонды, акционеры страховой компании, государство, перестраховочные компании, банки, автосалоны, медицинские учреждения, туристические фирмы, страховые брокеры и агенты, аварийные комиссары, сюрвейеры, страховые пулы. И эта сеть может эффективно функционировать только на принципах добросовестности и доверия.

¹⁸ См.: ГК РФ, Ст. 946

¹⁹ См.: Фреик Н.В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки // Социс, 2006, № 11. С. 13.

²⁰ См.: Zelizer V. *Morals and Markets: the Development of Life Insurance in the United States*. N.Y.: Columbia University Press, 1983. P.122-123.

²¹ <http://www.insur-info.ru/analysis/1158/>

Вообще работа страховщика имеет много общего с врачебной практикой: и здесь, и там пациент нуждается в утешении и сочувствии, а также в вере в избавление от болезней и опасностей. Основанием для веры в первом случае является медицинский препарат (лекарство), а во втором – страховой полис. Любую веру необходимо подтверждать практикой - лекарство должно лечить, а страховой полис - компенсировать потери. Но первичной в этом тандеме является все же вера и именно за ней приходит клиент в офис компании. Защита от рисков посредством страхования должна воплотиться для потребителя в избавлении от опасности - психологическом комфорте, уверенности в себе и в своем будущем. Безопасность - понятие субъективное и эмоциональное, поэтому у страхового полиса должна быть субъективная, эмоциональная оболочка. В нее входит человеческое участие, сочувствие и сопереживание со стороны страховщика. Создание этого эмоционального окружения входит в обязанности сотрудников компании, непосредственно работающих с клиентами. Страхователь подсознательно «очеловечивает» компанию, в идеале у него должна возникнуть симпатия к страховщику. Именно поэтому многие страховщики стараются сделать так, чтобы в контактах с клиентом их всегда представлял один и тот же человек (агент), которому удалось наладить с потребителем эффективные контакты.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, Ст. 946.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс – Традиция, 2000.
3. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь Мир, 2004.
4. Zubok Ю.А., Смакотина Л.Н. Неопределенность социальная // Социология молодежи. Энциклопедический словарь / Отв. ред. Ю.А. Zubok, В.И. Чупров. М.: Academia, 2008; Zubok Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях.
5. Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004.
6. Манэс А. Основы страхового дела. М.: "Анкил", 1992.
7. Фрейк Н.В. Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки // Социс, 2006, № 11.
8. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М.: Логос, 2005.
9. Юлдашев Р.Т. Страховой бизнес. Словарь-справочник. М.: Анкил, 2000.
10. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: Изд-во LVS, 2003.
11. Kouabenan D.R. Beliefs and the perception of risks and accidents// Risk Analysis, 18 (3), 1998.
12. Kouabenan D.R. Occupation, driving experience and risk and accident perception // Journal of Risk Research, 5 (1), 2002.
13. Rosa E.A. The logical structure of the social amplification of risk framework: Metatheoretical foundation and policy implications, The social amplification of risk. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
14. Sjoberg L, Moen B.E. Explaining risk perception. An evaluation of the psychometric paradigm in risk perception research. - Trondheim, Norway: Rotunde publikasjoner, 2004.
15. Zelizer V. Morals and Markets: the Development of Life Insurance in the United States. N.Y.: Columbia University Press, 1983.
16. www.insur-info.ru.
17. www.raexpert.ru.

ГЛАВА 3. СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

3.1. Психологическое здоровье общества и социальная психология здоровья

Психологическое здоровье общества является интегральным показателем культуры и развития общества, определяется социально-психологическими установками каждого его индивида на самопознание, самовоспитание и самореализацию здоровьесберегающей деятельности, которые опосредованы культурными традициями, образованием, экономическими условиями, социальной политикой государства, определяющими безопасность и эффективную жизнедеятельность каждого индивида и общества в целом. Определение данного понятия отражает необходимость не только выделения психологической составляющей из медико-биологического каркаса образных понятий «социальное здоровье», «здоровое общество», но и дополнения понятия «здоровый образ жизни». Традиционно господствующее понимание здоровья как биологического феномена, стандартная оценка эффективности функционирования общества по медико-биологическим, социально-экономическим показателям (рождаемость, смертность, заболеваемость, экономические потери и т.п.) не позволяют оценить уровень социально-психологических девиаций, нарушающих правовые и моральные социальные нормы.

Современным вызовом образования являются новые научные направления, определяющие приоритеты здоровьесберегающей психолого-педагогической и государственной деятельности по сохранению здоровья подрастающего поколения и нации в целом. Социальная психология как наука, изучающая закономерности познания людьми друг друга, их взаимоотношений и взаимовлияний в различных областях жизнедеятельности - хозяйственной, политической, воспитательной, лечебной и других, дополняется новым разделом «социальная психология здоровья», изучающим влияние особенностей взаимоотношений, жизнедеятельности людей на состояние их здоровья. Демографические факторы (пол, возраст, этнические группы, социальные классы) необходимо оценивать не только с биологических позиций, но и с социально-психологических, выделяя влияние фактора пола, возраста, образования, культуры, религии на индивидуальные копинг-стратегии в объяснении здоровья мужчин и женщин, гендерные роли, последствия гендерно-специфического стресса [29; 30].

В многонациональной Республике Беларусь для представителей разных наций, культур, религий аспекты духовности, толерантности, веротерпимости актуальны в связи с необходимостью выработки всеобщего нравственного закона с целью сохранения и развития духовного здоровья общества. Создание технологии правильной жизни, поиск путей влияния на духовное и телесное здоровье человека тысячелетиями интересовали и продолжают волновать философов, представителей разных религий, психологов, педагогов, врачей, специалистов самых разных областей знания. Необходимо отметить, что наиболее верный путь нашего поиска источника духовного, психологического здоровья народа заключается в историческом прослеживании, сопоставлении различных точек зрения, в том числе представителей Востока и Запада, на решение данной проблемы. В этой связи важно подчеркнуть, что культурно-исторический анализ позволяет сравнить и обобщить различные философские и религиозные учения о месте человека во Вселенной, необходимости нравственного закона, формирующегося на основе концепции единства

знания и веры, деятельности психики как единственно возможного пути разумного существования, спасения и развития человека, и, может быть, всего человеческого общества.

Иоанну Солсберийскому (ок. 1115 - ок. 1180) принадлежит генерально интегрирующий тезис о принципиальной невозможности противоречия между философией и теологией в силу радикального различия их предметных областей: опытного логико-рационального познания природы - с одной стороны, спасения души - с другой (в мусульманской параллели аналогичная позиция в аналогичном контексте была высказана Ибн-Рушдом) [22, с. 158]. Диалектический материализм видит функцию разума (сознания) в том, что с его воздействием преодолеваются рассудочные схемы и подвергаются творческой критике стереотипы мышления, выдвигаются новые идеи и принимаются правильные решения. Вера как глубинная общечеловеческая универсалия культуры включает в себя такие аспекты, как гносеологический (философская вера, не обладающая всеобщей значимостью и не отличаясь смысловой строгостью, характеризует специфику и выбор оправдания исходных мировоззренческих позиций там, где отсутствует возможность логического или эмпирического доступа к предмету исследования), психологический (осознание и переживание содержания данного тезиса в качестве жизненной, смысловой ценности) и религиозный (мировоззренческая и психологическая установка, включающая принятие без доказательств определенных религиозных догматов и решимость придерживаться их вопреки всем сомнениям). В контексте европейской культуры гносеологическая позиция веры не может не придти в противоречие с общекультурными установками рационализма. Это отмечает и Библия: «Еллыны ищут мудрости», «Но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых» (1 Кор. 1: 22, 27) [4, с. 1132–1133]. Очевидно, что и знание, и вера призваны освободить общество от невежества и страха. Важно, чтобы стезя мудрости и стезя религиозного чувства вели к единению общества, достижению духовного здоровья народа на основе сохранения и развития культурных традиций и ценностей.

Так, в философских, религиозно-мифологических концепциях Древней Индии культура предстает в виде правил жизни человека и его взаимоотношений с другими людьми. В психологии индуизма центральное место занимает проблема взаимоотношений человека с окружающей его социальной средой. Для мировоззрения древних индусов характерно выделение всеобщего нравственного закона «рита», законов морального и социального порядков «дхармы» и «кармы». Брахманизм указывает на единство микрокосма человека и макрокосма мира. Социально-психологические изменения в жизни общества всегда сопровождались появлением новых философских, религиозных течений, рассматривающих проблему духовно-нравственного благополучия человека, его здоровья в новых исторических условиях. Так, в условиях дестабилизации социальной жизни идеям брахманизма с его установками на богатство и благополучие противопоставляется культ аскетического образа жизни джайнов, уход во внутренний мир человека. Важным индикатором здоровья в Древней Индии считалась психическая устойчивость (самообладание) вне зависимости от смены жизненных обстоятельств. Уже в VI в. до н. э. в древнеиндийских Ведах были сформулированы три условия достижения устойчивого равновесия психики:

– первое - «полная внутренняя свобода, отсутствие жесткой зависимости человека от физических и психологических факторов окружающей среды»;

– второе - «путь любви. Под любовью, дающей свободу, в Бхакти-Йоге понималась не любовь к отдельному человеку, к группе людей, а любовь ко всему живому в этом мире как к высшему выражению сущности бытия»;

– третье - «путь разума, рассудка». Предлагался Джана-Йогой, утверждающей, что знание повышает жизненную устойчивость человека [9, с. 76].

В философских и медицинских трактатах Древнего Востока накоплены уникальные по своей ценности сведения по укреплению духовного, психологического здоровья личности, требующие детального научного изучения современными исследователями. Сравнение культурно-исторических, социальных, научных представлений о феномене здоровой психики человека, его нравственном и психическом благополучии позволяет выделить универсальные характеристики духовного здоровья, здорового образа жизни, относительно независимые от культурной и национальной специфики. Так, христианский нравственный закон [Исход. 20.2-17] во многом напоминает основные нравственные принципы Крия-йоги: «не убивай» [Исход. 20.13] (Ахимса - непричинение вреда другому); «не прелюбодействуй» [Исход. 20.14] (Брахмачарья - половое воздержание); «не кради» [Исход. 20.15] и «не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» [Исход. 20.16] (Сатья – правдивость и честность во всем); «не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего» [Исход. 20.17] (Астея – неворовство, не требуй чужого добра). Даже смысловое значение кармического закона можно сравнить с содержанием: «...Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Меня, и творящий милость до тысячи родов любящим Меня и соблюдающим заповеди Мои» [Исход. 20.5–6] [28, с. 30–31].

В поэме «Бхагавадгита» намечены пути достижения духовного совершенства через освобождение от невежества и страха, становление на пути добродетели [8]. Идеи единства духовного и материального миров характерны для синтетической философии Ваджраяны («алмазной колесницы»), соединившей все школы буддизма, выделяющей индивидуальный путь спасения человека, согласно учению Хинаяны («малая колесница»), и необходимость служения людям, согласно учению Махаяны («большая колесница») [11]. Отметим, что идеи самовоспитания, самосовершенствования личности рассматриваются в индийской индивидуалистической философии как способы защиты от деструктивного внешнего воздействия и всегда привлекали внимание европейских гуманистов.

Философско-антропологические аспекты осмысления психического здоровья занимали центральное место и в древней китайской философии. Если для философии Древней Индии была характерна интровертность, направленность духовных поисков внутрь личности, что проявлялось в аскезе (джайнизм), культе монашества (буддизм), стремлении индивида раствориться в Абсолюте-Брахмане (йога), то, по мнению авторитетного исследователя религий и культур Востока Л.С. Васильева, для древнекитайской философии характерны экстравертность, ценность земной жизни, ее материальной стороны, ориентация на общественные идеалы [17].

По идее арабского философа Ибн-Рушда, индивиду гарантирована непреходящая духовная жизнь, т. к. «мысль его не умирает с его физической смертью, а становится достоянием грядущих поколений» [27, с. 126]. В «Рассуждении, выносящем решение относительно связи между религией и философией», Ибн-Рушд пишет: «Здоровье же душ есть то, что называется богобоязненностью» [27, с. 195]. В то же время, мыслитель

отрицает и абсолютную детерминированность человеческих действий, и абсолютную свободу воли человека.

В античной философии мы также находим идею гармоничного равновесия, единства и нераздельности души, психических состояний и внешнего мира. Античная концепция здоровья исходит из взаимосвязи индивидуального духовного начала и Вселенной. Идеи Гераклита, греческих философов Милетской школы (Фалес, Анаксимандр) о единой основе, о едином Логосе для физического и психического миров сегодня вновь привлекают к себе внимание, предпринимаются попытки раскрыть с научной точки зрения механизмы взаимосвязи объективного и субъективного мира. Согласно атомистической концепции Демокрита, человек состоит из атомов, выполняющих божественные функции, что дает ему возможность ощутить величие своей мощи, самостоятельность его души. Если по различным представлениям Древней Индии и Китая человек слаб и ничтожен, то атомистическая концепция Демокрита имела «терапевтический» смысл: по его представлениям, душа человека обладает творческим потенциалом.

Один из известнейших софистов V в. до н. э. Протагор признавал истинным мнение любого человека, тем самым утверждая принцип релятивизма, возможность каждому определить свое состояние субъективного благополучия. Один из наиболее ярких неоплатоников, Плотин утверждал, что каждый человек всю жизнь должен постоянно стремиться своей индивидуальной волей к мировой душе [17]. Он представлял это стремление не просто стихийной мотивацией действий, а сознательной программой положительных усилий человека. Отметим, что многие идеи философии о душе, психике, получившие развитие в античности, оказывали влияние на последующие науки о человеке.

Философия Средневековья сформулировала вопросы о внутренних стимулах поступков человека, которые остаются актуальными, накопила духовный потенциал для последующего возвеличения человека. Теоцентризм и сотериология средневековой философии определяли зависимость судьбы человека от воли Божьей. В то же время многие люди разделяли ранее и разделяют сегодня Бога и церковь: «Чем ближе к церкви, тем дальше от Бога». Очевидно, в данном случае речь идет о конкретном социальном институте и его структуре (иерархия, духовенство и т. п.), не касаясь особого рода духовной реальности, общины людей, исповедующих веру. Высказывается также мнение о том, что, если верующих лишить возможности покаяться, возможно, часть из них бросит такую веру, она им будет невыгодна. Серьезной критике подвергается таинство покаяния, его формы, сама возможность священника совершить отпущение грехов. «Церковь – единственный бизнес, который в плохие времена переживает пик конъюнктуры» (Ч. Эйнджен) [15, с. 131].

Для эпохи Возрождения человек уже выступает как творец самого себя, приобретает уникальную ценность. Однако эпоха Возрождения характеризуется расцветом не только яркой индивидуальности, но и принципиальным индивидуализмом, безграничным самоутверждением, страшными преступлениями, описанными выдающимся русским исследователем А.Ф. Лосевым в его фундаментальном труде «Эстетика Возрождения».

Философско-антропологический подход к определению путей освобождения народа от невежества и страха позволяет составить наиболее полную картину различий и сходства представлений человека о духовном здоровье в различные периоды цивилизации.

Так, анализ немецкой классической философии дает нам основание утверждать, что И. Кант рассматривал человека как свободное существо, живущее в обществе, как результат взаимодействия между автономными человеческими индивидами. Нравственный

закон, согласно утверждению И. Канта [18], является не только идеалом, которым должен руководствоваться человек в своих поступках, но и гарантом здоровья. Великой заслугой И. Канта является то, что он поставил вопрос о границах и возможностях человеческого познания в центр всякой философии. «Но коренной порок кантианства заключался в том, что оно в своем “анатомическом театре” разума рассматривало не живое динамическое познание, а, по меткому выражению Вл. Эрна, “схематический труп мысли”. Именно в силу этого Кант остановился на полпути, признав невозможным для человека познать “вещь в себе”» [21, с. 42]. По словам протоиерея А. Меня, И. Кант не увидел в глубинах духа тех неисчерпаемых сил, которые способны прорвать завесу эмпирического.

Г.В.Ф. Гегель, в отличие от И. Канта, связывает нравственный закон как с развитием личности, так и с развитием всего человечества. В кантовской философии намечен исторический подход к нравственным нормам, т. е. к субъективным нормам и ценностям. У Г.В.Ф. Гегеля историзм является объективной чертой исследования человека: «Становление человеческой личности, духовное развитие человека... возможно благодаря господству индивида не только над внешними предметами, но и над самим собой» [24, с. 107]. Абсолютный идеализм Г.В.Ф. Гегеля утверждает, что в мире господствует разум; всемирная история представляет собой разумный процесс и индивидуальность бытия объективно обусловлена, как и обусловлено психическое здоровье. Правда, в силу нынешних трагических событий в Ливии, Сирии, Украине можно усомниться в том, что в мире господствует разум, а всемирная история представляет собой разумный процесс. У В.С. Высоцкого есть такие строки: «Я думаю – ученые наврали, – прокол у них в теории, порез: развитие идет не по спирали, а вкривь и вкось, вразнос, наперерез» [7, с. 833]. Существует даже «горькая» народная шутка, что одним из самых убедительных доказательств существования в космосе разумных существ является то, что никто из них до сих пор не попытался вступить с нами в контакт.

И все же в ходе развития представлений от античности до современности мы видим культурно-исторический детерминизм формирования представлений о духовном здоровье, возрастающую формообразующую роль духовности в жизни общества.

Таким образом, анализируя культуральные отличия и сходства представлений о душевном здоровье, можно сказать, что философия постоянно ищет взаимосвязь души человека и ее детерминирующих факторов. В XX в. эти проблемы получили свое осмысление у многих философов, гуманистов. Г. Гессе пытается установить связь восточной и западной философии в произведении «Сиддхартха», соединяя два полярных мира – «созерцательный» (дзэн) и активно-ментальный (западный) [10]. Здесь можно провести сравнение с координированной работой правого и левого полушарий головного мозга. Правое полушарие играет огромную роль в интуитивно-образном представлении окружающего мира, левое – за счет критико-аналитической функции осуществляет контроль за поступлением внешнего потока информации. Только интегративная аналитико-синтетическая функция, осуществляемая обоими полушариями головного мозга, способна обеспечить эффективную адаптацию индивида к внешнему и внутреннему мирам, создать состояние гармонии, условие для развития личности.

На наш взгляд, интересно трактуется данная проблема в русле философии синтеза и теософии Е.П. Блаватской [5; 6], которая пишет: «Человечество есть дитя Судьбы Циклов, и ни одна из его Единиц не может избежать своей бессознательной миссии или же отделаться от тягости сотрудничества» [6, с. 564].

Очевидно, наличие многих совпадений в подходах к здоровью и здоровому образу жизни в культурах Запада и Востока объясняет деятельность Рерихов – создателей Агни-йоги (Живой Этики). Цель Агни-йоги заключается в расширении человеческого сознания, в выходе его на космический уровень и обучении методам управления психической энергией. Агни-йога рассматривает здоровье тела как результат состояния психической энергии: «Духовное здоровье есть главная основа здоровья тела» [9, с. 80]. Главная задача сохранения здоровья, говорится в учении Агни-йоги, заключается в правильном мышлении: «Можно указать ученым, что книги, лишенные духа, психической энергии и огня космического, не могут дать ту науку, которую нужно дать человечеству. Так, разграничение того, что существует тысячелетия, от того, что создано столетиями, явило те заблуждения, которые так ускорили карму планеты» [2, с. 74]; «В школах должен быть введен предмет – синтез науки. Из него учащиеся усмотрят, как тесно связаны многие отрасли познания... При ознакомлении с синтезом учащиеся могут сознательно выбрать свою ученую деятельность» [3, с. 80]. Таким образом, избавление от раздражения, гнева, злобы, зависти, развитие выдержки, доброжелательности и духовного равновесия – вот конкретные, практические пути становления психологического здоровья. Огромное, во многом решающее значение имеет система воспитания подобных способностей, тренировка их на протяжении всей жизни.

В трудах Е.И. Рерих и Н.К. Рериха находят отражение идеи единения религиозных и философских учений о природе человека. В своих «Письмах» Е.И. Рерих уточняет: «Учение Живой Этики, или Новой Жизни, нигде не настаивает на тесном общении. Нужно сознательное дружественное сотрудничество всегда, всюду и во всем. Создается эпоха общего сотрудничества» [26, с. 416–417].

Проблема духовного здоровья анализируется и в аналитической психологии. К.Г. Юнг в «Психологическом комментарии» к «Тибетской книге мертвых» указывает: «Психическое “я” и “податель” всего “данного” – одно и то же» [31, с. 25]. К.Г. Юнг как бы подтверждает Учение Великих Махатм Индии [25], буддизма, философские мысли арабского средневековья, идеи античного мира, подчеркивая неразрывную связь между внутренним миром, духовно-телесной организацией, здоровьем человека и окружающим его внешним миром.

Ясно, что развитие личности и общества подчиняется сложным, в том числе психологическим законам, не поддающимся строгим математическим расчетам, через включение в духовную культуру. И это происходит иначе, чем развитие материальной цивилизации, что подтверждается мировой тенденцией роста насилия в современном мире. Как утверждает В.Д. Губин в статье «Русская культура и феномен насилия»: «Насилие – естественное состояние человека, естественный способ общения одного индивида с другим, и будет оставаться таковым, пока общество находится на стадии своего “животного” развития, пока человек в массе своей остается, по Ницше, “супершимпанзе”» [13, с. 3]. Автор указывает: насилие – естественно; добро, альтруизм – искусственны. Нужно прилагать большие усилия, чтобы быть добрым. Быть добрым – это искусство. Отмечая рост насилия как доминирующей тенденции в целом, В.Д. Губин говорит о возможном появлении некоего межконфессионального мессии, который бы увлек всех людей мира открытием принципиально новых горизонтов бытия. И это должно возникнуть как альтернатива сложившейся культуре, которая не сдерживает человека от насилия.

Как полагал Г. Рохейм [35], один из наиболее последовательных ученых в реализации идей фрейдизма, акцентируя внимание на принципе сублимации, культура, в том числе

психологические знания и умения представляет собой систему психической защиты от напряженности и деструктивных сил. Психоаналитик З. Фрейд в примечании к книге «Тотем и табу» отмечает, что «совесть (немецкое “Gewissen”) происходит от слова “wissen” (знать), а русское “совесть” – от “ведать”» [32, с. 355]. «Ибо что такое “совесть”? Как показывает само название, совесть составляет то, что лучше всего известно, в некоторых языках обозначение совести едва отличается от обозначения сознания» [32, с. 355]. Совесть – знание того, что можно и что недопустимо, сохраняемое многими поколениями людей, которое не нуждается в доказательстве и обосновании. Нарушение веления совести ведет за собой чувство вины, неизвестное по своему происхождению. Обращаясь к монотеистическим религиозным учениям, З. Фрейд называл их иллюзиями, сравнивал с бредовыми идеями [33, с. 504–505]. «О реальной ценности большинства из них нельзя судить: они в такой же степени недоказуемы, в какой и неопровержимы. Мы еще слишком мало знаем, чтобы подойти к ним критически. Загадки вселенной лишь медленно открываются нашему взору, наука в наше время на многие вопросы еще не может ответить» [33, с. 505]. В то же время З. Фрейд практически заимствовал структуру душевной жизни у махасангхиков, приверженцев большой общины в буддизме, религии без Бога с 2500-летней историей, цель которой – помочь человеку самому освободиться и освободить других от всего того, что окружает каждого в мире. Махасангхики были первыми, кто заговорил о бессознательном, о латентном состоянии [11, с. 46]. Махасангхики выделяли своего рода «чистое сознание», подсознание, мысль, предшествующую сознанию. Таким образом, в каждой религии можно найти истоки современных направлений психотерапии: психоанализа, православной психотерапии. Верно замечает Д.А. Авдеев: «Духовный, православный подход к больному человеку не подменяет медико-биологического взгляда, но обогащает, дополняет и завершает представление о личности» [1, с. 14]. «Сейчас болезнь чаще всего объясняется физиологической патологией. Приводимые Библией доводы сегодня воспринимаются как проявление невежества и суеверия. Но в некоторых христианских теологических трудах до сих пор сохраняется следующее представление: поскольку общеизвестно, что болезнь может вызывать какой-либо патогенный фактор или некое биологическое существо, то почему же не признать, что человеческий разум еще не позволяет нам обнаружить наличие духовных существ, которые могут сами выступать в роли опасного для физического или умственного здоровья патогенного фактора?» [16, с. 244].

По утверждению Сенеки Младшего, «когда человек не знает, к какой пристани он плывет, для него ни один ветер не будет попутным» [28, с. 73]. В погоне за удовольствиями, материальными благами цивилизации весьма заманчиво выглядит идеология А. Маслоу с ее «пирамидой потребностей», некритичное восприятие которой оправдывает стремление человека к наживе и богатству [20]. Но, заменив нравственные ценности на материальные, мы нарушаем свое психическое и телесное здоровье [14, с. 30–31].

В современных условиях развития цивилизации, энергетических и технических возможностей, роста численности населения, катастрофических влияний на жизнь космических последствий проблема духовного выбора, психологического благополучия, смысла человеческого существования занимает одно из центральных мест. Прослеживается тенденция отказа от одностороннего увлечения идеалами антропоцентризма или идеалами социоцентризма, возвращение к идеям античного мира, которые находят свое отражение в идеале коэволюции, взаимосвязи интра- и интерперсональных установок личности на

самореализацию и сотрудничество, на совместную эволюцию личности, общества и окружающей природно-социальной среды.

Постижение закономерностей самореализации человека неизбежно подводят нас к пределам индивидуального существования, за которыми начинаются трансперсональные измерения здоровья, исследование предельных возможностей человека. С. Гроф в своей книге «Путешествие в поисках себя» указывает на социокультурную обусловленность понятия «здоровье» [12]. Рассматривая трансперсональный уровень здоровья, ученый указывает на необходимость признания и культивирования двух взаимодополняющих сторон природы человека – его существование в качестве отдельной материальной сущности и в качестве потенциально безграничного поля сознания. По мнению ученого, понятие «высшее психическое здоровье» следует применять к тем лицам, которые достигли сбалансированного взаимодействия обоих взаимодополняющих модусов сознания. Реализация трансперсонального «Я», сохранение чувства индивидуальности на уровне всеобщности, где личные планы и интересы перекрываются более широким взглядом на целое, является признаком духовного совершенства. Трансперсональная психология ищет новые формы существования культуры, гармонизации отношений между людьми, человеком и природой.

Пути знания, совести и веры призваны освобождать людей от невежества и страха, вести к здоровому образу жизни, духовному здоровью. Отсутствие веры, будь то доверия к какому-либо богу, или, в более широком смысле, определенного видения мира, как и «слепое», неумеренное религиозное рвение всегда сопровождалось войнами, гибелью людей, опустошением государств. Иудаизм, христианство и ислам сближает между собой вера в единого Бога. Но их конфронтация в силу своих принципов и своих интересов в истории и в наше время является источником горя и страдания. «Философы говорят много дурного о духовных лицах, духовные лица говорят много дурного о философях; но философы никогда не убивали духовных лиц, а духовенство убивало немало философов» (Д. Дидро) [15, с. 121]. «Когда у какой-либо одной религии возникает претензия заставить все человечество принять ее доктрину, она становится тиранией» (Р. Тагор) [15, с. 128]. Путь науки также не всегда позитивен, учитывая то, что в первую очередь, огромные материальные ресурсы затрачиваются на создание различного рода оружия, все более изощренных средств уничтожения человечества, гонку вооружений. В то же время «каждый шаг прогресса в науке заставляет отступать религию» (М. Кашен) [15, с. 122]. «Я не сомневаюсь, что полубоги и даже боги древности – всего лишь те наши предки, которых высоко почитали» (Т. Уайлдер) [15, с. 128]. Искусство жизни, достижения духовного и телесного здоровья народа заключается в том, чтобы идя по стезе мудрости, знания, совести и религиозного чувства, люди не конфликтовали, не убивали друг друга. Духовное здоровье народа необходимо укреплять как разумом, так и верой. Образование должно способствовать духовному здоровью личности и общества, так как от богатства внутренней структуры каждого человека во многом зависят не только личностный рост, успех его профессиональной деятельности, сознательное отношение к ведению здорового образа жизни, но и безопасность развития государства.

В социогуманитарном знании идентичность – одно из центральных понятий большинства культур-ориентированных дискурсов; выступает в качестве чувства самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям; чувства обретения адекватности и стабильного владения личностью

собственным «Я» независимо от изменений последнего и ситуации; способности личности к полноценному решению задач, встающих перед ней на каждом этапе развития.

В психологии З. Фрейд впервые ввел понятие «идентификация» как бессознательный процесс подражания, самое раннее проявление эмоциональной привязанности ребенка к матери, эмоциональное слияние с ней, а также как способ защиты личности от давления инстинктов, как один из механизмов формирования личностно-моральной инстанции «сверх-Я» (супер-Эго) через отождествление ребенком себя с родителями или иным авторитетом и таким образом интериоризации их моральных норм и запретов, ценностей и соответствующих форм поведения. Для неортодоксального психоанализа понятие идентификации стало центральным механизмом формирования способности «Я-субъекта» к саморазвитию. С точки зрения психодинамического подхода, «Я» – сфера личности, характеризующаяся внутренним осознанием самой себя и осуществлением приспособления личности к реальности – в силу воспитания на основе национальных традиций, соответствующего образования всегда «национальна», но глубинная основа психики человека и мотиваций, детерминирующих базовые жизненные активации, всегда «интернациональна», точнее, трансперсональна. Психоанализ убеждает нас в том, что «существует некое общее для всех ядро человечества» [34, с. 284].

Необходимо отметить рост националистических настроений в мире, особенно в условиях социально-экономической нестабильности. Национализм – идеология и политика, а также психология в национальном вопросе, противопоставленная интернационализму. Основа национализма – идеи национального превосходства и национальной исключительности, трактовка нации как высшей внеисторической и надклассовой формы общности. Национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, его культурное и духовное возрождение, объединение национального самосознания для защиты условий жизни нации, территории ее проживания, экономических ресурсов и духовных ценностей.

Нельзя отождествлять национализм и патриотизм, разделять умеренные и крайние течения в национализме (шовинизм, ксенофобия и др.). Национализм, а также нацизм – идеология, основанная на расизме и превосходстве государства над личностью, проявляют себя через агрессию, насилие. Патриотизм (от греч. *patris* родина), в отличие от национализма, направлен на защиту интересов нации. Национализм по мере своего развития способствует нарастанию межнациональной розни и этнической дискриминации, что относится к международным правонарушениям.

С.А. Левицкий в книге «Трагедия свободы» пишет: «Один из главных корней современного кризиса – в ложном понимании свободы (индивидуализм) и в отрицании свободы (коллективизм). Трагедия современности есть в глубине своей трагедия свободы, не осознавшей своей подлинной природы» [19, с. 366]. В теоретико-методологическом плане изучение проблемы сохранения национальной идентичности народа приобретает особую важность для различных специалистов в сфере обучения и воспитания, поликультурного образования, в том числе для осмысления индивидуальной агрессивности, особенно в молодежной среде, профилактики насилия и деструктивности, что убедительно свидетельствует о важности данной проблемы с точки зрения психологического здоровья общества [30].

После преступлений нацистов во время Второй мировой войны нацистская партия Германии была запрещена, однако, в настоящее время партии с нацистской или неонацистской идеологией существуют во многих странах. Сотни концентрационных

лагерей были организованы в 1933–1945 годах нацистами в Германии и оккупированной Европе для содержания политических и идеологических противников. Холокост (1933–1945) – истребление европейских евреев и других народов германскими нацистами – достиг пика в «Окончательном решении» (нацистской программе массового уничтожения) [23, с. 1088]. Нацисты считали евреев, славян и ряд других народов низшей расой и уничтожали их в концентрационных лагерях – Аушвиц, Бельзен, Дахау, Майданек, Трешлинка. Общее количество погибших только среди евреев достигало 6 миллионов человек – три четверти живших в Европе евреев. Холокост вызвал научные и моральные проблемы дальнейшего развития европейской цивилизации.

Современные условия совместного проживания требуют коллективистской идентификации, совместной деятельности, гуманных отношений. Коллективистская идентификация означает единство мотивации, формирование взаимоотношений на основе нравственных принципов; наиболее полно выражается в сочувствии и соучастии, когда каждый член группы, общества эмоционально и деятельно откликается на удачу и неудачу каждого. Развал СССР привел к разрушению исторически новой для XX в. социальной и интернациональной общности – советского народа. В душевной области выделение части из целого, разрушение прежнего уклада жизни сопровождается психосоматическими нарушениями и заболеваниями; в государственном масштабе последствия разрушения исторически сложившейся общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, проявились себя через межнациональные конфликты, войны, тысячи убитых и покалеченных людей.

Взрослый, образованный человек осознает, что имеет не только право на сохранение национальных культурных традиций, родного языка, но и обязанности перед «соседями» нашей коммунальной квартиры под названием «Земля». Когда речь идет о сохранении родного языка, культурных традиций, – это одно, но, когда людей насильно заставляют говорить на чужом для них языке, ограничивают в трудоустройстве, вытесняют за пределы территории страны, где они родились, лишают гражданских прав – это уже государственная проблема в некоторых новых государствах, образовавшихся после распада СССР. Психология требует обратить внимание прежде всего на место речи, родного языка человека в системе высших психических функций – в их взаимоотношении с мышлением, сознанием, памятью, эмоциями; структуре личности и деятельности. Благодаря речи, особенно внутренней, которая формируется с детства в процессе интериоризации речи внешней, словесно выражаются процессы восприятия мира, действий и переживаний личности, формируются ее установки и отношения к миру, развивается способность к саморегулированию поведения. Таким образом, тот или иной «запрет», ограничения использования родного языка в общении, профессиональной деятельности затрагивает общую проблему сохранения психического, чреват нарушением здоровья человека.

Национализм «паразитирует» на тезисе о ценности нации как высшей форме общественного единства, ее первичности в государствообразующем процессе; является идеологией и направлением политики, направленной на доминирование только одной нации; прикрывается отстаиванием интересов определенной национальной общности в отношениях с государственной властью. Истоки любого национализма – в личных и личностных проблемах людей. Человек – это «самораспаковывающаяся» биопсихосоциальная система. Проявления национализма и патриотизма «вызваны»

соответствующими условиями образования, обучения и воспитания, а также социально-экономическими условиями. Совместный труд и общение людей снижают проблемы, «ломают» сложившиеся стереотипы, помогают человеку оставаться человеком, а не «супершимпанзе» [13, с. 3]. В отличие от национализма, интернационализм проявляет себя в борьбе народов за национальное освобождение и добровольное сотрудничество представителей разных наций. Интернационализм, коллективистская идентификация на его основе – важнейшие условия развития современного человеческого общества, борьбы против военной опасности.

Сохранение национальных культурных традиций, родного языка, национальной идентичности – факторы психологического здоровья каждого человека и нации в целом. В современном транзитивном мире наряду с сохранением национальной идентичности необходима коллективистская идентификация народа как фактора стабильности и мирного развития общества и государства в целом. Игнорирование необходимости коллективистской идентификации на основе учета исторического опыта существования и разрушения СССР в конечном итоге грозит проявлениями шовинизма, крайнего национализма, проповедующего расовую исключительность и разжигающего национальную вражду и ненависть.

Трансформация мировоззрения в современном транзитивном обществе по-новому раскрывает перед нами проблему формирования общественного сознания, ориентированного на необходимость ведения здорового образа жизни.

Основная трудность заключается в раскрытии психологических механизмов формирования ценностно-смысловой установки «на здоровье». И сознание каждого человека играет в этом процессе не пассивную, а активную здоровьесберегающую или здоровьеразрушающую роль.

Здоровьесберегающее поведение человека определяется различными социально-психологическими установками:

- общественными, формирующими современные взгляды на здоровый образ жизни, идеалы и ценности;

- антегестационными (от лат. ante-перед, gestatio-беременность), определяющими когнитивные, эмоциональные и поведенческие составляющие установки будущих родителей, позволяющие им создавать желаемый мыслеобраз будущего ребенка;

- перинатальными (от греко-лат. peri-около, natalis-относящееся к родам), определяющими психологический компонент гестационной доминанты женщины, формирование материнской и отцовской сфер настоящих и будущих родителей. Психофизиологические процессы, происходящие от момента зачатия до рождения, во время рождения и сразу после него во многом определяют формирование психологического здоровья будущего взрослого человека. У взрослых здоровых людей можно выделить различные поведенческие, эмоциональные паттерны, влияющие на возникновение соматических заболеваний (фактор поведения типа А, характеризующийся агрессивностью, мышечным напряжением, убыстренным типом деятельности, раздражительностью, враждебностью и др.). Именно на перинатальном уровне происходит формирование предшествующих (независимых) психологических факторов здоровья будущей личности, которые являются отражением материнской и отцовской заботы, семейных отношений и переживаний;

- житейскими (хилотропными, от греч. hyle-материя, trepein-движущийся в определенном направлении), отражающими жизненный опыт, ценности, установки

каждого индивидуума;

– рефлексивно-деятельностными (результат образования). В современных условиях учащаяся молодёжь должна быть ориентирована на непрерывное саморазвитие как на средство и способ жизнедеятельности человека будущего, обладающего высоким уровнем общей и профессиональной психологической культуры, детерминирующим творческую самореализацию личности, направленную на сохранение и развитие здоровья, многолетнюю и плодотворную профессиональную деятельность;

– трансперсональными (холотропными, от греч. *holos*-целое), связующими индивидуальный уровень сознания, юнговское коллективное бессознательное и вселенную в целом. Холотропный уровень сознания стремится к целостности, всеобщности существования, выходит за обычные границы своего тела и *Эго*, изменяет и исцеляет личность. Психосинтезирующая функция психологического здоровья находит свое воплощение в создании личностной целостности на базе формирования более широкой структуры отношений в психике человека, сохранении чувства индивидуальности на уровне всеобщности, где личные планы и интересы перекрываются более широким взглядом на целое, реализации трансперсонального «Я».

К сожалению, одним из главных механизмов, на практике обуславливающим сходство ценностных установок представителей разных социальных групп, являются транслируемые в обществе средствами массовой информации когнитивные схемы копинг-стратегий поведения, которые в свою очередь являются отражением не столько успехов профилактической медицины, психологии, педагогики, сколько коммерческих интересов компаний, представителей бизнеса. Замена нравственных интересов на материальные, формируя потребительскую идеологию, не способствует сохранению здоровья людей, проявляется ростом психосоматических и соматопсихических нарушений. «Болезненная» социальная среда создает невротические, искаженные по форме и содержанию, нормы «здорового» поведения. Демонстрация гомосексуальных связей через информационные технологии способствует «распаковке» *тени-Эго*, что облегчает распространение ВИЧ-инфекции и полностью исключает репродуктивную функцию человеческого общества. Алкоголизм и наркомания приводят к социальной дезадаптации, нарушениям генофонда. Насилие и жестокость, ненормативная лексика, транслируемые зарубежными средствами массовой информации, распространяются эпидемически среди детского и взрослого населения, выступая в качестве «модных» социально значимых моделей поведения. Создается «почва» для превращения человека разумного (*Homo sapiens*) в «животное» орудие для достижения чьих-то корыстных интересов.

Отсутствие парадигмы «психологического здоровья общества», недостаток теоретического базиса, определяющего подход к изучению, оценке, прогнозированию и управлению данным феноменом, не способствуют формированию общественного сознания, ориентированного на рациональное обоснование необходимости здорового образа жизни.

Предметом социальной психологии здоровья являются механизмы и закономерности влияния психологической культуры на формирование психологического здоровья общества, обеспечивающие личностную, профессиональную эффективность и безопасность жизнедеятельности каждого человека, включенного в социальные сообщества; а также здоровьесберегающие факторы, закономерности и механизмы, присущие самим этим сообществам.

Выделение психологических факторов здоровья необходимо для проектирования профилактических образовательных программ с целью совершенствования

психолого-педагогического сопровождения образования. Надеяться, что человек сам, без помощи квалифицированных специалистов сможет сориентироваться в современном информационном потоке и создаст собственную систему оздоровления – все равно, что уповать на ураган, который пронесется над свалкой и соберёт «чудо»-лекарство от всех недугов личности.

Центральная методологическая проблема изучения психологического здоровья общества – причинно-следственные связи психосоматических и соматопсихических проявлений. Психологические факторы здоровья находятся в тесной взаимосвязи с огромным количеством факторов физической, химической и биологической природы, социальной среды, поэтому изучение их крайне затруднено. Проблема здорового образа жизни населения может успешно решаться только при условии согласованных действий всех заинтересованных лиц, психологов, педагогов, медицинских работников, биохимиков, биофизиков, руководителей государственных учреждений.

Здоровый образ жизни предстает перед нами в виде *Я-идеала*, который является противоположным отражением нашего бессознательного. Чем ближе мы будем стремиться к *Я-идеалу*, тем острее будем чувствовать недовольство *Оно*, внутреннего сопротивления. В итоге, часто человек страдает, стремясь выполнить так называемые правила здорового образа жизни: рационального питания, физического воспитания, морального поведения. Рекомендации по здоровому образу жизни не могут быть едиными для всех. Необходимо учитывать особенности биологической конституции человека, взаимосвязь различных психологических факторов здоровья, компенсаторный характер психосоматических нарушений. Необходим индивидуальный подход, учитывающий вариативность понятия нормы у разных людей, компенсаторный характер традиционных факторов риска (избыточной массы тела, физико-химических показателей здоровья). Наличие соматического заболевания иногда может быть проявлением реакции адаптации. Попытки профилактической и лечебной медицины, направленные на устранение диагноза, коррекцию веса, физической нагрузки, питания могут привести иногда к перемещению статистических показателей заболеваемости населения от одного вида нозологии к другой.

Анализ культурно-исторических, социальных, научных представлений позволяет выделить универсальные принципы здорового образа жизни: жизнедеятельность человека в контексте ноосферного мышления; позитивное мышление, отношение к себе и другим; гармоничное личностное развитие, самопознание, самовоспитание и самореализация; адекватная социализация; креативный подход к своему здоровью и повышению его резервов, создание индивидуальной программы здорового образа жизни; определение личностного смысла жизни. Психологическая составляющая является основой здорового образа жизни, определяющей установку на формирование социального, физического здоровья, сохранение психического благополучия.

Для реализации личностной, профессиональной эффективности и безопасности жизнедеятельности каждого человека социальная психология здоровья призвана решать задачи: разработки теоретико-методологических подходов к развитию психологической культуры и улучшению психологического здоровья личности и общества; исследования соотношения психологической культуры и психологического здоровья личности и общества, критериев психологической культуры, психологического здоровья личности и общества; определения природы и сущности становления психологического здоровья личности и общества; обоснования психологических основ диагностики психологической культуры и психологического здоровья личности и общества; раскрытия механизмов и

закономерностей формирования психологического здоровья личности и общества; изучения психологических основ здоровьесберегающей деятельности социального педагога, педагога-психолога; оценки эффективности организации и управления здоровьесберегающей психолого-педагогической деятельностью; разработки психолого-педагогических здоровьесберегающих основ дальнейшего совершенствования образовательного процесса и др.

Актуальными задачами реформирования здоровьесберегающего образования населения являются: обучение на протяжении всей жизни; развитие профессиональных компетенций социальных педагогов, педагогов-психологов; пересмотр устаревшего, недостаточно связанного с практической жизнедеятельностью человека содержания учебных курсов и дисциплин; необходимость междисциплинарного синтеза знаний и прикладной характер их применения. Здоровьесберегающий подход к оценке качества образования становится одним из приоритетных. Образование должно способствовать развитию психологического здоровья личности и общества на основе психологической культуры, так как от богатства внутренней структуры каждого человека во многом зависят не только личностный рост, успех его профессиональной деятельности, сознательное отношение к ведению здорового образа жизни, но и безопасность развития государства.

Список литературы

1. Авдеев Д.А. Очерки православной психотерапии. В помощь страждущей душе. М.: СофтИздат, 2012. 464 с.
2. Агни-Йога. В 3 т.: Т. 2 / Под общ. ред. Г.И. Каган, Ю.Е. Родичева. Самара: Рериховский Центр духовной культуры, 1992. 711 с.
3. Агни-Йога. В 3 т.: Т. 3 / Под общ. ред. Г.И. Каган, Ю.Е. Родичева. Самара: Рериховский Центр духовной культуры, 1992. 623 с.
4. Библия. Издание миссионерского общества «Новая жизнь – Советский Союз», Кэмпус Крусейд Фор Крайст, СССР: Известия, Протестант, Ласми, 1991. 1224 с.
5. Блаватская Е.П. Тайная доктрина: синтез науки, религии и философии. В 2 т. Т. 1, кн. 1. Космогенезис. Минск: Маст. літ., 1993. 382 с.
6. Блаватская Е.П. Тайная доктрина: синтез науки, религии и философии. В 2 т. Т. 2, кн. 1. Антропогенезис. Минск: Маст. літ., 1994. 574 с.
7. Большая книга афоризмов / А.П. Кондрашов, И.И. Комарова. М.: РИПОЛ классик, 2007. 1216 с.
8. Бхагавад-гита – как она есть. Нью-Дели: Бхактиведанта Бук Траст, 1991. 832 с.
9. Васильева О.С. Историко-культурный анализ понятия «здоровый образ жизни» и современные представления о студенческой молодежи / О.С. Васильева, Д.З. Хозина // Психология в вузе. 2005. № 1. С. 76–91.
10. Гессе Г. Сиддхартха. Краткое жизнеописание. Сиддхартха. Нарцисс и Гольдмунд. Минск: Мога – Н, 1993. 352 с.
11. Гийон Э. Философия буддизма. М.: Астрель, АСТ, 2004. 159 с.
12. Гроф С. Путешествие в поисках себя. М.: Институт трансперсональной психологии, Институт Психотерапии, 2001. 336 с.
13. Губин В.Д. Русская культура и феномен насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 3–5.
14. Далай-лама. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия / Далай-лама, П. Экман. СПб.: Питер, 2012. 304 с.

15. Ждан А.А. Жемчужины мысли. Минск: Современная школа, 2010. 864 с.
16. Зюбер В. Словарь религий: иудаизм, христианство, ислам / В. Зюбер, Ж. Потен. СПб.: Питер, 2009. 656 с.
17. История философии: учеб. / Ч.С. Кирвель, А.А. Бородич, У.Д. Розенфельд и др.; под ред. Ч.С. Кирвеля. 2-е изд., испр. Минск: Новое знание, 2001. 728 с.
18. Кант И. Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2006. 736 с.
19. Левицкий С.А. Трагедия свободы. М.: Канон, 1995. 512 с.
20. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
21. Мень А.В. История религии: в поисках Пути, Истины и Жизни: в 7 т. М.: Слово, 1991. Т. 1: Истоки религии. 287 с.
22. Новейший философский словарь. 3-е изд., исправл. Минск: Книжный дом, 2003. 1280 с.
23. Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь: М.: АСТ: Астрель: Дизайн. Информация. Картография, 2004. 1256 с.
24. Ойзерман Т.И. Проблема долженствования в философии Гегеля // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 98–107.
25. Письма Махатм. Самара: Рериховский Центр духовной культуры, 1993. 719 с.
26. Рерих Е.И. Письма Елены Рерих, 1929–1938. В 2 т. Т. 2. Минск: Белорусский фонд Рерихов; ПРАМЕБ, 1992. 432 с.
27. Сагадеев А.В. Ибн-Рушд. М.: Мысль, 1973. 207 с.
28. Селезнёв А.А. Психология здоровья: учеб.-метод. пособие / БарГУ. Барановичи, 2006. 132 с.
29. Селезнёв А.А. Социальная психология здоровья и педагогика в условиях инклюзии. Психология инклюзивного образования. Минск: Колорград, 2018. 152 с.
30. Селезнёв А.А. Социальная психология здоровья и психологическое здоровье общества / А.А. Селезнёв, Я.Л. Коломинский // Медико-социальная экология личности: состояние и перспективы: материалы VI Междунар. конф., 4–5 апр. 2008 г., Минск. В 2 ч. / редкол.: В.А. Прокашева (отв. ред.) [и др.]. Минск: Изд. центр БГУ, 2008. Ч. 1. С. 50–53.
31. Тибетская книга мертвых. СПб.: Издательство Чернышева, 1992. 255 с.
32. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения. Тотем и табу. «Я» и «Оно». Неудовлетворенность культурой. Харьков: Книжный клуб «Клуб семейного досуга»; Белгород: Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2012. 480 с.
33. Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2006. 608 с.
34. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. Минск: Попурри, 1999. 624 с.
35. Ryheim G. The Origin and Function of Culture / G. Ryheim, Ph.D. N.Y.: Nervous a. mental disease monogr., 1943. P.VI. 107 p.

3.2. Исследование психологического здоровья студенческой молодежи

Психология здоровья в настоящее время выступает как наука о психологических характеристиках здоровья, о методах и средствах его формирования и сбережения. При этом, здоровье понимается как интегральное, системное свойство человека, заключающееся в способности реализовывать свои жизненно важные функции (физические, репродуктивные, психические, социальные, профессиональные, духовные) в различных областях жизнедеятельности.

Принято считать, что здоровье относится к числу базовых ценностей в жизни человека. Кроме того, оно является объектом исследования в таких отраслях научного знания как медицина, психология, педагогика, философия, социология и т.д. В 1948 г. Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) было предложено следующее определение понятия «здоровье»: это «состояние полного душевного, физического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». Получается, что здоровье человека зависит не только от состояния его организма, но и от характерных для него психологических особенностей, от его желаний, стремлений, ценностей, от того, насколько наполненной является его жизнь. Человек может быть физически здоров, но при этом испытывать трудности социального или личностного плана, т.е. быть больным личностно (Ишмухаметов Р.Р. Самореализация и психологическое здоровье личности: Постановка проблемы // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. Т.1. 2010. С. 74-79). Влияние психологических особенностей человека на его физическое здоровье было подтверждено исследованиями Джюэтта. Он изучал характеристики людей, благополучно доживших до 80-90 лет. Оказалось, что все они обладали оптимизмом, эмоциональным спокойствием, способностью радоваться жизни, самодостаточностью и умением адаптироваться к сложным жизненным обстоятельствам (Хухлаева О.В. Особенности психологического здоровья современных студентов // Педагогическое образование и наука. 2001. №2. С.37-41). В итоге психологический аспект в изучении феномена здоровья был обозначен с помощью категории «психологическое здоровье».

Понятие «психологическое здоровье» было введено в научный оборот во II-ой пол. XX в. И.В. Дубровиной. В свою очередь, предпосылки для оформления проблемы психологического здоровья были заложены благодаря работам Ш. Бюлер, К. Гольдштейна, А. Маслоу, Г. Олпорта, К. Роджерса, В. Франкла, Э. Фромма. Именно в рамках гуманистической психологии было сформировано представление о том, что общим принципом психологического здоровья является стремление человека стать и оставаться самим собой, несмотря на перипетии и трудности индивидуальной жизни (Шувалов, 2009). В современной отечественной психологии изучением психологического здоровья занимаются Б.С. Братусь, И.В. Дубровина, В.Э. Пахальян, В.И. Слободчиков, О.В. Хухлаева, А.В. Шувалов.

По мнению О.В. Хухлаевой, психологическое здоровье – это «динамическая совокупность психических свойств, обеспечивающих: а) гармонию между различными сторонами личности человека, а также между человеком и обществом; б) возможность полноценного функционирования человека в процессе жизнедеятельности» (Хухлаева, 2001). Следует отметить, что содержание этого понятия не тождественно содержанию термина «психическое здоровье». В словаре под редакцией А.В. Петровского и М.Г. Ярошевского психическое здоровье рассматривается как состояние душевного благополучия, характеризующееся отсутствием болезненных психических явлений и обеспечивающее адекватную условиям окружающей действительности регуляцию поведения и деятельности. Психическое здоровье – это полноценное развитие и функционирование психического аппарата, позволяющее адекватно отражать реальность и управлять собственным поведением. Оно является предпосылкой и условием психологического здоровья (Ишмухаметов, 2010).

И.В. Дубровина подчеркивает, что психическое здоровье имеет отношение, прежде всего, к отдельным психическим процессам и механизмам, а психологическое здоровье относится к личности в целом, находится в тесной связи с высшими проявлениями

человеческого духа и позволяет выделить собственно психологический аспект психического здоровья в отличие от медицинского, социологического, философского и других аспектов. Также она дает содержательную характеристику этому понятию. Психологическое здоровье заключается в том, что человек находит достойное, с его точки зрения, удовлетворяющее его место в познаваемом, переживаемом им мире, отношения с которым гармонизируются на каждой возрастной ступени. Оно предполагает интерес к жизни, свободу мысли и инициативу, увлеченность какой-либо областью научной или практической деятельности, активность и самостоятельность, ответственность и способность к риску, веру в себя и уважение другого, разборчивость в средствах достижения цели, способность к сильным чувствам и переживаниям, осознание своей индивидуальности и радостное удивление по поводу своеобразия всех окружающих людей, творчество в самых разных сферах жизни и деятельности. Получается, что, с одной стороны, психологическое здоровье выступает как условие адекватного выполнения человеком своих возрастных, социальных и культурных ролей (ребенка или взрослого, учителя или менеджера, россиянина или австралийца и т. п.), а, с другой, - обеспечивает человеку возможность непрерывного развития в течение всей его жизни (Хухлаева, 2001).

Залогом психологического здоровья человека является его полноценное психическое развитие на всех этапах онтогенеза. Оно формируется прижизненно, однако определенные предпосылки для его становления закладываются уже в пренатальный период. Психологическое здоровье взрослых людей тесно связано с достижением ими зрелости, а также зависит от сформированности их этической системы. Наиболее точно описать психологическое здоровье можно с помощью таких слов как «гармония» и «баланс». Действительно, здоровье в психологическом плане – это, прежде всего, гармония между разными проявлениями самого человека: эмоциональными и интеллектуальными, телесными и психическими и т.п. (Хухлаева, 2001).

Кроме того, термин «психологическое здоровье» включает способность человека к самореализации, духовные качества, нахождение внутреннего смысла своего существования, в том числе в ключевых формах социальной активности: семейной и профессиональной. Наряду с этим, психологическое здоровье рассматривается авторами в контексте структуры и динамики личности в процессе непрерывного саморазвития и взаимодействия с окружающим миром. По мнению И.В. Дубровиной, именно психологическое здоровье участников образовательного процесса можно рассматривать и как цель, и как критерий эффективности психологической службы государственного образования.

Показателями психологического здоровья могут выступать:

1. адекватный возрасту уровень эмоционально-волевой и познавательной сфер личности;
2. способность разумного планирования своих жизненных целей;
3. организация и поддержание активности для достижения чего-либо.

Если рассматривать здоровье как сложный, многокомпонентный феномен в рамках биопсихосоциоэтической модели, можно выделить следующие психологические факторы здоровья:

1. Эффективность/неэффективность взаимодействия матери и ребенка на ранних этапах развития. Эффективность взаимодействия матери и ребенка предполагает ее способность удовлетворить его потребности в безопасности, любви и заботе. Если мать сама не обладает достаточной психологической зрелостью, ребенок может выступать

средством поддержания ее самоуважения. Подобная зависимость от собственного ребенка позволяет определить стиль ее отношения как условное принятие, при котором он любим в том случае, если соответствует ее ожиданиям. Подобное взаимодействие затрудняет формирование самооценности ребенка вне родительских ожиданий. Тогда болезнь, нездоровье может стать средством своеобразной коммуникации матери и ребенка, выполнения функцию выгоды, позволяющей обрести материнскую любовь и заботу.

2. Адекватность/неадекватность семейных стереотипов как культурных первообразов здоровья и болезни. Семья – это социальный институт, участвующий в формировании личности человека. Первыми в процесс социализации включается семья. Через родителей ребенок учится социально опосредовать свои телесные и психические функции. Если родители соматически и психически здоровы, ведут здоровый образ жизни, то процесс социализации функций ребенка будет успешен. Однако если родители болеют, то ребенок может копировать как сами симптомы, так и способы реагирования на болезнь, усваивая семейные стереотипы здоровья и болезни. Однако, если, несмотря на заболевания, родные демонстрируют направленность на здоровый образ жизни, желание справиться с болезненными ощущениями, то ребенок учится правильным способам сохранения и поддержания своего здоровья. Причем наиболее значимым в формировании отношения к собственному здоровью для ребенка становится не то, что родители транслируют ему посредством речи, а то, что они показывают на примере своего поведения, отношения к собственному здоровью.

3. Психологическая зрелость/инфантильность. На ранних этапах онтогенеза ребенок образует единую систему со взрослым, осуществляющим о нем заботу. Обычно таким человеком выступает мать, которая должна удовлетворять физиологические потребности ребенка, сочетая данный процесс с трансляцией любви и эмоционального тепла. Мать выполняет функцию первичной позитивной оценки ребенка, на основании которой он приобретает способность любить себя и самостоятельно регулировать самоотношение, в том числе и отношение к своему здоровью.

4. Способность/неспособность заботиться о себе. Способность заботиться о себе является одним из атрибутов психологической зрелости и зависит от компетентности матери обеспечить ребенку трансляцию любви и эмоционального тепла, основанных на удовлетворенной потребности в безопасности. В этом смысле нездоровый образ жизни можно рассматривать как реализацию тенденций к самоуничтожению (растянутый во времени суицид). Например, отсутствие следования системе самоконтроля при сахарном диабете приводит к риску рецидивов состояний пониженного и повышенного сахара, не только угрожающих жизни, но и приводящих к отдаленным последствиям болезни (потеря зрения, ампутация нижних конечностей и др.).

5. Грамотность/психологическая некорректность системы информирования в области последствий нездорового образа жизни. При информировании отдаленных последствий нездорового образа жизни специалисты должны придерживаться рамок собственной профессиональной компетенции, а также учитывать индивидуальные особенности людей.

6. Наличие/отсутствие ценностного компонента здоровья. В семьях, где имеется «культ болезни», у детей не формируется в должной мере ценностного компонента здоровья. Если ребенок в такой семье заболевает, то становится психосоматическим больным, так как мотивационный компонент здоровья искажается, возникает амбивалентное отношение к болезни, когда мотив получить психологическую выгоду от симптомов значительно сильнее, чем мотив от них избавиться и выздороветь. Пример отношения родителей к

своему здоровью в результате действия механизма идентификации также влияет на ценностный компонент здоровья ребенка.

7. Позитивный/конфликтный личностный смысл здоровья. Личностный смысл здоровья определяет его значение в контексте жизни конкретного человека. Нездоровый образ жизни с данной позиции можно понять как реализацию конфликтного личностного смысла здоровья: при наличии позитивного личностного смысла здоровья может иметь место альтернативный смысл отсутствия здорового образа жизни. Например, ценность здоровья может вступать в конфликт с позитивным смыслом табакокурения как акта коммуникации в подростковой субкультуре. В данной социальной структуре курение может выступать как атрибут принадлежности к референтной группе. Данный пример также иллюстрирует, что наличие когнитивного компонента внутренней картины здоровья, т.е. знание о вредных последствиях курения не выступает реальным регулятором поведения, направленного на здоровый образ жизни (Чебакова Ю.В. Психологическая саморегуляция телесных феноменов у больных с соматической патологией: Диссертация кандидата психол.н. по спец. 19.00.04 - Медицинская психология. М., 2006). Для современного человека характерен парадокс в отношении своего здоровья: на когнитивном уровне имеется понимание о необходимости сохранять здоровье и вести здоровый образ жизни, однако страдает поведенческий компонент – человек не прикладывает для этого необходимых усилий.

Некоторые авторы, например В.Е. Каган, считают, что объективное изучение психологического здоровья возможно через структуру внутренней картины здоровья – целостного представления, «для-себя-знания» о здоровье. Внутренняя картина здоровья определяет переживание человеком своего актуального состояния как здоровья или болезни, т.е. болезнь практически никогда не воспринимается и не переживается сама по себе, но всегда — в контексте жизненного пути личности, в соотношении со здоровьем, как оно дано в прошлом и видится в прогнозе будущего.

Согласно результатам исследования критериями сформированности и устойчивости внутренней картины здоровья могут выступать, например, следующие характеристики: оптимальное функциональное состояние нервной системы; адаптивная саморегуляция психофизиологических процессов; умение управлять своими эмоциями и выражать их в разнообразных социально-приемлемых формах; возможность оказывать поддержку другим и получать поддержку от них; желание получать знания о здоровье, способах его поддержания и развития; усвоение моделей здоровьесформирующей деятельности; увлеченность своей профессиональной деятельностью и пр.

Выделенные критерии позволяют описать индивидуальную внутреннюю картину здоровья человека как интегральное психологическое «образование», компоненты которого представлены одновременно в самоотношении человека и его деятельности. Личностный смысл здоровья, его переживание на биологическом, психическом и социальном уровнях является основой для построения системы здоровьеразвивающего поведения и то, насколько эффективно будет это поведение, предположительно также можно оценить по перечисленным критериям.

Исследование психологического здоровья студентов разных диспансерных групп учета. Диспансеризация является ведущим направлением в деятельности амбулаторно-поликлинических учреждений, включающим комплекс мер по раннему выявлению заболеваний, постановке на учет и лечению больных, предупреждению возникновения и распространения заболеваний, формированию здорового образа жизни.

Для раннего выявления заболеваний и проведения необходимых лечебно-профилактических и оздоровительных мероприятий проводятся профилактические медицинские осмотры населения, по результатам которых все осмотренные разделяются на три группы диспансерного наблюдения:

1 группа - здоровые - лица, не предъявляющие никаких жалоб, не имеющие в анамнезе хронических заболеваний или нарушений функций отдельных органов и систем, у которых при обследовании не найдено отклонений от установленных границ нормы.

2 группа - практически здоровые - лица, имеющие в анамнезе острое или хроническое заболевание, не сказывающееся на функциях жизненно важных органов и не влияющее на трудоспособность.

3 группа - больные хроническими заболеваниями - подразделяются на лиц:

- с компенсированным течением заболевания, редкими и непродолжительными потерями трудоспособности;
- с субкомпенсированным течением заболевания, частыми обострениями и продолжительными потерями трудоспособности;
- с декомпенсированным течением, устойчивыми патологическими изменениями, ведущими к стойкой утрате трудоспособности.

Особенно актуальным становится вопрос представления о здоровье в среде молодежи. В этом плане очень важно изучение отношения отдельного молодого человека и различных социально-демографических групп в целом к проблеме культивирования здорового образа жизни. Заниженная самооценка своего «биологического имущества» чаще всего проявляется в невнимании к образу жизни. Пока учащаяся молодежь не будет ощущать ответственность за собственное здоровье, она не сможет воспринимать идеи по продвижению здорового образа жизни, которые основываются на необходимости изменять поведение индивидов.

Существующая проблема самосохранительного поведения учащейся молодежи заключается в противоречии между сознанием в области здоровья и реальным поведением. Именно данное противоречие определяет проблематичность выбранной нами темы, и его решение послужит решению многих исследовательских задач, поставленных в данной работе. Кроме того, изучение специфики отношения современной российской учащейся молодежи к здоровью позволит также наметить возможности ее оптимизации.

Целью нашего исследования было выявить такие особенности психологического здоровья студентов и соотнести эти данные с принадлежностью к группе диспансерного учета (как объективного показателя здоровья).

Исследование проводилось на базе университетской клиники семейной медицины КрасГМУ в период проведения планового медицинского осмотра. В исследовании приняли участие 173 респондента: 57 из них принадлежали к 1 группе, 64 ко 2 группе, 52 к 3 группе диспансерного учета. Исследование организовано старшим преподавателем кафедры клинической психологии и психотерапии с курсом последипломного образования Вишняковой Ниной Николаевной.

Исследование психологического благополучия у представителей диспансерных групп учета. В настоящее время в Российском сообществе происходят интенсивные социально-экономические изменения, индикатором которых является уровень психологической устойчивости общества и его социально-психологическое благополучие. Актуальность исследования психологического благополучия студенческой молодежи, являющейся наиболее уязвимой частью общества обусловлена ростом нарушений

эмоционального здоровья, утрата которого в свою очередь способствует возникновению неблагоприятных последствий как для психического и соматического здоровья, так и для качества жизни в целом. В соответствии с Законом «Об образовании» администрация высшего учебного заведения несет ответственность за жизнь и здоровье студентов в течение всего времени их обучения в вузе.

Персонифицированная парадигма здоровья («индивидуум без признаков патологии есть здоровый человек»), при которой данные медицинского обследования являются основанием для вердикта, сегодня уже отходит в прошлое. Здоровье соотносится с возможностями и способностями человека, которые определяются им самим (Творогова, 2007).

В последние десятилетия в исследованиях континуума «здоровье-болезнь» акцент переносится в область психологического благополучия. Благополучие рассматривается в телесном, социальном и психологическом аспектах. Психологическое благополучие чаще всего соотносится именно с психическим здоровьем, но напрямую не связано с наличием каких-либо психических заболеваний. Взаимосвязь психологического благополучия и здоровья человека (соматического и психического) отмечается исследователями, изучающими структуру субъективного благополучия личности. Уровень благополучия оценивается самим человеком в соответствии с его индивидуальной системой ценностей и целей. Здоровье человека во многом определяется как объективными условиями его жизни, так и субъективными. Вместе с тем существует проблема соотношения субъективных и объективных показателей здоровья, которые не всегда коррелируют между собой.

Психологическое благополучие рассматривается исследователями в области педагогической, социальной психологии во взаимосвязи с такими факторами как пол, возраст, особенности места проживания, принадлежность к социальной группе. Проводятся исследования психологического благополучия в соответствии с самоотношением и самооценкой (Козьмина, 2013).

Таким образом, целью данного исследования стало изучение взаимосвязи психологического благополучия личности и принадлежности к группе диспансерного учета.

В понимании «психологического благополучия» мы опираемся на К. Рифф и П.П. Фесенко, рассматривающих его как субъективное явление целостного переживания, которое зависит от системы внутренних оценок самого носителя данного переживания, выраженного в ощущении благополучия, удовлетворённости собой и собственной жизнью (Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методологическое исследование) // Психологическая диагностика. 2005, № 3. С. 95-129).

Для оценки психологического благополучия был использован опросник американской исследовательницы К. Рифф, адаптированный на русскоязычной выборке (Шевеленкова, Фесенко, 2005).

Анализ данных тестирования по методике «Шкалы психологического благополучия» позволил определить степень выраженности компонентов психологического благополучия личности у студентов, принадлежащих к различным группам диспансерного учета.

Так на рисунке 1 представлено процентное соотношение показателей психологического благополучия у представителей 1 группы диспансерного учета.

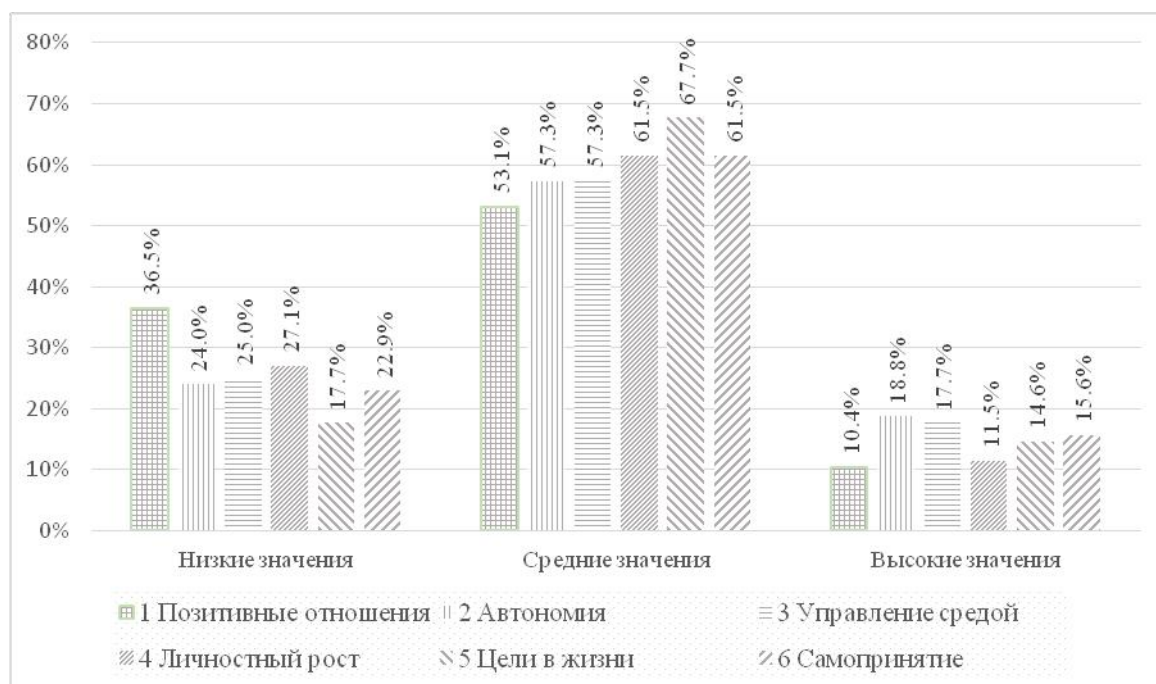

Рисунок 1. Процентное соотношение показателей психологического благополучия у представителей 1 группы диспансерного учета

По шкале «Позитивные отношения с окружающими» у 63,5% исследуемых принадлежащих к 1 группе диспансерного учета (здоровых) выявлены высокие и средние значения (рис.1), что свидетельствует о том, что для данной категории испытуемых характерно наличие близких, доверительных отношений с окружающими, они испытывают желание проявлять заботу о других людях, умеют находить компромиссы во взаимоотношениях, способны к эмпатии. В то же время 36,5% респондентов этой группы имеют низкие значения по данной шкале, что говорит о том, что у них отсутствует достаточное количество близких доверительных отношений, что они закрыты и испытывают трудности в проявлении теплоты и заботы по отношению к другим людям. Они испытывают состояние собственной изолированности и фрустрированности и не желают идти на компромиссы для поддержания связей с окружающими.

По шкале «Автономия» в данной группе высокие и средние значения получены у 76% испытуемых, что говорит о их независимости и способности противостоять социальному давлению, они способны регулировать собственное поведение и оценивать себя руководствуясь собственными убеждениями и стандартами. У 24% респондентов этой же группы по данной шкале выявлены низкие значения, которые говорят о том, что при принятии важного решения они ориентированы на мнение других и не способны противостоять внешнему давлению, озабочены ожиданиями и оценками других.

Высокие и средние показатели по шкале «Управление средой» характерные для 75% респондентов свидетельствуют о том, что эти испытуемые способны эффективно использовать различные жизненные обстоятельства, умеют самостоятельно выбирать и создавать условия для удовлетворения личностных потребностей. И 25% испытуемых имеют низкие значения по данной шкале. Они испытывают чувство бессилия в управлении окружающей средой, ощущают невозможность изменения или улучшения условий собственной жизни.

Полученные результаты по шкале «Личностный рост» свидетельствуют о высоком и среднем уровне психологического благополучия у 73% респондентов. Из этого следует,

что эта категория студентов реализует собственный потенциал, отслеживая личностный рост и совершенствуясь с течением времени. У 27% испытуемых по данной шкале отсутствует ощущение личностного прогресса, они испытывают скуку и незаинтересованность жизнью и переживают личностную стагнацию.

По шкале «Цели в жизни» у 82,3% студентов обнаружены высокие и средние значения. Из этого следует, что наличие целей в жизни и чувство осмысленности жизни присуще значительному большинству студентов принадлежащих к 1 группе диспансерного учета. И все же 17,7% респондентов имеют низкие значения, что говорит о том, что для них характерно ощущение, что настоящее и прошлое бессмысленны, они испытывают недостаток целей, у них отсутствуют жизненные ориентиры, способные придать смысл жизни.

По шкале «Самопринятие» высокие и средние значения имеют 77,1% респондентов исследуемой группы. Они признают все многообразие своих личностных особенностей и принимают как положительные, так и отрицательные стороны собственной личности. А также 22,9% испытуемых этой группы имеют низкие значения по данной шкале, что говорит о том, что эта категория студентов испытывает недовольство собой и желание быть другим, они разочарованы в прошлом, обеспокоены некоторыми чертами собственной личности.

На рисунке 2 наглядно представлены результаты исследования психологического благополучия у представителей второй группы диспансерного учета.

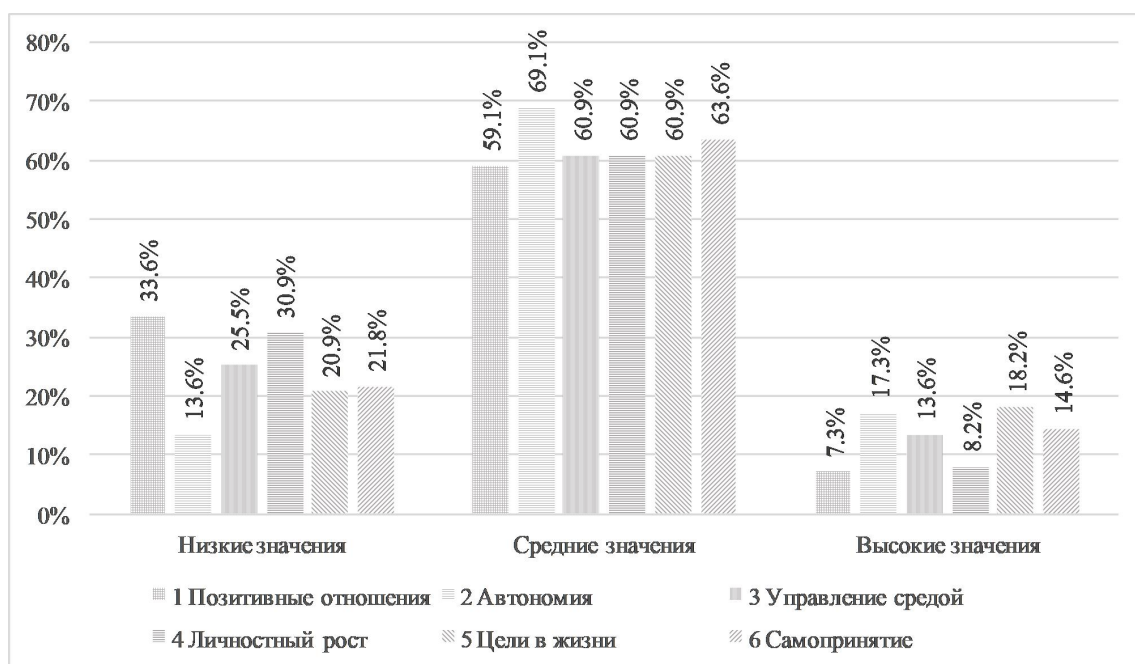

Рисунок 2. Показатели психологического благополучия во 2 группе диспансерного учета

Анализируя результаты исследования психологического благополучия по шкалам получены примерно такие же результаты, как и в первой группе. Так по шкале «Позитивные отношения с окружающими» отмечается высокий и средний уровень психологического благополучия, и 33,6% испытуемых данной группы имеют низкие показатели. По шкале «Автономия» 86,4% имеют высокий и средний уровень психологического благополучия и, соответственно, для 13,6% испытуемых характерен низкий уровень. Полученные данные по шкале «Управление средой» указывают на то, что

74,5% студентов имеют высокий и средний уровень психологического благополучия, и 25,5% составляют испытуемые с низкими показателями. Также по шкале «Личностный рост» 69,1% студентов имеют высокие и средние значения и, соответственно, 30,9% обучающихся имеют низкие значения. По данным шкалы «Цели в жизни» 79,1% студентов имеют нормативные значения, 20,9% обучающихся - низкие. По шкале «Самопринятие» отмечается наличие высоких и средних значений у 78,2% респондентов, и у 21,8% студентов - низких значений.

Данные полученные при исследовании 3 группы диспансерного учета наглядно представлены на рисунке 3.

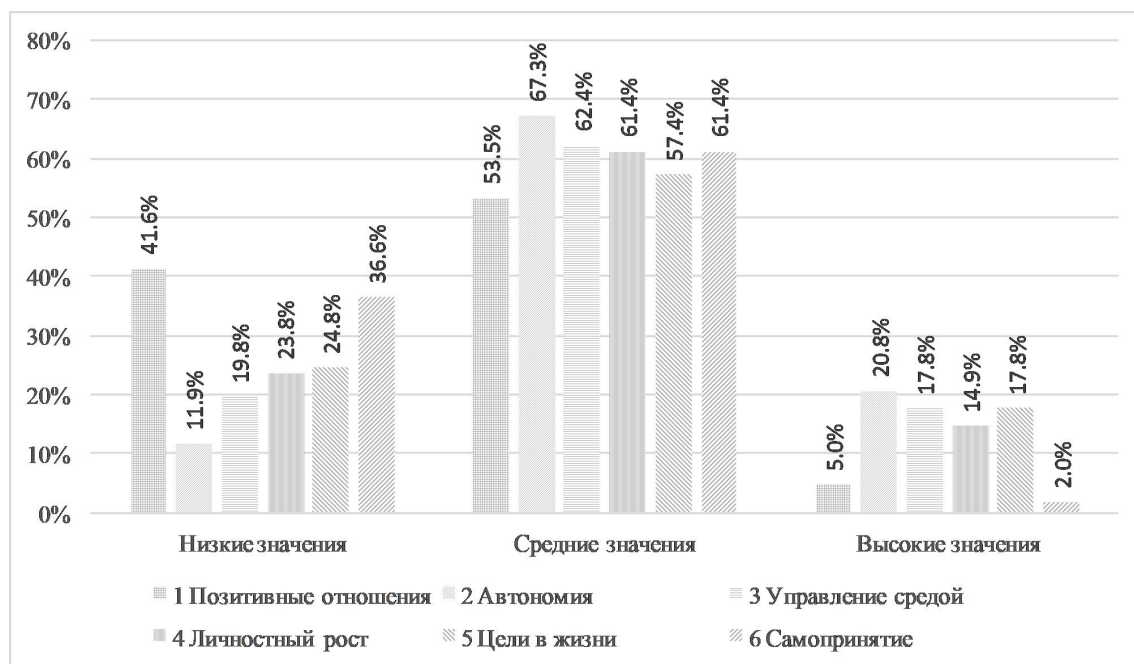

Рисунок 3. Показатели психологического благополучия в 3 группе диспансерного учета

Так, для третьей группы высокие и средние показатели психологического благополучия по шкале «Позитивные отношения с окружающими» составили 58,5% и низкие – 41,6%. По шкале «Автономия» нормативные значения характерны для 89,1% студентов и низкие – для 11,9% обучающихся. По шкале «Управление средой» нормативные значения характерны для 80,2% студентов, низкие – для 19,8% обучающихся. По шкале «Личностный рост» нормативные значения характерны для 76,2% студентов, и низкие – для 23,8% обучающихся. По шкале «Цели в жизни» нормативные значения характерны для 75,2% студентов, и 24,8% обучающихся имеют низкие показатели. По шкале «Самопринятие» нормативные значения характерны для 63,4% студентов, и низкие для 36,6% обучающихся.

Особое внимание в нашем исследовании привлекают показатели шкал психологического благополучия, которые имеют низкие значения. Низкий уровень психологического благополучия в данных сферах обусловлен преобладанием негативного аффекта (общего ощущения собственного несчастья, неудовлетворенностью собственной жизнью). Считается, что люди с низким уровнем психологического благополучия имеют низкий уровень осмысленности жизни, смысловые ориентации отличаются

абстрактным характером и принципиальной нереализуемостью, а мотивационная составляющая по их реализации выражена значительно слабее.

Определив отличия исследуемых компонентов психологического благополучия у студентов, принадлежащих к трем группам диспансерного учета, мы определили достоверность различий между данными выборок. Статистическую значимость различий между выборками оценивали по непараметрическому критерию Караскела – Уоллиса, межгрупповые различия считались статистически значимыми при $p < 0,05$. Статистически значимых различий между группами не обнаружено, при этом отмечается тенденция к снижению психологического благополучия от первой к третьей группе, так как низкий уровень психологического благополучия составил в первой группе 25%, во второй - 28,2% и в большей степени в третьей 33,7%.

Таблица 1 – Индекс общего психологического благополучия в диспансерных группах

Уровень психологического благополучия	Диспансерные группы			Средние показатели по всей выборке
	1	2	3	
высокий	17,7%	16,4%	11,9%	15,3%
средний	57,3%	55,5%	54,5%	55,7%
низкий	25,0%	28,2%	33,7%	29,0%

Данное исследование показывает, что независимо от наличия соматического заболевания у части объективно (по результатам медицинского осмотра) здоровых студентов наблюдается низкий уровень психологического благополучия, также как и у части студентов, имеющих в анамнезе хроническое соматическое заболевание, отмечается средний и высокий уровень психологического благополучия.

Данный факт несколько противоречит традиционному представлению о том, что состояние здоровья человека рассматривается как фактор, определяющий его психологическое благополучие. Следовательно, большее значение имеет не столько объективное состояние здоровья, сколько субъективная оценка здоровья.

Результаты проведенного исследования позволяют нам сделать следующие выводы. Независимо от наличия соматического заболевания необходимо дальнейшее исследование отношений между психологическим благополучием, внутренней картиной здоровья и возникновением соматических и психосоматических расстройств. Полученные данные по методике «Шкалы психологического благополучия» можно рассматривать как многофакторный показатель здоровья, что позволит разработать прогностические критерии для студентов, принадлежащих к различным группам диспансерного учета.

Исследование позволило выявить категорию студентов (являющихся группой риска возникновения психосоматических заболеваний), нуждающихся в психологическом сопровождении независимо от принадлежности к группе диспансерного учета. Наиболее актуальным представляется осуществление психологического сопровождения на начальной стадии заболевания, поскольку именно в этот период больные особенно остро испытывают внутриличностные конфликты.

Таким образом, полученные данные не только позволяют сделать вывод, о том, что при проведении профилактических медицинских осмотров необходимо проводить психологическую диагностику личности, направленную на изучение психологического благополучия личности, качества жизни и целостности внутренней картины здоровья, но и актуализируют необходимость дальнейшего исследования.

Изучение роли низкого уровня психологического благополучия как фактора риска, а также изучение динамики психологического благополучия как одной из составляющих здоровья определяет дальнейшие перспективы нашего исследования.

Список литературы

1. Ишмухаметов Р.Р. Самореализация и психологическое здоровье личности: постановка проблемы // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. Т.1. 2010. С. 74-79.
2. Козьмина Л.Б. Самоотношение и самооценка как предикторы психологического благополучия личности студентов-психологов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. - №1. С. 193-197.
3. Творогова Н.Д. Формирование саногенного поведения в контексте здорового образа жизни // Медсестра. 2010. №10. С. 24-30.
4. Хухлаева О.В. Особенности психологического здоровья современных студентов // Педагогическое образование и наука. 2001. №2. С.37-41.
5. Чебакова Ю.В. Психологическая саморегуляция телесных феноменов у больных с соматической патологией: диссертация кандидата психол.н. по спец. 19.00.04 – Медицинская психология. М., 2006. – 190 с.
6. Шевеленкова Т.Д. Исследование личностного способа существования человека в современном мире (опыт гуманистического направления в современной психологии) // Психология личности в условиях социальных изменений. М., 1993. С. 21-37.
7. Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Психологическое благополучие личности (обзор основных концепций и методологическое исследование) // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95-129.
8. Шувалов А.В. Психологическое здоровье человека // Вестник православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Серия 4: Педагогика, психология. 2009. № 4(15). С. 87-101.

3.3. Состояние окружающей среды и здоровье населения: позиция участковых терапевтов

С начала 2000-х гг. постепенно начинается рост экономики и промышленного производства. Наблюдающийся рост экономики в РФ отмечается и в Волгоградской и Ростовской областях. Так, начиная с 1997 г., объём промышленного производства в Волгоградской области увеличился с 38 миллиардов рублей до 123,5 миллиарда, сельскохозяйственное производство выросло с 5,6 миллиарда до 30. При этом происходит и структурное перераспределение объёмов роста в разных отраслях промышленности Волгоградской области - если до начала 2000-х гг. большая часть стабильно работающих предприятий была ориентирована на внешний рынок (до 25% всего промышленного производства давали предприятия химии и нефтехимии), то в середине 2000-х гг. на первое место вернулась металлургия - 26%.

Однако восстановление промышленности и увеличение объемов производств на промышленных предприятиях сопровождается возрастанием негативного воздействия на экологическую ситуацию. В 2004 г. более 500 работающих предприятий Волгограда и Волжского выбросили в атмосферу почти 630 тонн вредных веществ. Из этого количества выбросов предприятиями была уловлена лишь четвертая часть, а утилизировано всего

лишь 3%. В 2004 г. в атмосферу Волгограда было выброшено около 350 тысяч тонн загрязняющих веществ (количество различных примесей в них достигало 200 наименований), 70% выбросов приходится на автомобильный транспорт; в Волгу было слито 150 миллионов кубометров сточных вод с валовым показателем вредных веществ около 50 тыс. т.; городские полигоны наполнились 3 миллионами тоннами мусора. Схожие процессы характерны и для Ростовской области и Ростова-на-Дону.

В Волгоградской и Ростовской областях источником наибольшего количества загрязнителей атмосферного воздуха является химическая и нефтехимическая промышленность и транспорт (в качестве загрязнителей присутствуют вещества, обладающие канцерогенным, гепатотоксическим и нефротоксическим действием, влияющие на репродуктивную функцию и иммунную систему); приоритетными загрязнителями предприятий черной металлургии в Волгоградской и Ростовской областях являются свинец, формальдегид, бензол, 3-4-бенз(а)пирен, взвешенные вещества и диоксид серы[14].

Среди "проблемных" мест отмечается то, что, хотя в Волгоградской области доля проб атмосферного воздуха с превышением ПДК значительно ниже среднего показателя по РФ и не регистрировались в 2000 г. пробы с содержанием более 5 ПДК, но опасная ситуация по загрязнению атмосферного воздуха наблюдается в Волжском; в Ростовской области один из наиболее высоких уровней биологического загрязнения почвы и переселение жителей из санитарно-защитных зон в 2000-е гг. не проводилось [13].

В условиях роста объемов промышленных производств острой проблемой выступает физический износ основных производственных фондов: в РФ этот показатель составляет 69%, в ряде ключевых отраслей производства износ оборудования достигает 70-80%; в Волгоградской области - 58% и лишь 25% используемого оборудования имеют возраст менее 15 лет. Представляется возможным предположить, что в ближайшие 10-15 лет сохранится достаточно высокий процент изношенности основных производственных фондов, использование морально устаревших технологий, низкие уровни механизации технологических процессов и невысокие темпы модернизации предприятий, т.е. не реально создание экологически чистой безопасной среды, особенно в крупных промышленных центрах.

Несмотря на общий спад объемов промышленного производства в 1991-94 гг., не отмечено адекватного снижения загрязнения окружающей среды: объем выбросов от стационарных источников в 1994г. сократился на 12,3% и составил 21,9 млн. тонн против 31,8 млн. тонн в 1991г. Уменьшение валовых выбросов связано со снижением на 21,8% общего объема производства в России, хотя на единицу выпускаемой продукции объем выбросов возрос почти на 11%. Значительно возросли выбросы от автотранспорта, а их вклад в общий выброс достигает в среднем 47%. Более 100 млн. россиян - 73% - проживают в неблагоприятной санитарно-гигиенической обстановке, в 151 городе России концентрации химических веществ превышают ПДК до 5 раз, а в 87 - до 10 раз [16].; критическая или околокритическая экологическая ситуация отмечается в регионах, где проживает более 60 млн. человек.

Нередко в качестве мотива для усиления внимания к экологическим аспектам производственной деятельности приводится присоединение России к ВТО, членство в которой предполагает существенное возрастание природоохранных требований к предприятиям, влияющим на состояние окружающей среды на территориальном, региональном и глобальном уровнях. Следует согласиться с Л.Г. Егоровой [5]., что это

справедливо, но этот мотив не должен быть основным. Прежде всего, вся природоохранная деятельность - это работа "для себя и на себя".

О неудовлетворенности решением экологических вопросов свидетельствует и создание в ходе административной реформы нового ведомства (и его региональной структуры - Управления Нижневолжского округа по технологическому и экологическому надзору), которое сосредоточит в себе функции ранее ликвидированных структур: гостехнадзора, энергонадзора, атомнадзора, экологического надзора.

Причем, как справедливо подчеркивает В.И.Стародубов [15,2,3,4]., в настоящее время не созданы правовой и экономический механизмы, побуждающие работодателя принимать эффективные меры по обеспечению здоровья и безопасных условий труда, а комплексные планы улучшения условий охраны труда и санитарно-оздоровительные мероприятия выполняются лишь на 50-70%.

В данном контексте также необходимо отметить недостаточность средств, выделяемых государством на природоохранные мероприятия.

В то же время признаётся, что руководители промышленных предприятий обязаны реализовать множество управленческих решений и задач с учетом прогнозирования сложной экологической ситуации в регионе. Задачи современных руководителей состоят в том, чтобы добиться высокого качества товара, сохранить доступные цены и при этом не нанести ущерба окружающей среде, стабильности экосистемы и, соответственно, от них требуется формирование особого типа экологического мышления, развитие экологической этики, экологического мироощущения, выработки особых приоритетов природных ценностей и экологических представлений [6]. Соответственно, результативность управления в области охраны окружающей среды зависит и от руководства предприятий. Разработка и внедрение системы менеджмента охраны окружающей среды в любой организации реальны только тогда, когда высшее руководство осознаёт необходимость этого, принимает соответствующие решения и берет на себя ответственность за результаты [6].

Необходимо отметить, что улучшение экономической ситуации на промышленных предприятиях позволяет им (по крайней мере, части из них) осуществлять во всё возрастающих масштабах природоохранные мероприятия.

В целом, рост промышленности при физическом износе производственных фондов актуализирует экологическую проблематику в массовом сознании россиян. В частности, проведенный в 2002 г. в рамках общероссийского проекта "Культура безопасности современного российского общества" опрос показал, что среди всех проблем, беспокоящих в повседневной жизни, загрязнение окружающей среды, плохая экология беспокоят 32% респондентов в Северной Алании-Осетии и 11% в Москве (это 3-е место после страха за своё будущее, будущее своих детей и нужды, бедности, дороговизны жизни); угроза болезни - на 4-м месте (беспокоит 29% респондентов в Северной Алании-Осетии и 22% в Москве) [7]. 84% респондентов, проживающих вблизи промышленных предприятий, считают состояние атмосферного воздуха неудовлетворительным (против 32% в контрольной группе) и только 16% - удовлетворительным; неблагоприятное воздействие запаха отмечают 77-87% против 29%; пыли - 80% против 45%. Болезненные явления (боль, кашель, слезотечение, тошнота, головокружение) отмечают 69-72% против 26%. Загрязнение воздуха мешает проветриванию квартиры 69-74% против 30%. Проживающие вдоль автомагистрали несколько лучше оценивают санитарно-гигиенические условия. Загрязнение атмосферного воздуха беспокоит 36%, чаще в теплое время года (48%).

Социально-экологические проблемы на мировом, общенациональном, региональном и территориальном уровнях более чем актуальны. При этом они продолжают оставаться в сознании человека во многом новыми и неоднозначными. Бытовые представления и стереотипы общественного сознания формируют иногда негативное отношение населения к реальным действиям, направленным на улучшение экологической обстановки. Экологические проблемы, их социальные аспекты оказываются в фокусе социальных и экономических интересов различных слоёв социально-дифференцированного общества, что неизбежно придаёт общественному мнению по вопросам экологии политическую окраску. По данным различных исследований, от 80 до 90% респондентов считают экологическую ситуацию в России в разной степени неблагоприятной; до 40% респондентов поддерживают "зеленое" движение (но не участвуют в нём). Важную роль играет СМИ. СМИ могут формировать общественное мнение, для 30-45% россиян СМИ являются одним из главных источников экологических знаний, СМИ могут влиять на власть и СМИ могут выступать в качестве некоего диффузного лидера общественного мнения. При этом отмечается, что всего около 10% населения считает себя достаточно информированным по экологическим вопросам.

Ухудшение экологической обстановки способствует и ухудшению здоровья населения. Состояние здоровья как экпатологическая проблема в последние десятилетия является актуальной, поскольку отмечается тенденция к увеличению частоты и тяжести заболеваний. Оценка роли неблагоприятных воздействий на организм человека, связанных с загрязнением окружающей среды, представляет важнейшую задачу медицинской науки на современном этапе.

Окружающая среда характеризуется наличием неблагоприятных антропогенных факторов, способных влиять на состояние здоровья населения и вероятность развития тех или иных заболеваний, причем с точки зрения эпидемиологии неинфекционных заболеваний наиболее высока вероятность формирования экпатологии под воздействием химических факторов. Однако экологически обусловленными могут рассматриваться любые неблагоприятные эффекты в здоровье, отражающие последствия физических, химических, биологических, психологических воздействий на индивидуум и популяцию [10]. В то же время следует согласиться с мнением П.Н. Любченко [9]. о том, что в настоящее время не существует ни патогномичных симптомов, ни методов, надежно подтверждающих формулировку "патология, вызванная окружающей средой".

Восприятие населением экологической ситуации следует рассматривать в контексте её влияния на состояние здоровья - в настоящее время доказано и мировым сообществом принято положение, согласно которому состояние здоровья определяется 4-мя ведущими факторами социально-экономическими, в значительной степени определяющими образ жизни - до 55%, генетическими (биологическими) - до 20%, экологическими (природно-климатическими и внешне-средовыми) - до 20%, состоянием медицинской помощи населению - до 10%; при этом о неблагоприятном влиянии экологических факторов на состояние здоровья населения существует практически необозримая литература. Состояние здоровья одного отдельно взятого человека - явление в значительной степени случайное. Уровень же здоровья достаточно представительной группы людей (усредненный уровень здоровья) всегда служит индикатором благотворного или негативного влияния окружающей среды, отражая взаимодействие с ней не только настоящих, но и предшествующих поколений, то есть эффект накопленных воздействий. Значительный вклад в эти воздействия вносят изменения городской

природно-антропогенной системы в периоды выраженной трансформации общественных отношений, поскольку требуют от человека, как основной компоненты экосистемы, ускоренной адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности. Возрастает несоответствие между темпами технизации, химизации экосферы, урбанизации и возможностями адаптационных резервов современного человека. Неблагоприятная экологическая ситуация территорий проживания, ухудшение социально-экономического уровня жизни, информационные, межличностные перегрузки и т.д. могут явиться катализаторами негативных процессов в состоянии здоровья. Здоровье населения - наиболее яркий и всеобъемлющий показатель условий жизни, степени благополучия любой природно-антропогенной системы.

Для изучения особенностей формирования представлений населения о взаимосвязи здоровья и состояния окружающей среды были опрошены 52 участковых терапевта МБУЗ «Городская поликлиника № 3 г. Ростова-на-Дону» и МБУЗ «Городская поликлиника № 4 г. Ростова-на-Дону», а также МБУЗ «Городская поликлиника № 3 г. Волгограда» и МБУЗ «Городская поликлиника № 12 г. Волгограда» (гнездовые сплошные выборки). Оценивалась политика участковых терапевтов относительно взаимосвязи состояния окружающей среды и здоровья населения в контексте даваемых врачами объяснений больным, а также учитывая то, что ценность здоровья для большинства людей имеет приоритетное значение [6]. Для этого была составлена специальная анкета с 8-ю закрытыми утверждениями / вопросами с учётом принятых к анкетированию в социологии требований [1,2,3,4]. Результаты анкетирования приведены в таблице 1 (случаев выбраковки анкет вследствие неправильного или неполного заполнения не было).

Таблица 1 - Состояние окружающей среды и его влияние на здоровье населения (представления участковых терапевтов)

Вопросы и варианты ответов	Стаж				Все врачи	
	До 10 лет		10 и более лет			
	абс	%	абс	%	абс	%
1. На Ваш взгляд, Вы хорошо знаете экологическую ситуацию в городе:						
а) хорошо знаю	9	37,5	10	35,7	19	36,5
б) приблизительно знаю	12	50,0	16	57,1	28	53,9
в) практически не знаю	1	4,2	1	3,6	2	3,8
г) затрудняюсь ответить	2	8,3	1	3,6	3	5,8
2. Основные источники Ваших знаний по экологии:						
а) газеты	8	33,3	13	46,4	21	40,4
б) телепередачи	12	50,0	12	42,9	24	46,2
в) разговоры со знакомыми, в том числе и своими коллегами-врачами	6	25,0	8	28,6	14	26,9
г) медицинские журналы	3	12,5	3	10,7	6	11,5
д) собственные впечатления	11	45,8	16	57,1	27	51,9
3. В основном, люди связывают свои болезни с (возможно несколько ответов):						
а) плохим питанием	10	41,7	12	42,9	22	42,3
б) плохой экологией	9	37,5	15	53,6	24	46,2

в) ведением недостаточно здорового или неправильного образа жизни	4	16,7	5	17,9	9	17,3
г) случайными обстоятельствами	10	41,7	13	46,4	23	44,2
д) трудностью получения высококачественного лечения	7	29,2	13	46,4	20	38,5
е) наследственными факторами	2	8,3	3	10,7	5	9,6
ж) особенностями своего организма	3	12,5	3	10,7	6	11,5
з) профессиональной деятельностью	6	25,0	8	28,6	14	26,9
и) другими причинами	3	12,5	4	14,3	7	13,5
4. На Ваш взгляд, связывают свои болезни с состоянием окружающей среды (экологией):						
а) большинство обращающихся больных	4	16,7	7	25,0	11	21,2
б) около половины больных	7	29,2	8	28,6	15	28,8
в) примерно треть больных	7	29,2	9	32,1	16	30,8
г) только отдельные больные	4	16,7	3	10,7	7	13,5
д) затрудняюсь ответить	2	8,2	1	3,6	3	5,7
5. Если Ваши больные спрашивают Вас о причинах своих болезней, их обострений, длительного течения и т.п., то Вы объясняете это плохой экологией:						
а) почти постоянно или часто	7	29,2	8	28,6	15	28,8
б) периодически, иногда	12	50,0	13	46,4	25	48,1
в) редко или практически никогда	5	20,8	7	25,0	12	23,1
6. Если Вы объясняете больным, что их болезни связаны с плохой экологией, то:						
а) почти все с этим соглашаются	9	37,5	9	32,1	18	34,6
б) соглашается около половины больных	10	41,7	12	42,9	22	42,3
в) соглашаются только отдельные больные	2	8,3	2	7,1	4	7,7
г) затрудняюсь ответить	3	12,5	5	17,9	8	15,4
7. Со случаями, когда больные безосновательно связывают свои болезни с экологией, Вы сталкиваетесь:						
а) почти постоянно или часто	7	29,2	8	28,6	15	28,8
б) периодически, иногда	13	54,2	14	50,0	27	51,9
в) достаточно редко	3	12,5	5	17,9	8	15,4
г) затрудняюсь ответить	1	4,1	1	3,5	2	3,9
8. В случаях, когда больные связывают свои болезни с экологией, то чаще всего они болеют:						
а) тяжелее	6	25,0	11	39,3	17	32,7
б) легче	1	4,2	2	7,1	3	5,8
в) примерно так же, как и другие больные	9	37,5	11	39,3	20	38,4
г) затрудняюсь ответить	8	33,3	4	14,3	12	23,1

Как видно из приведенных в таблице 1 данных, большинство опрошенных участковых терапевтов расценили себя как информированных людей относительно экологической ситуации в городе (Волгограде или Ростове-на-Дону) - только 3,8% посчитали, что они практически не знают экологическую ситуацию и еще 5,8% затруднились оценить свои знания по данному вопросу. Абсолютное большинство респондентов считали, что они

либо хорошо знают экологическую ситуацию (36,5%) или знают её приблизительно (53,9%). При этом стаж работы (до 10-ти лет или более 10-ти лет) не влиял на позицию опрашиваемых по данному вопросу. Однако, можно предположить, что не только собственно информированность обследованных обусловила такие ответы, но и профессия (врачебная деятельность) в значительной мере детерминировала данное большое количество посчитавших себя компетентными лиц.

В то же время основными источниками своих знаний по экологии респонденты назвали собственные впечатления (51,9%), телепередачи (46,2%), газеты (40,4%), т.е. источники, предоставляющие в значительной мере тенденциозную и часто недостаточно объективную, обоснованную информацию (в имеющейся литературе характер и причины предоставления СМИ необъективной информации по экологическим вопросам подробно представлены в исследованиях В.В.Деларю, 2000-2004. В 26,9% источниками экологических знаний были разговоры со знакомыми, в том числе и с коллегами-врачами, дающие также достаточно субъективные представления. Только 11,5% опрошенных врачей, заявили, что основные источники их знаний по данному вопросу - медицинские журналы. Таким образом, хотя респонденты и считают себя достаточно информированными по экологическим проблемам людьми, большинство источников их знаний субъективны и недостаточно надёжны.

Согласно представлениям опрошенных терапевтов, в основном люди связывают свои болезни с 3-мя факторами. Чаще всего в данном контексте называлась плохая экология (об этом сказали 46,2% врачей), а также случайные обстоятельства (44,2%) и плохое питание (42,3%). Кроме этого, люди связывают свои болезни с трудностью получения высококачественного лечения (по наблюдениям 38,5% опрошенных) и с профессиональной деятельностью (так считали 26,9% респондентов). Реже всего люди объясняли свои болезни наследственными факторами (данную причину выделили 9,6% врачей), особенностями собственного организма (11,5%) и ведением недостаточно здорового или неправильного образа жизни (17,3%).

Надежность ответов на субъективную взаимосвязь экологии и здоровья косвенно проверилась с помощью вопроса о том, какое количество людей, на взгляд респондентов, связывает свои болезни с состоянием окружающей среды города (его экологией). На взгляд 21,2% респондентов это делает большинство обращающихся больных, причем более стажированные врачи чаще отмечали это (25,0% против 16,7%; $p > 0,05$). 28,8% опрошенных посчитали, что связывают свои болезни с экологией около половины обращающихся в районные поликлиники больных и 30,8% врачей - что это делает около трети больных. Всего 13,5% опрошенных врачей считали нетипичным для больных связывать свои болезни с экологией, ответив, что так делают только отдельные больные. Таким образом, обобщенно (по наблюдениям участковых терапевтов, согласно их ответов на 3-й и 4-й вопросы анкеты) можно сказать, что не менее половины обращающихся в районные поликлиники больных связывает свои болезни с неблагоприятным состоянием окружающей среды по месту жительства.

Соответственно, если больные спрашивали участковых терапевтов о причинах своих болезней, их обострениях, длительном течении и т.п., то 28,8% респондентов часто или даже почти постоянно объясняли это плохой экологией; еще 48,1% делали это периодически, иногда и лишь четверть (23,1%) - редко или практически никогда (влияние стажа работы на позицию по данному вопросу не выявлено).

Также не было выявлено различий в позиции стажированных врачей и их менее опытных коллег по такому вопросу, как часто соглашаются больные с тем, что причиной

их болезней является плохая экология: треть респондентов (34,6%) ответили, что с подобным объяснением соглашаются почти все больные, 42,3% ответили, что с этим соглашается около половины больных. В то же время всего 7,7% опрошенных врачей считали, что с объяснениями о связи заболевания с неблагоприятной экологией соглашаются только отдельные больные и еще 15,4% респондентов затруднились ответить на данный вопрос. Таким образом, на взгляд трех из четырех опрошенных участковых терапевтов (76,9%), значительное число обращающихся к ним больных (половина или почти все) соглашаются с объяснениями о связи имеющихся заболеваний с неблагоприятной экологией города.

При этом со случаями, когда больные безосновательно связывали свои болезни с экологией 28,8% врачей сталкивались часто или почти постоянно, 51,9% - периодически, иногда и всего 15,4% - достаточно редко (3,9% затруднились ответить на данный вопрос).

В контексте взаимосвязи экологии и состояния здоровья также несомненный интерес представляют наблюдения опрошенных участковых терапевтов о том, как протекают заболевания, когда больные связывают их с неблагоприятными экологическими факторами. В случаях, когда больные связывают свои болезни с экологией, то чаще всего они болеют тяжелее считали треть (32,7%) респондентов, причем стажированные специалисты думали так чаще своих менее опытных коллег (39,3% против 25,0%; $p > 0,05$). Еще около трети респондентов (38,4%) считали, что этот фактор (объяснение своей болезни неблагоприятным состоянием окружающей среды) не влияет на течение болезни (так думали одинаково часто как стажированные врачи, так и проработавшие менее 10 лет специалисты - 39,3% и 37,5% соответственно). В то же время всего 5,8% опрошенных считали, что в случаях, когда люди связывают свои болезни с экологическими факторами, то они болеют легче. Почти каждый четвертый респондент (23,1%) затруднился ответить на данный вопрос (в первую очередь, он вызвал затруднения у проработавших менее 10 лет специалистов - 33,3% не смогли на него ответить против 14,3% среди проработавших 10 и более лет; $p > 0,05$).

Таким образом, проведенное исследование представлений участковых терапевтов о субъективном восприятии жителями крупных промышленных городов (Волгограда и Ростова-на-Дону) влияния экологии на своё здоровье и как сами врачи объясняют своим пациентам взаимосвязь экологии и состояния здоровья (нездоровья) показало, что около половины населения связывают свои болезни с неблагоприятным состоянием окружающей среды по месту их проживания. Несомненно, что экологические факторы влияют на состояние здоровья, однако, в то же время для людей характерно необоснованно преувеличивать негативное влияние экологических факторов. Поэтому, когда врачи связывают болезни с негативным влиянием окружающей среды ("еще бы Вы не болели при такой экологии... а каким воздухом Вы дышите" и т.п.), значительная часть людей соглашается с этим и довольствуется подобными разъяснениями, которые дают им специалисты. То, что больные довольствуются подобным объяснением, в свою очередь, удобно участковым врачам, чей график работы, фактически, исключает сколько-нибудь подробные, длительные беседы с больными, включая и объяснения причин их заболеваний и, соответственно, ссылки на экологию позволяют быстрее "отвязаться" от больных, дав последним удовлетворяющие тех объяснения. Но эти объяснения (о связи того или иного заболевания с экологией) нередко бывают необоснованными, тем более, что сами врачи в качестве источника знаний по экологическим вопросам склонны использовать ненадежную информацию из СМИ. В результате потенцируются "экологические фобии".

Подобная ситуация является одной из причин такого распространённого явления, когда больные безосновательно связывают свои болезни с экологией (со случаями, когда больные безосновательно связывают свои болезни с экологией 28,8% опрошенных участковых терапевтов сталкивались почти постоянно или часто и 51,9% - периодически, иногда), причем в подобных случаях, согласно наблюдениям врачей, имеющиеся заболевания протекают тяжелее и длительнее. Это можно объяснить следующим образом: поскольку в большинстве случаев существующая экологическая ситуация, являющаяся причиной заболевания, сохраняется, то и вероятность выздоровления индивидом субъективно воспринимается маловероятной, т.е. формируется своеобразная готовность болеть. В этой связи участковым терапевтом целесообразно при объяснениях обращающимся к ним больным более строго подходить к связыванию имеющихся у последних заболеваний с экологическими факторами, чтобы избежать психологической травматизации своих пациентов, способствующей хронизации их заболеваний.

Список литературы

1. Деларю В.В. Социальная экология и массовое сознание / Монография // Волгоград, 2000. 204 с.
2. Егоров В.Н. Медико-социальные аспекты информационной деятельности в области экологии (на материале работы промышленных предприятий) / Диссертация на соискание ученой степени кандидата медицинских наук // Волгоград, 2006. 132 с.
3. Егоров В.Н., Качан Т.Д., Степаненко А.Ф. Современные аспекты ранней диагностики профессиональных заболеваний / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященная 70-летию Рязанского государственного медицинского университета им. Академика И.П. Павлова, 2013. С. 231-235.
4. Егоров В.Н., Качан Т.Д., Степаненко А.Ф., Таютина Т.В., Недоруба Е.А., Кобзарь О.Н. Современные аспекты социально-трудовой реабилитации больных с сочетанными формами профессиональной патологии // Современные проблемы науки и образования, 2017. № 5.
5. Егорова Л.Г. Проблемы управления качеством окружающей среды // Экология производства, 2004. № 2. С.24-36.
6. Ефимова О.Н. Экологическое сознание и экологизация управления промышленным предприятием // Проблемы социальной психологии XXI столетия. Т.1. / Под ред. Козлова В.В., Ярославль, 2004. С.225 -227.
7. Кузнецов В.Н. Общениональная цель как фундаментальная проблема социологии // СОЦИС, 2005. № 4. С. 3-14.
8. Лисицын Ю.П. Санология основа первичной профилактики // Вестник Российской АМН. 1995. № 8. С.48-51.
9. Любченко П.Н. Экологическая агрессия и механизмы адаптации // Медицина труда и промышленная экология, 1996. № 11. С. 1-5.
10. Омирбаева С.М. Риск развития экологически обусловленных заболеваний // Гигиена труда и промышленная экология, 2004. № 11. С. 28-32.
11. Онищенко Г.Г. Окружающая среда и состояние здоровья населения («Экологическая доктрина России в контексте общениональной стратегии устойчивого развития») // Гигиена и санитария, 2001. № 3. С. 3-8.

12. Онищенко Г.Г. Социально-гигиенические проблемы состояния здоровья детей // Гигиена и санитария, 2001. № 5. С. 7-11.
13. Онищенко Г.Г. Актуальные проблемы совершенствования государственного санитарно-эпидемиологического надзора в области гигиены окружающей среды // Гигиена и санитария, 2002. № 3. С. 3-9.
14. Онищенко Г.Г. О ходе работы по введению социально-гигиенического мониторинга в 2000-2002 гг. и задачах Госсанэпидслужбы Российской Федерации по его совершенствованию // Гигиена и санитария, 2004. № 3. С. 3-7.
15. Стародубов В.И. Сохранение здоровья работающего населения одна из важнейших задач здравоохранения // Гигиена труда и промышленная экология, 2005. № 1. С. 1-8.
16. Строев Е.А., Воронов В.П., Болнок Т.Н. Здоровье населения и окружающая среда // Российский медико-биологический вестник им. акад. И.П. Павлова. 1996. № 1-2. С. 3-11.

3.4. Психологическое сопровождение подготовки специалиста наркологического профиля – от вуза до практического звена здравоохранения

Работа по улучшению качества оказания медицинской помощи зависимым от психоактивных веществ (ПАВ) пациентам движима стремлением постоянного ее совершенствования на всем пути профессионального становления: от этапа обучения студентов медицинских и гуманитарных специальностей в системе вузовской подготовки до профессиональной деятельности практикующих специалистов, включенных в систему непрерывного профессионального образования. Многопрофильная организация современной наркологической помощи требует своевременного решения вопросов модернизации системы подготовки специалистов и их дальнейшего непрерывного профессионального развития с учетом социально-психологической ее составляющей. Требования к основному и дополнительному профессиональному образованию включают разработку качественно новых современных научно-образовательных продуктов, как на русском, так и иностранных языках, основанных на результатах отечественных и зарубежных научных исследований. Поиск инновационных направлений научного сотрудничества и взаимодействия в медицинской и психосоциальной сфере наркологической отрасли, а также внедрение современных разработок в области психологии крайне востребованы, поскольку направлены на уменьшение социальных рисков государственного уровня и, следовательно, на повышение качества жизни обследуемых, включая представителей групп наркологического риска, лиц с недавно диагностированной зависимостью, а также имеющих длительный алкогольный анамнез с алкоголь-атрибутивной коморбидной патологией [9]. Работа в современной наркологической отрасли глубоко психологична и социально обусловлена, поэтому, как в вопросах основной и дополнительной профессиональной подготовки, органично осуществляемой в системе непрерывного профессионального образования специалистов, так и при лечении и реабилитации наркологических пациентов перспективным является комплексный системный подход, учитывающий и медицинские, и гуманитарные, в основном, психологические, и социокультурные аспекты заболевания.

Одним из успешных стратегических путей решения вопроса повышения качества наркологической помощи стал переход от ее медицинской модели к широкопрофильному

межведомственному варианту с привлечением специалистов гуманитарного профиля [5, 14]. Психологи и социальные работники органично включились в процесс реабилитации наркологических пациентов, закрепляя успех лечения и реабилитации соответствующими социально-психологическими методами. Данный подход обусловил внедрение и широкое использование в современных медицинских учреждениях бригадного метода работы, расширив и углубив способы воздействия на пациента: от оказания ему специализированной медицинской и психологической помощи до включения в процесс реабилитации широкого круга социальной поддержки из числа значимого окружения больного [3]. Итогом совместной работы специалистов является социальный и экономический эффект от возвращения к активной социальной жизни лиц с устойчивой терапевтической ремиссией [6], а также привлечение в наркологическую сферу деятельности высококлассных специалистов гуманитарных отраслей знаний, обусловив их успешное взаимодействие и профессиональное сотрудничество с медицинскими работниками.

Одновременно актуальной является направленность современной медицины на процесс повышения ее эффективности при оптимизации затрат, что предполагает улучшение качества лечения и реабилитации больного при снижении затраченных ресурсов со стороны соответствующих государственных учреждений. Учитывая медицинскую, социальную, демографическую и экономическую обусловленность наркологических заболеваний [17], дополнительными возможностями должно и может обладать общество, в которое интегрирован больной. Следовательно, необходима разработка комплексного этапного подхода к лечению и реабилитации больных с максимально возможным привлечением социальных ресурсов: от ближайшего микросоциального окружения пациента до заинтересованных общественных структур на макросоциальном пространстве. Для достижения стабильного позитивного результата необходимо организовать кураторство каждого этапа лечения и реабилитации больного со стороны значимых специалистов, в том числе гуманитарного профиля, а также разработать систему обучения правильному взаимодействию с больным, как специалистов, так и иных социально заинтересованных лиц [14]. Это и должна осуществить система психологического сопровождения процесса оказания наркологической помощи, как со стороны обучающегося в вузе, специалиста, совершенствующего свою квалификацию, так и со стороны больного – основного заказчика наркологических услуг.

Целью настоящего исследования явилось обоснование значимости психологического сопровождения процесса оказания наркологической помощи: от этапа подготовки специалиста до профессионального осуществления им лечебно-реабилитационной помощи.

Организация системы подготовки специалистов наркологической сферы деятельности – на этапе основного и дополнительного профессионального образования – характеризуется комплексным подходом [16] и имеет следующие направления работы (рис. 1):

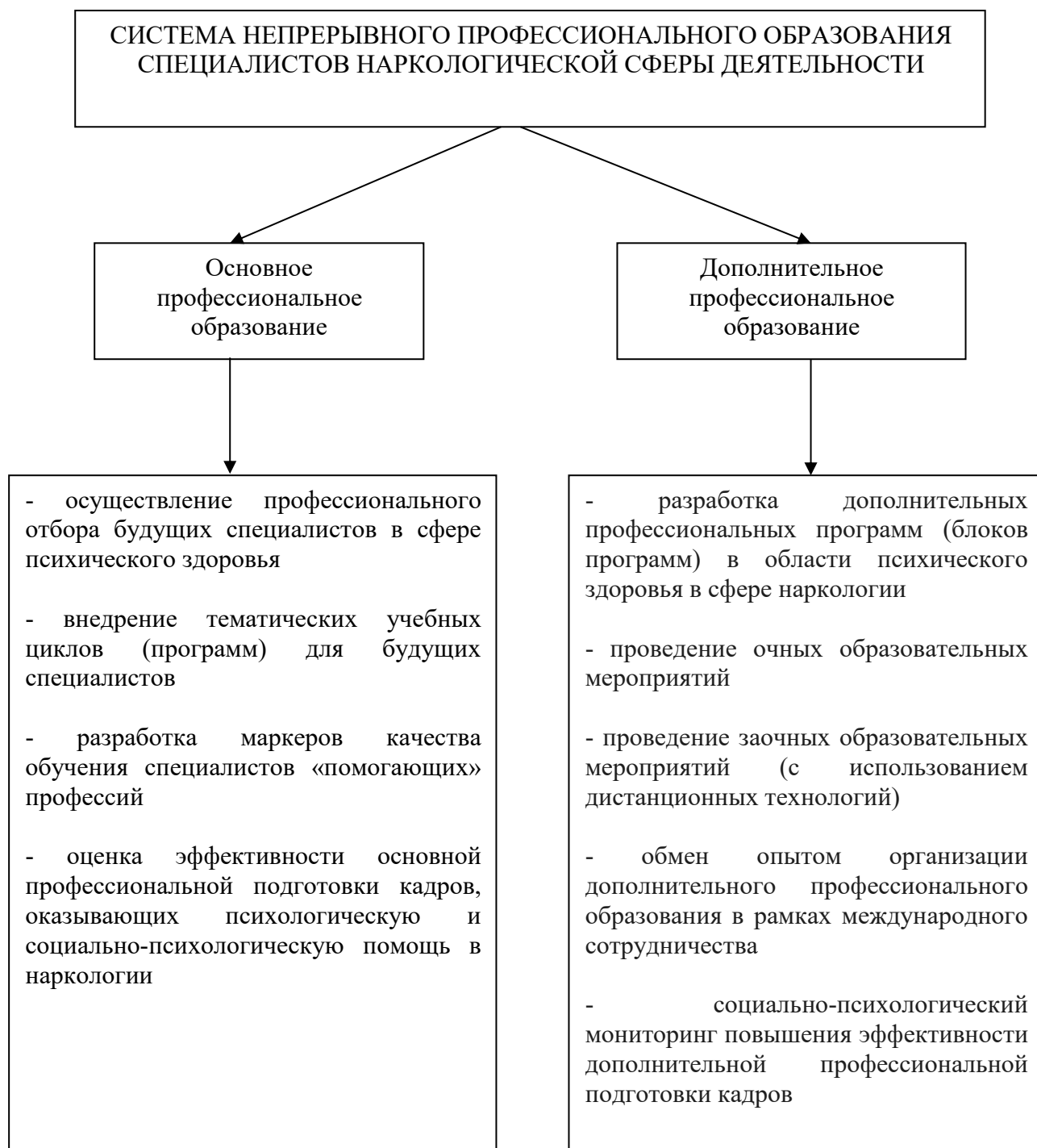

Рисунок 1 - Система непрерывного профессионального образования специалистов наркологической сферы деятельности

В процессе современного экономического и социального развития общества непрерывность образования является важной составляющей становления личности [10]. Регулярное пополнение и совершенствование знаний, умений и навыков вызвано стремлением человека быть профессионально востребованным и, следовательно, активным и успешным в социуме. Медицинская, психологическая и социальная сферы профессиональной деятельности взаимосвязаны и характеризуются определенной направленностью мотивации специалиста – стремлением реализации своего личностного и профессионального потенциала в сфере служения людям, а именно, в области их физических страданий и душевных переживаний, что требует особенно тщательного

отбора и не менее качественной, а также продолжительной подготовки будущих специалистов [2]. Основа моральных качеств, то есть нравственный потенциал личности, так необходимый в будущей профессии, а также познавательные навыки и волевые черты характера, формирующие мотивацию к учению, закладываются в детский период, совершенствуются в подростковом и юношеском возрасте и проявляются в дальнейшей жизни личностными и профессионально значимыми для человека и общества качествами. Следовательно, высокая результативность процесса обучения для будущей профессиональной востребованности в области психического здоровья, в том числе в наркологической сфере деятельности, на этапе получения основного профессионального образования складывается из нескольких, в том числе и психологической, составляющих.

Отбор на начальных этапах основного профессионального образования на предмет выявления профессионально значимых качеств определяет заинтересованных в обучении лиц и одновременно позволяет незаинтересованным избежать будущих ошибок, например, разочарования в профессии, что, в итоге, дает возможность наиболее рациональным путем использовать бюджетные средства для обучения в государственных образовательных учреждениях. Психологическая диагностика сосредоточена на оценке личностных, в том числе важных морально-нравственных характеристик будущих психологов и социальных работников, избравших свое призвание в сфере человеческих взаимоотношений. Значимыми качествами успешного специалиста, вне зависимости от выбранной гуманитарной области, являются искренний интерес, уважение к людям, к профессии, гуманизм, эмпатия, наблюдательность, гибкость и открытость. Наличие развитых коммуникативных навыков, таких, как умение выслушать, понять собеседника, грамотная выразительная речь, богатый словарный запас, способность управлять своими эмоциями, аргументировать свою позицию позволяют установить продуктивный доверительный контакт, прийти на помощь в сложной жизненной ситуации, при этом профессиональные знания и навыки позволяют это сделать психологически грамотно и максимально корректно. Широкий кругозор, эрудированность, развитые познавательные способности, в том числе, высокая интеллектуальная работоспособность, хорошая память, внимательность, являются предпосылками к будущей исследовательской и проектной деятельности специалиста. Наличие таких качеств, как организованность, ответственность, трудолюбие способствует оптимальной организации учебного и профессионального пространства, что в системе непрерывного образования является неременным условием профессиональной успешности и личностной реализации [16].

Регулярно осуществляемый в процессе обучения контроль удовлетворенности качеством получаемого образования позволит отслеживать уровень предоставляемых образовательных услуг, повышая мотивацию обучающихся и дополнительно стимулируя профессиональный интерес профессорско-преподавательского состава вуза.

Использование на этапе основного профессионального образования преимуществ целенаправленного профессионального отбора, проведение мониторинга качества обучения, наличие востребованных образовательных программ, инновационных воспитательных технологий способствуют выявлению достоверных маркеров качества обучения представителей «помогающих» профессий для подготовки высоко мотивированных и грамотных специалистов, в том числе в наркологической сфере деятельности, готовых продолжить активное обучение в будущем в рамках дополнительного профессионального образования.

Прогрессивным научным сообществом концепция непрерывного профессионального образования обозначена продуктивной педагогической идеей, соответственно, образование рассматривается как органическая часть общей культуры личности, в том числе психологической, как фактор и источник ее развития и самопознания [13].

Разработка дополнительных профессиональных программ или их отдельных компонентов (блоков) в области психического здоровья расширяет спектр предоставляемых услуг в сфере повышения профессиональной компетентности специалистов и содержательно обогащает наркологическую практику знанием психологических аспектов профессиональной деятельности. Например, мотивационная психотерапевтическая помощь в процессе лечения, изменение дезадаптивных паттернов поведения пациента, психологическая поддержка при восстановлении его личностного и социального статуса в процессе реабилитации, а также знание психологических особенностей организации взаимодействия с его микро- и макросоциальным окружением дает возможность активизировать дополнительные ресурсы для стабильной терапевтической ремиссии пациента. Знакомство с основными направлениями, современными подходами, эффективными технологиями социально-психологической помощи создает благоприятные условия для включения полученных знаний и приобретенных навыков в контекст практической деятельности, как врачей-наркологов, так и иных, значимых для процесса реабилитации специалистов гуманитарных отраслей знаний.

Как известно, основная причина рецидивов при наркологических заболеваниях заключается в отсутствии у больного психологических и социальных навыков жизни без употребления ПАВ. Кроме того, такие болезненные состояния, как тревожность, депрессия, неврозы, неудовлетворенность жизнью, нарушения и расстройства сна, которые рассматриваются в качестве поздних постабстинентных симптомов, могут сохраняться достаточно длительное время после лечения [18]. Комплекс диагностических и коррекционных мероприятий, направленных на выявление особенностей психологического статуса пациента, поддержание мотивации отказа от ПАВ, изменение дезадаптивного поведения, закрепление полученного эффекта от лечения, достижение устойчивой ремиссии и, в итоге, повышение качества жизни пациента учитывают биопсихосоциальные аспекты наркологических заболеваний и составляют основу социально-психологической реабилитации. Высокая результативность данного процесса достигается благодаря последовательности поставленных задач и обязана успехом слаженной работе специалистов медицинских и гуманитарных областей знаний [15].

Неоценимую помощь, особенно в процессе реабилитации и адаптации к полноценной жизни после лечения, способно оказать ближнее окружение больного, и здесь также необходимо выстроить психологически грамотное взаимодействие. Известно, что это довольно уязвимая категория лиц, зачастую сама являющаяся созависимой от означенной проблемы и страдающая порой не меньше, чем сам больной [19]. Следовательно, родственники и близкие зависимых также нуждаются в психологической помощи и поддержке, что актуализирует организацию обучения специалистов грамотному взаимодействию и максимально продуктивному сотрудничеству с ними. Врачам психиатрам-наркологам и психологам необходимо владеть обширными знаниями по психологическим аспектам заболеваний и иметь соответствующий опыт работы, как с зависимыми лицами, так и с их созависимым окружением, чтобы найти нужный подход, понимание, и обратиться в безусловное благо помощь и поддержку близких. Кроме

максимально помогающей и включенной в ситуацию микросреды (семьи, родственников), существуют более дальние, но не менее важные социальные группы, способные оказать психологическую и даже психотерапевтическую поддержку реабилитанту, например, оказав максимальную помощь и доверие при реинтеграции в учебный или трудовой коллектив. Нередко помощниками, так называемыми «наставниками», могут оказаться те, кто сам прошел через сложный путь отказа от зависимости, поэтому принципиальное значение в организации процесса реабилитации имеет сотрудничество с бывшими пациентами, прекратившими злоупотребление, для психологической поддержки и социального сопровождения реабилитантов. Участие в специально организованных группах само- или взаимопомощи, например, в сообществе анонимных алкоголиков или в иных получивших признание альтернативных «12-шаговым моделям» программах, окажет благоприятное воздействие на участников реабилитации, укрепив мотивацию достижения успеха лечения и направленность на дальнейшую здоровую жизнь. При этом важно, чтобы микро- и макросредовые воздействия были согласованными, психологически грамотными, влияли на все содержание личности зависимого, и это в большей степени зависит от профессиональных усилий специалистов, работающих бригадным методом в лечебно-реабилитационной среде [15].

В наркологической практике, характеризуемой наличием психологической нагрузки, и, в целом, стрессового характера профессиональной деятельности, отмечается высокий риск возникновения психических нарушений и ухудшения соматического здоровья у медицинского персонала, к тому же высока распространенность синдрома профессионального выгорания, что существенно влияет на качество врачебной помощи [1]. Важной содержательной составляющей дополнительных профессиональных программ является развитие психологической компетентности в области диагностики и профилактики профессионального выгорания у медицинских работников, полезен опыт диагностики и коррекции морально-психологического климата коллектива наркологического учреждения. Нагрузка на интеллектуальную и эмоционально-волевую сферу, специфичность общения с маргинальным контингентом пациентов, напряженный график работы, высокий уровень индивидуальной и групповой ответственности за результат остро ставят проблему не только комплексной и достаточно объемной социально-психологической реабилитации больных, но и не менее актуальную проблему организации качественного психологического сопровождения деятельности специалистов [8].

Следовательно, учитывая многоаспектность проблемы наркотической зависимости, а также широкую субъектную направленность, то есть актуальность психологических знаний для разных целевых категорий получателей наркологических услуг, в содержание дополнительных профессиональных программ целесообразно включить следующие направления работы: социально-психологическая поддержка в диаде «врач-пациент», в триаде «врач-пациент-психолог (и/или социальный работник)» и иных продуктивных командах, позволяющих вовлечь в процесс реабилитации, кроме специалистов, более широкий круг социально заинтересованных в благоприятном исходе лечения пациента лиц [14]. В процессе реализации вышеуказанных направлений работы планомерно решаются задачи формирования представлений о специфике социально-психологической помощи наркологическим больным, осуществляется развитие профессиональных способностей специалистов в плане оптимальной ее организации на рабочих местах. В настоящее время интерес научного сообщества активно направлен на исследование психологических

аспектов профессиональной деятельности наркологов. В частности, имея высококвалифицированных специалистов различного профиля в области лечения, профилактики и реабилитации больных, актуальны исследования и научные разработки, посвященные изучению и развитию психологических особенностей персонала, способствующих формированию командного метода работы, а также оздоровлению морально-психологического климата в коллективе, что можно эффективно восполнить в процессе непрерывного образования, в том числе в виде обмена научным и практическим опытом как со стороны ученых-исследователей, так и их успешно практикующих коллег.

В рамках дополнительных профессиональных программ для удобства обучающихся, кроме очных образовательных мероприятий – конференций, семинаров, мастер-классов, в том числе, проводимых с использованием дистанционных образовательных технологий, целесообразно проведение заочных мероприятий, с возможностью обучаться на рабочем месте, например, тематических интерактивных образовательных модулей, электронных образовательных курсов, реализуемых организациями, осуществляющими образовательную деятельность [7, 11].

Указанные направления работы и задачи, решаемые в их рамках, органично и своевременно встраиваются в процесс дополнительного профессионального образования врачей наркологического профиля и специалистов гуманитарных отраслей знаний. Их целесообразно рассматривать как системный процесс, объединяющий усилия команды специалистов – врачей-психотерапевтов, педагогов, психологов, клинических психологов, социальных педагогов, социологов, медицинских менеджеров и т.д.

Проводимый экспертами социально-психологический мониторинг эффективности дополнительных профессиональных программ, очных и заочных образовательных мероприятий позволяет регулярно отслеживать уровень их результативности, научную и практическую значимость, а также создает дополнительную мотивацию для повышения конкурентоспособности данных интеллектуальных продуктов на рынке современных образовательных услуг.

Описанные выше направления до- и последипломного образования можно представить на примере образовательной и научно-исследовательской деятельности Северного государственного медицинского университета (г. Архангельск), где регулярно осуществляется мониторинг качества обучения студентов, в том числе гуманитарных специальностей. Он показывает достаточно высокие результаты в виде повышения качества обучения студентов, например, своевременным внедрением современных дистанционных, электронных и симуляционных образовательных технологий, что является отражением современных международных требований к отбору персонала. Кроме того, на этапе реализации основного профессионального образования, предваряющего и дающего старт дальнейшему непрерывному профессиональному развитию специалиста, актуально не только регулярное совершенствование стандартных образовательных программ, но и разработка и внедрение для будущих специалистов новых тематических учебных циклов и программ относительно применения гуманитарных знаний, в том числе психологических, в области наркологии [16]. Образовательные циклы на этапе освоения основной образовательной программы на протяжении уже почти двух десятилетий являются для студентов медицинских и гуманитарных факультетов университета своеобразным экскурсом в сферу работы с зависимостями: знакомят студентов со спецификой реабилитационной работы, дают понимание важности психологической составляющей восстановительного процесса, учат терпению и чуткости при работе с пациентами,

имеющими наркологические проблемы. Учебные программы, разработанные в рамках регионального компонента, становятся отправным пунктом понимания роли психолога в лечебно-восстановительном и реабилитационном процессе, а также имеют высокую методологическую ценность и практическую значимость при обучении проектированию и внедрению эффективных реабилитационных программ в лечебный процесс, что приводит к более глубокому пониманию сущности психологической реабилитации с учетом региональной специфики. Регулярно проводимые в вузе тематические конференции, конкурсы среди студентов и аспирантов, участие их в оформлении тематических аудиторий повышают познавательную и общественную активность, при этом творческий характер проводимой работы интересен студентам, создавая прочную мотивацию волонтерам для будущей работы с зависимыми пациентами уже со студенческой скамьи [21].

Неоценимую помощь в вопросах сохранения и восстановления психического здоровья в рамках наркологической теории и практики, а также подготовки высококвалифицированных специалистов, может оказать изучение опыта зарубежных стран, с которыми у медицинского университета есть многолетний опыт продуктивного сотрудничества. Учитывая важность развития международного сотрудничества в области охраны психического здоровья, особенно с увеличением частоты встречаемости психических расстройств в связи с миграцией населения, качественная подготовка специалистов в области транскультурных аспектов психического здоровья является крайне востребованной [16]. Актуально проведение совместных масштабных исследований, направленных на обмен опытом с зарубежными странами для подготовки и внедрения эффективных программ повышения качества постдипломного образования в области психического здоровья. Для их разработки необходимо выяснить социально-психологические маркеры продуктивности организации непрерывного образования, а также осуществить прогноз эффективности работы будущих специалистов в сфере психического здоровья, что позволит в перспективе значительно повысить качество предоставления услуг населению и повысить рейтинг помогающих профессий [12].

В соответствии со Стратегией государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. [20], в нашей стране определена приоритетность профилактических задач различного уровня; как наиболее перспективная и дальновидная в плане социальных последствий представлена первичная профилактика, основанная на формировании социально значимых ценностей – созидательного труда, духовного и нравственного развития, культивирования среди населения социально-нормативного, безопасного и здорового образа жизни. Воспитание здоровой, развитой, ответственной за свое поведение личности минимизирует риск возможных социальных осложнений во взрослой жизни, способствует формированию у нее устойчивой антинаркотической установки и правильной жизненной позиции. Одной из наиболее активных участников процесса профилактики зависимости от ПАВ в России является система образования, где сочетанные усилия педагогов и психологов, подкрепленные поддержкой родителей, наиболее благоприятны для формирования активной жизненной позиции личности. Кроме того, профилактическая деятельность ориентирует на дальнейшее усиление контроля за распространением ПАВ в группах риска, профилактику девиантного поведения, предрасполагающего к зависимости, создание максимально комфортной и эффективной социально-поддерживающей микро- и макросреды, где профессиональные умения специалистов помогающих профессий – психологов, социальных работников – являются

наиболее востребованными. Все чаще первичная психологическая профилактическая антинаркотическая помощь дифференцированно оказывается не только молодежной аудитории, но и иным социальным и возрастным группам населения, например, девушкам при подготовке к беременности, беременным женщинам, лицам пожилого возраста [4] и другим лицам, где важнейшую роль также играет социально-психологическое их сопровождение со стороны специалистов – будущих и настоящих выпускников вузов.

Таким образом, проблема активной интеграции психологических знаний в наркологическую теорию и практику на всех уровнях очень актуальна в современном научном сообществе. Наличие нескольких целевых категорий психологического сопровождения наркологической помощи – здоровое население, группы риска, наркологические пациенты, их микро- и макросоциальное окружение, специалисты (врачи, психологи, социальные работники), осуществляющие лечебный и реабилитационный процесс, обусловило востребованность психологических знаний в данной сфере деятельности. Создание устойчивого профессионального сотрудничества специалистов – медиков и гуманитариев – позволит пациенту получить наилучший эффект от лечебно-реабилитационного процесса, активизирует дополнительные ресурсы микро- и макросреды, поднимет на максимально продуктивный уровень профессиональные возможности специалистов и обеспечит возможность проводить эффективную предупредительную работу среди населения. Комплексность и мультисубъектность наркологической помощи расширяют спектр предоставляемых услуг и одновременно повышают результативность процесса лечения и реабилитации пациента. Эффективность оказываемой психологической помощи напрямую зависит от качества подготовки специалистов, ее осуществляющих, поэтому в вопросах обучения и повышения квалификации также планируется применить комплексный системный подход, учитывающий, как медицинские, так и гуманитарные – психологические и социокультурные аспекты профессиональной подготовки специалистов [15].

В современном российском обществе концепция непрерывного профессионального образования представлена как приоритетная проблема, вызванная к жизни развитием научно-технического прогресса, социальными и экономическими изменениями в жизни общества. Тенденции современной медицины, в том числе в наркологической сфере деятельности, направлены на процесс гуманизации и психологизации медицинской помощи, что, безусловно, осуществимо за счет активного привлечения социально-психологических знаний в систему профессионального образования с самого раннего его этапа. Система основного и дополнительного образования должна соответствовать требованиям современного общества относительно подготовки психологически грамотных специалистов, готовых быть достаточно активными и мобильными в процессе усвоения и дальнейшего непрерывного совершенствования своего профессионального мастерства, осваивать инновационные образовательные технологии и внедрять их в практическое здравоохранение на рабочих местах. Комплексная программа социально-психологического сопровождения подготовки специалистов на всех этапах ее осуществления – от вуза до практического звена здравоохранения – направлена на совершенствование системы непрерывного образования, повышение востребованности специалистов помогающих профессий в наркологической сфере деятельности, что в перспективе поднимет качество медицинских услуг на более высокую ступень развития. Разработка тематических учебных циклов в области психического здоровья, формирование дополнительных профессиональных программ и проведение образовательных

мероприятий, насыщенных современными образовательными технологиями, разработка маркеров эффективности подготовки кадров, регулярно осуществляемый мониторинг качества обучения модернизируют систему профессионального образования, делают его непрерывным, инновационным и отвечающим запросам практического здравоохранения [16].

Комплексный мультипрофессиональный подход, как в организации наркологической помощи, так и в системе основной и дополнительной подготовки специалистов, тесное взаимодополняющее сотрудничество специалистов, работающих в области медицины, психологии, социальной работы, позволит сделать систему оказания помощи потребителям наркологических услуг одновременно и эффективной, и экономичной, что особенно актуально в условиях оптимизации здравоохранения, а изучение и внедрение элементов международного опыта способствует максимальному приближению ее к мировым стандартам качества.

Список литературы

1. Агибалова Т.В., Козин В.А. Синдром эмоционального выгорания у наркологов и его влияние на качество жизни пациентов с алкогольной зависимостью // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2015. Т. 115. № 4-2. С. 80-83.
2. Андреев И.Л., Шурупов Р.В., Назарова Л.Н. Философско-психологические аспекты подготовки врача-педагога // Психология и психотехника. 2013. № 2. С. 186-195.
3. Брюн Е.А., Кошкина Е.А., Агибалова Т.В., Дудко Т.Н., Бузик О.Ж., Копоров С.Г., Михайлов М.А., Соколичик Е.И., Власовских Р.В., Рычкова О.В., Былинкина В.С., Шипицин В.В., Гордовская Н.А., Кислова Т. В. Современные подходы в организации медико-социальной реабилитации наркологических больных : метод. рекомендации. М., 2013. URL: <http://r-n-l.ru/documents/minzdravmet2013.pdf> (дата обращения: 27.12.2017).
4. Гузова А.В., Голубева Е.Ю., Соловьев А.Г. Особенности качества жизни и биологического возраста пожилых лиц с алкогольной зависимостью в условиях Европейского Севера // Успехи геронтологии. 2010. Т. 23. № 1. С. 110-114.
5. Дудко Т.Н. Состояние медико-социальной реабилитации наркологических больных в Российской Федерации // Вопросы наркологии. 2013. № 3. С. 70–76.
6. Дудко Т.Н., Зенцова Н.И. Концептуальные основы и комплексная программа медико-социальной реабилитации наркологических больных. М.: Спорт и культура-2000, 2014. 264 с.
7. Координационный совет по развитию непрерывного медицинского и фармацевтического образования. URL: www.sovetnmo.ru (дата обращения: 9.01.2018).
8. Малыгин В.Л., Пахтусова Е.Е., Шевченко Д.В., Искандирова А.Б. Синдром эмоционального выгорания у врачей и медицинских сестер наркологических учреждений // Медицинская психология в России. 2011. № 5. URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 21.12.2017).
9. Мордовский Э. А., Вязьмин А. М., Соловьев А. Г. Алкоголь-атрибутивная смертность и организационные подходы к ее учету в России и за рубежом // Наркология. 2012. Т. 11, № 11 (131). С. 60–69.
10. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). URL: <http://edu.rosminzdrav.ru/normativno-pravovaja-baza/federalnye-zakony/> (дата обращения: 20.12.2017).

11. Об утверждении Положения о модели отработки основных принципов непрерывного медицинского образования для врачей-терапевтов участковых, врачей-педиатров участковых, врачей общей практики (семейных врачей) с участием общественных профессиональных организаций : приказ Минздрава России № 837 от 11 нояб. 2013 г. URL: <http://edu.rosminzdrav.ru/normativno-pravovaja-baza/normativnye-pravovye-akty-federalnykh-organov-ispolnitelnoi-vlasti/prikazy-minzdrava-rossii/> (дата обращения: 13.01.2018).
12. Паштаев Б.Д. Эффективность образовательного процесса в вузе // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2011. № 2. С. 81–84.
13. Портал непрерывного медицинского и фармацевтического образования Минздрава России. URL: <http://edu.rosminzdrav.ru> (дата обращения: 12.01.2018).
14. Смирнова Н.Н., Соловьев А.Г. Роль специалистов гуманитарного профиля в этапном оказании наркологической помощи // Наркология. 2017. № 3. С. 22–25.
15. Смирнова Н.Н., Соловьев А.Г. Мультисубъектный подход к психологическому сопровождению наркологической помощи населению // Психическое здоровье. 2017. № 7. С. 64–69.
16. Смирнова Н.Н., Соловьев А.Г. Психологическая подготовка специалистов как залог успешности непрерывного профессионального образования в наркологии // Вестн. психотерапии. 2017. № 62 (67). С. 123–136.
17. Соловьев А.Г., Мордовский Э.А., Санников А.Л. Количественная оценка совокупного ущерба от злоупотребления алкоголем на популяционном этапе // Наркология. 2016. № 1. С. 16–32.
18. Стандарты реабилитации в наркологии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ecad.ru/standarty-reabilitacii-v-narkologii.html> (дата обращения: 8.01.2018).
19. Стоянова И.Я., Мазурова Л.В. Психологическая работа с проблемами алкогольной зависимости и созависимости // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 322. С. 223–224.
20. Указ Президента РФ от 9 июня 2010 г. № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12176340/> (дата обращения: 13.01.2018).
21. Харьковская О.А., Червина Н.А., Парамонов А.А., Соловьев А.Г. Волонтерское движение как инновационный наркологический сервис // Экология человека. 2007. № 10. С. 49–52.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Александрова Марина Викторовна – доктор педагогических наук, профессор, директор ГООУ ДПО «Региональный институт профессионального развития» (г. Великий Новгород, Россия).

Александрова Наталья Викторовна – кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры профессионального педагогического образования и социального управления, Институт непрерывного педагогического образования ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород, Россия).

Беляева Татьяна Борисовна – кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород, Россия).

Вишнякова Нина Николаевна – старший преподаватель кафедры клинической психологии и психотерапии с курсом ПО ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет» (г. Красноярск, Россия).

Воронкова Ольга Алексеевна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Социологии ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия).

Горбенко Антон Васильевич – аспирант, Государственный университет управления (г. Москва, Россия).

Грошев Игорь Васильевич – доктор экономических наук, доктор психологических наук, профессор, начальник Управления организации научной деятельности Государственного университета управления; заместитель директора НИИ образования и науки (г. Москва, Россия).

Донина Ирина Александровна – доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры профессионального педагогического образования и социального управления ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород, Россия).

Егоров Владимир Николаевич – кандидат медицинских наук, доцент кафедры поликлинической терапии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Еремина Лариса Ивановна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и социальной работы ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова» (г. Ульяновск, Россия).

Жеребкина Валентина Федоровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (г. Челябинск, Россия).

Каскаева Дарья Сергеевна – кандидат медицинских наук, доцент, доцент кафедры внутренних болезней № 1 ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет» (г. Красноярск, Россия).

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор ГОУ ВО «Московский государственный областной университет» (г. Москва, Россия).

Логинова Ирина Олеговна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой клинической психологии и психотерапии с курсом ПО ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет» (г. Красноярск, Россия).

Мейер Лариса Хамитовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет (филиал в г. Пятигорске)» (г. Пятигорск, Россия).

Нагорнова Анна Юрьевна – кандидат педагогических наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательской части ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет» (г. Тольятти, Россия).

Недоруба Елена Александровна – кандидат медицинских наук, ассистент кафедры поликлинической терапии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Поломошнова Светлана Анатольевна – доктор педагогических наук, доцент; магистрант, педагог-психолог; ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»; МБОУ «Североморская школа полного дня» (г. Великий Новгород, Россия).

Рослякова Светлана Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социальной работы, педагогики и психологии ФГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет» (г. Челябинск, Россия).

Селезнёв Александр Алексеевич – старший преподаватель кафедры психологии, руководитель лаборатории психолого-педагогических исследований филиала кафедры психологии на базе центра медицинской реабилитации (ЦМР) детей с психоневрологическими заболеваниями факультета педагогики и психологии УО «Барановичский государственный университет» (г. Барановичи, Беларусь).

Смирнова Наталья Николаевна – кандидат биологических наук, доцент кафедры психиатрии и клинической психологии ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Архангельск, Россия).

Соловьев Андрей Горгоньевич – доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психиатрии и клинической психологии ФГБОУ ВО «Северный государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (г. Архангельск, Россия).

Таятина Татьяна Владимировна – кандидат медицинских наук, доцент кафедры поликлинической терапии ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет» (г. Ростов-на-Дону, Россия).

Углова Тамара Валентиновна – кандидат психологических наук, доцент ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород, Россия).

Хачатурова Карине Робертовна – кандидат педагогических наук, учитель физики, Государственная общеобразовательная школа № 129 (г. Санкт-Петербург, Россия)

Шерайзина Роза Моисеевна – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой профессионального педагогического образования и социального управления ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого» (г. Великий Новгород, Россия).

Яковлева Елена Людвиговна – доктор философских наук, кандидат культурологии, профессор, зав. кафедрой философии и социально-политических дисциплин ФГБОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова» (г. Казань, Россия).

Научное издание

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

коллективная монография

В авторской редакции

Подписано в печать 21.02.2018. Формат 60х84/16

Печать оперативная. Усл. п.л. 8,9

Тираж 1000 экз. Заказ № 16–04–11

Отпечатано с готового оригинал–макета в издательстве ЗЕБРА
432072, Россия, г. Ульяновск, ул. Жуковского, 83.